

Ловись рыба

Несмотря на то, что официальное открытие было назначено на четыре часа, уже с восьми утра началась регистрация участников спортивной рыбалки. Выловить карпа, выпущенного в Исеть специально для «Майского экстрима» собралось порядка 150 рыбаков, и не только из Екатеринбурга. В это утро рыбачили все: и мальчишки с простыми удочками и заядлые рыбаки в камуфляжных костюмах, удочки закидывались по обоим берегам Исети и с моста, за рыбой охотились и официально зарегистрировавшиеся участники и рыбаки, пожелавшие остаться неизвестными. Ловили на хлеб, на червя, а кто-то и просто так, наудачу. За пять часов непрерывной рыбалки были выловлены: карп, щука, язь, подъязок, лещ, подлещик, плотва, окунь, ерш. Первое почетное место за самую тяжелую пойманную рыбу, между прочим, почти килограммовую щуку, занял екатеринбуржец Быков Валерий Сергеевич. Но

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

на этом победы не закончились, нашли своих героев и такие номинации, как самая маленькая рыба, лучшая рыбачка, самый молодой рыбак и самый опытный рыбак.

Как скалолазы лазали

Уже на квалификационных соревнованиях альпинистов, которые начались с полудня, скалодромы были окружены активными болельщиками и восхищенными зрителями. Финалисты определялись по суммарному времени покорения двух трасс. Под конец соревнований болельщики радостно обсуждали между собой, что «наши-то вышли из минуты». А нам зрителям казалось, что самые быстрые спортсмены взлетают по трассе за долю секунды, буквально в три прыжка, практически не касаясь зацепов.

Награждали победителей заместитель начальника Управления по физической культуре,

спорту и туризму г. Екатеринбурга Игорь Климанов и главный судья соревнований Александр Пиратинский — профессор УГТУ-УПИ, вице-президент Международной федерации альпинизма, который в свою очередь был очень рад тому, что «все, кто находятся на сцене, являются абитуриентами, студентами или выпускниками УГТУ-УПИ».

В створе как в пещере

Когда состязания на скалодромах уже были в самом разгаре, начались квалификационные соревнования у спелеологов. Ребята из СГС — Свердловской городской спелеосекции — в касках, с карабинами и веревками на поясе нависали над самой водой, затем поднимались под свод Плотины и имитировали работы по прохождению потолка пещеры. Как пояснил Алексей Курочкин, траверс под потолком Плотины создает ощущения, приближенные к пещерным, также темно, также шумит вода, такие же опасные условия. И, несмотря на кажущуюся легкость и скорость движений, любое несоблюдение точности спелеотехники «летающими» спортсменами грозит реальным, а не показательным падением в бушующую стихию. Не подвела «утопающий» катамаран и ожидания затаивших дыхание зрителей слаженная команда спелеологов-спасателей, и хотя спасен был не настоящий водник, а муляж, зрелищная демонстрация трудностей вытягивания катамарана

слепопыта»

Из Докладной записки начальника главного управления службы спасения Свердловской области Василия Ерохина: «...2. За период 1-3 мая спасателями Нижнесергинской, Красноуфимской поисково-спасательных групп и Екатеринбургского поисково-спасательного отряда на территории парка «Оленьи ручьи» зарегистрированы на месте проведения сплава 30 групп туристов общей численностью более 300 человек.

3. За этот же период спасено 37 человек, оказавшихся в воде, поднято 10 плавсредств.

4. 8 мая на озере Шарташ спасателями водолазной службы были сняты со льда двое рыбаков: А.Г. Рудаков и С.К. Козырев

5. Спасателями Нижнесергинской и Красноуфимской поисково-спасательных групп 9-10 мая на территории парка «Оленьи ручьи» зарегистрированы на месте проведения сплава 8 групп туристов общей численностью 64 человека.

За период 9-10 мая при проведении сплава перевернулись 11 плавсредств. Спасателями Нижнесергинской поисково-спасательных групп спасено 20 человек, оказавшихся в воде и подняты из воды 5 лодок.

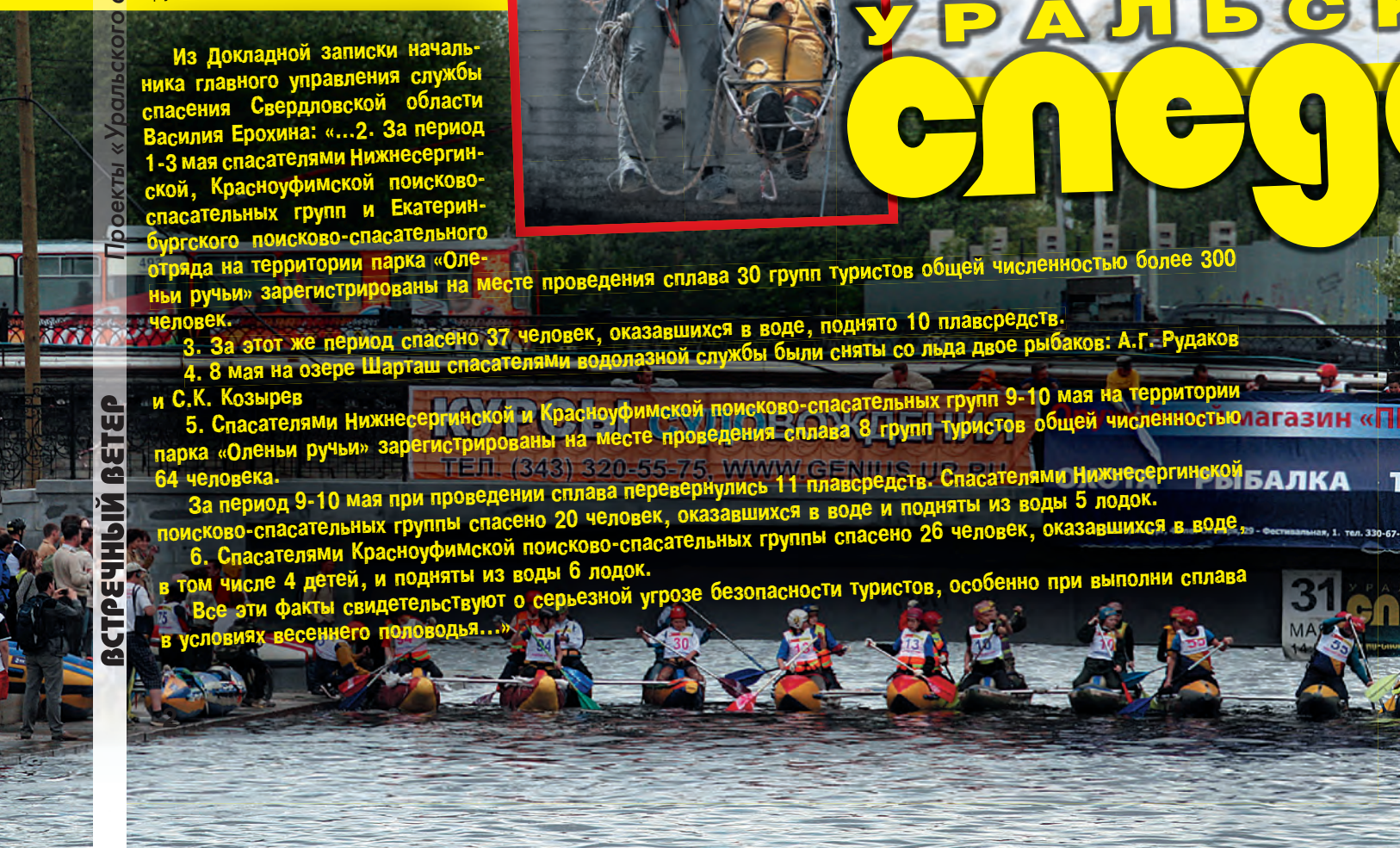
6. Спасателями Красноуфимской поисково-спасательных групп спасено 26 человек, оказавшихся в воде, в том числе 4 детей, и подняты из воды 6 лодок.

Все эти факты свидетельствуют о серьезной угрозе безопасности туристов, особенно при выполнении сплава в условиях весеннего половодья...»

УРАЛЬСКОЕ СЛЕД

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Уральский водный спорт

над бушующей струей и подъем и транспортировка пострадавшего дали понять, что всем нам есть над чем задуматься и над чем поработать.

Speed Slalom

После обеда открылась еще одна фестивальная площадка. В этом году роллеры соревновались в выполнении дисциплины Speed Slalom. Разогнаться и змейкой объехать 20 красных или синих фишек, не сбив по дороге ни одной, не пропустив, и еще весь путь проделать способом Forward OneFoot Monoline не так-то просто, и получилось не у всех. Но, несмотря на чисто мужской финал, как ребята приехали дружной веселой компанией, так же радостно и заразительно праздновали они свою общую победу во время награждения.

Водники

Сразу после показательных спелеологических спасательных работ уже размявшие и рвущиеся в бой водники окунулись в бушующую стихию. Лосось в тринадцатый раз пошел на нерест. Причем в ожесточенной борьбе за ценные призы хозяева одной из байдарок окунулись буквально. Но, как и положено настоящим друзьям каждый, кто находился рядом, не задумываясь, протянул руку помощи «утопающим». К створу Плотины сбежали все: и зрители, которых было так много, что даже почетное зрительское место на самом родоните было занято не одним болельщиком, и пред-

Председатель туристического клуба УрГУ Алексей Малыгин: Екатеринбург повезло в том, что здесь есть река, которая так хорошо подходит для соревнований по водному туризму. Причем протекающая через самый центр. Поэтому такие зрелищные соревнования, как «Майский экстрим» доступны для всех желающих. Это удобно и зрителям и участникам. Я считаю, что такие соревнования крайне полезны с точки зрения популяризации спорта и активного отдыха. Особенно же важно, что те, кто следят за этими соревнованиями, увидят, как безопасно вести себя на воде, какое снаряжение необходимо. В смысле обеспечения безопасности все было сделано как всегда очень грамотно. Так же приятно отметить тот факт, что постепенно расширяется география участников соревнований. Приезжают спортсмены из городов, где нет возможности провести соревнования в центре города как у нас. Например, в этом году впервые приехали и сразу составили достойную конкуренцию наши друзья из Перми.

ставители прессы, часть которых заранее готовила прицелы своих камер именно на лососей.

А в четыре часа уже восстановившим силы только что бывшим «лососьям», а теперь пилотам-гонщикам был дан старт из-под Малышевского моста. И все 35 экипажей от каяков до четырехместных катамаранов, все, от «Синявочек» до «Тигров» полетели к ЦПКИО им.Маяковского, предварительно обогнув контрольный буюк у моста на Ленина. Уровень

воды был достаточно высок, не справлялись с управлением своих болидов, трудно передать, как бушевали болельщики при столкновении катов, как обидно было видеть, что драгоценные секунды и силы тратятся, а ребята остаются на месте. А потом мы все дружно поддерживали разъехавшихся героев, которые с пониманием ситуации делали невероятно резкий рывок вперед.

А когда соревнования подошли к концу, всех участников промокших, замерзших, но счастливых привезли на Плотинку, наградили, и шампанское тут же потекло рекой в самых лучших традициях самых лучших гонщиков.

Выставка

На протяжении всего дня любителей туристических походов и экстрималов радовали своей полезной для каждого из них продукцией наши экспоненты, в частности, компания «Сплав», экипировочный центр «Век», «Вольный ветер», «Механические сани», сеть спортивных магазинов «Альпиндустрия», сеть спортивных магазинов «Триал-спорт», «Шторм». Здесь прямо на месте можно было приобрести туристическое снаряжение, велосипеды, палатки, застраховаться от несчастных случаев в страховой компании «Югория», прокатиться на вездеходном автомобиле, получить консультации специалистов и даже пройти у представителей учебного центра «Гений» пробный тест, который проходят все претенденты на получение прав на вождение маломерных судов.

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

июль 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Проекты «Уральского следопыта»

<u>Е. ПАХОМОВА</u> Юбилей	Майский экстрим — 2009	2 пол. обл.
<u>Е. СЕСЛАВИНА</u>	У природного парка «Река Чусовая» первый юбилей — 5 лет!	6
<u>Путешествие</u> <u>У. МАРКОСЯН</u> <u>А. ОТМАХОВА</u> <u>М. ЕРЕМА</u>	Сплав по Народе	8
	Дорога к соседям	12
	Авто-байдарочное путешествие	20
<u>Человек в экстремале</u> <u>Л. ВОЛКОВ</u>	Спелестологические перспективы Южного Урала	25
<u>Заповедные земли Урала</u> <u>Б. ПОПОВ</u>	Записки факторщика	30
<u>Маршруты Серебряного кольца</u> <u>Т. ЧЕРЕМИСИНА</u>	Нижний Тагил	37

АЭЛИТА

Проекты «Уральского следопыта»

<u>Б. ДОЛИНГО</u>	Аэлита продолжается!	42
<u>Повод для улыбки</u> <u>А. СКОРОБОГАТОВ</u>	Желтый Сверхстратегический	43
<u>Законы Вселенной</u> <u>Ю. ИВАНОВ</u>	Пляски на гаке	48
<u>Координаты чудес</u> <u>М. ДРОБКОВА</u>	Установщик дверей	56

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

<u>Ю. ГОРБУНОВ</u>	Писательницы России	59
<u>Версия</u> <u>М. ДАВИДОВ</u>	У Волчьей балки	60
<u>Юбилей</u> <u>В. КОПЕЙКО</u>	Братья Столетовы	65
<u>Краеведческая копилка</u> <u>Н. ПОЗДНЯКОВА</u>	Прототипы «Девушки с веслом»	66
<u>Далекое — близкое</u> <u>В. ПЛЕХАНОВ</u>	«Спрямление Карла Либкнехта»	68
<u>Краеведческая копилка</u> <u>Н. ШАРНИНА</u>	Шевелевка — Лесная школа	69
<u>Литературное краеведение</u> <u>П. СЕВЕРНЫЙ</u>	Топтыгин с Косьвы	70
<u>Человек и природа</u> <u>М. ФОНОТОВ,</u> <u>В. САДЫРИН</u>	Царские кудри	3 пол. обл.

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов,
 Б.А. Долинго, Е. Пахомова
Худ. редактор, верстка — А.А. Жильцова.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Т.В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки — В. Осипов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель — СОЮЗ «Трудовой коллектив
 редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
 Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
- Семен Спектор, заслуженный врач России.
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
 службы по надзору за соблюдением законодательства в
 сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
 следия по УрФО

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
 вом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются
 отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
 подписана автором. Обязательно прилагать информацию
 об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале,
 на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В
 первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
 электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответ-
 ственность за предоставление материалов и иллюстраций,
 обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
 правлении электронных сообщений обязательно заполнять
 поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
 ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
 обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
 следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
 правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
 «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
 подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
 чать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
 ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
 рубежья

– Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

Елена СЕСЛАВИНА,
фото предоставлено автором

У природного парка «Река Чусовая» первый юбилей — 5 лет!

17 июня 2004 года Постановлением правительства Свердловской области №519-ПП было вынесено решение о создании особо охраняемой природной территории областного значения «Природный парк «Река Чусовая». Этому событию предшествовала история длиною в полвека.

Активное обсуждение идей создания природных и национальных парков на Урале начинается в конце 50 — начале 60-х годов прошлого столетия. Рождаются проекты Средне-Уральского национального парка, Башкирского природного парка. Одним из перспективных и интересных было предложение об организации национального парка на реке Чусовой. В 1989 г. был принят первый нормативный документ об ограничении хозяйственной деятельности в бассейне реки: Решение исполнительного комитета Свердловского областного совета народных депутатов «Об утверждении положения о водоохраных зонах рек, озер и водохранилищ и установлении водоохраных зон рек бассейна реки Чусовой». Работа непосредственно по организации парка началась в 1991 году. Первоначально парк планировался как национальный. В 1995 году проектируемый парк вошел в перечень государственных природных заповедников и национальных парков, рекомендуемых к организации в период до 2010 года. Но позже категория проектируемой особо охраняемой природной территории была сменена: с национального парка на природный парк, а статус — с федерального на областной.

19 октября 2001 года был принят Указ губернатора Свердловской области «О мерах по стабилизации экологической ситуации и рациональному природопользованию в бассейне реки Чусовой на территории Свердловской области». В Указе предусмотрено создание в бассейне реки Чусовой природного парка областного значения «Река Чусовая». В период с 2002 по 2004 годы было подготовлено и представлено на рассмотрение правительства области технико-экономическое обоснование природного парка «Река Чусовая». В сентябре 2004 года парк начал свою работу.

Территория парка включила в себя водное пространство реки Чусовой и прилегающие к нему территории в границах муниципальных образований Шалинский и Пригородный районы и пос. Староуткинск Свердловской области. На территории парка расположены 42 памятника природы, а также ряд памятников истории, археологии и культуры. Границы парка максимально охватывают основной водосборный бассейн реки Чусовой в ее среднем течении и привязаны к руслам рек, дорогам, просекам, границам землепользований.

Сегодня парк, говоря языком цифр, это 19 сотрудников, около 40 тысяч посетителей ежегодно и 77 тысяч гектар охраняемой территории. На парк возложены три задачи: а) сохранение природной среды; б) создание условий для отдыха; в) разработка и внедрение эффективных методов охраны природы в условиях рекреационного использования территории. Для решения

этих задач в парке созданы два отдела: отдел охраны и отдел экологического просвещения и туризма. Инспекторы отдела охраны осуществляют постоянное инспектирование территории парка, выявляют нарушения режимов природопользования, ведут разъяснительную работу с посетителями парка. На них же зачастую возложены хозяйственные задачи – строительство и ремонт туристических стоянок, установка аншлагов и многое другое. Отдел экологического просвещения и туризма ведет постоянную работу с образовательными учреждениями области, вузами и научно-исследовательскими учреждениями. Ежегодно тысячи школьников участвуют в различных мероприятиях парка – в акциях «Марш парков», «Посади дерево – вырастет лес», «День птиц» и других. Отделом разрабатываются новые туристские проекты, экологические тропы, маршруты, проводятся экскурсии для посетителей парка. В настоящее время разработаны экологические тропы «Баронская петля», «Камень Винокурный», «Озеро Бездонное», «За уральской платиной», а также готовится ряд других маршрутов. Благодаря сотрудничеству парка с различными творческими коллективами, прежде всего фольклорными, отдых в парке может стать незабываемым событием.

Особую ценность имеют рекреационные зоны парка, где проходят традиционные туристские маршруты. Наиболее популярный из них – водный, проходит по реке Чусовой. На каких только плавсредствах не увидишь здесь туристов! Это и байдарки, и катамараны, различные лодки, плоты... Ежегодно парком создаются новые стоянки, призванные не только создать дополнительный комфорт туристам, но и уменьшить влияние человека на окружающую среду.

Природный парк всегда рад гостям! Базы парка расположены в деревне Баронская и поселке Староуткинск. Администрация находится в Нижнем Тагиле по адресу: пр. Ленина, 1а, офис 213. Телефоны (3435) 42-32-72, 7-41-67-96. Наш сайт <http://www.park-chusovaya.ru>

Усик Маркосян,
фото автора

Сплав по Народе

Цавт танем

Факт установлен. В этой яме рыба есть. Народ быстренько возвращается к рыбалке. Рыбаки с берега своими удочками и спиннингами стараются ловить рыбу в том же месте, где охотники плавают.

— Поймал, я поймал! — кричит Женя Шаталов, подтягивая к себе леску спиннинга. — Крупная, тяжело идет... дальше не идет.

— Сам ты, идет, в мою ногу попал, дальше не пойдет, — возмущается в яме Фикрат и отцепляет крючок от своего костюма. — Тяни, тяни, сейчас пойдет.

Макс передает мне свой трофей.

Я как бывалый быстро кладу первую рыбу в соль. Макс кричит мне:

— Усик, одевайся, залезай.

Еще полчаса, и я черепашьими шагами лезу в яму.

— Плыви по течению, ногами не шуми, — не успел ничего понять, а уже пузом за дно реки зацепился. Поднимаю голову, снимаю маску — оказывается, я внизу ямы. Пять минут, и я опять плыву по течению. Ничего не видно дальше полутора метров. А Макс говорит:

— Левее от тебя в трех метрах два хариуса стоят.

— Макс, не вижу, максимум на метр видимость.

— Да ты снимай маску, плюнь вовнутрь, протри линзы.

Опять плыву, уже с Максом. Он впереди. Нырять, а я за ним повторяю. Но, увы — как поплавков, и сразу вверх. Воздуха мало.

— Сначала отдышись, набери воздуха немного. Оставь свое ружье на берегу, а то еще в себя или в меня пальнешь.

Пошли. Вроде воздуха хватает, но под водой не могу удержаться.

— Усик, у тебя костюм толстый, надо груз добавить.

Так-так, надо что-то делать. Быстро соображаю. Расслабляю ремень и толкаю туда камень килограммов на пять. Вроде нормально, но все равно не то. Меня тащит под водой. Камень мой цепляется за камни на дне.

— Усик, ты чего? Чем под водой стучишь?

Чего-чего! Сам понимаю, как плохому танцору что-то мешает. А учиться хочется. Набираю побольше воздуха, как Макс посоветовал, и плыву. Наконец получается. Вот оно, нейтральная плавучесть. Вижу камни на дне, вижу охотников под водой, смело ныряющих, вижу блесны — а рыбу не вижу.

— Усик, ты держись за этот камень, а я их погоню к тебе, и ты их увидишь.

Точно, чуток отдохну. Суматоха прошла. Лежу в воде, одной рукой держусь за камень, второй держу ружье. В яме вода быстро успокаивается, видно не меньше, чем

на десять метров. Увлекательно и красиво, но холодно. Макс:

— Усик, давай сюда, уже все на берегу, хариуса попробуем. Макс, ты тоже входи.

О, вовремя! Красота подождет, никуда не денется, а вот хариус со стола быстро исчезнет. Тороплюсь к столу. На столе я рыбу быстро вижу, не так, как под водой. Аккуратно нарезанные 12 кусочков, толщиной три сантиметра, растянуты по всему столу. Кто-то решил сфотографировать. Когда фотографируешь с ближней позиции, хариус получается размером с кита. Так как Макс подошел к столу последним, ему достался самый большой кусок, длиной 6 сантиметров. Но это была голова, отрезана до ушей. Про поговорку не буду упоминать. Что правда, то правда. Кусочка закуски хватило на три по пятьдесят, за первого героя Макса и других. Этот кусок был самой вкусной в нашей поездке закуской. Друзья — хи-хи, ха-ха, а я один пошел дальше делать уроки. Опять толкаю в пузо камень, лезу в воду и, цепляясь за камни, поднимаюсь против течения. Надо же, я вижу рыб! Думаю, это три по пятьдесят помогли расширить диафрагму и сфокусировать глаз. А на самом деле необходимо научиться видеть их. Вот две стоят, вот три, вот одна. Красиво и невозмутимо они стоят против течения, как буд-

Усик Амаякович Маркосян. 48 лет. Предприниматель из поселка Саранпауль, ХМАО.

то течения и нет. Мимо трех рыб проходит блесна — это Андрей из города Садко. Так как под водой четко вижу, куда она идет, показываю ему, бросать туда, где рыба стоит. Ноль эмоций. Хариусы лишь чуть поворачивают головы в сторону блесны, как будто провожая взглядом, и дают понять: «Все под контролем».

— Андрей, давай удочкой попробуй, — одной рукой держусь за камни, голова под водой, второй рукой показываю ему. — Налево, вверх чуток, еще левее, спускай.

Крупный червяк, висающий на крючке в позе «полшестого», наконец почувствовал свободу и прохладу воды, оживился, потянулся и принял позу, похожую на перевернутый вопросительный знак, не подозревая, что опускается прямо в рот хариуса. Красавица-рыба, видно, спала крепким сном, после игры в «кошки-мышки» с подводными охотниками. Через секунду жирный червяк коснулся ноздри хариуса. Вспомнилось, как дети издеваются над спящими взрослыми, касаясь носа перышком. Ощущение, как будто муха сидит. Рукой смахнешь, и дальше спать,

а она, назойливая, опять пристает, до тех пор, пока не проснешься от детского хохота. Хариус слегка дернулся, а червяк, подгоняемый течением, еще крепче сел рыбе на морду. Наконец, она проснулась и от увиденного испуганно чихнула так, что червь оторвался от нее и от крючка.

— Был зацеп, сорвался и утащил моего червяка!

— Нет, Андрей, не так было, тебе не объяснишь — все равно не поверишь.

Через пару попыток Андрей решил, что в этой яме хариуса нет и, как остальные рыбаки, собрал свои нахлыст, спиннинг и удочку. Скоро сумерки. Меня опять потрясло от холода. Несколько раз с переката до конца ямы спустился — безрезультатно. Хариус в этой яме стал умнее и хитрее — издали увидит мой силуэт и удирает так, что стрелять бессмысленно. Последняя попытка, и ухожу — хватит на сегодня.

— Андрей, будь другом, давай, я спрячусь за камень, а ты пару камней в воду кинь подальше от меня, может, рыба на меня пойдет.

Дрожу всем телом, но ждать надо, хоть и знаю, что завтра на губах опять герпес вылезет. Несмотря на то, что уже темнеет, насчитываю в яме девять хариусов. Вот они, стоят, согласно установленной иерархии. Никакой борьбы за еду и за власть. Брошенные в воду камни нарушили мирный их покой. Несколько секунд в воде ничего не видно. Затем вижу: рыбы потихоньку, осторожно поднимаются снизу занимать свои места. И вот — моя удача! Моя любимая рыба, красавица! Самая крупная в яме рыба проходит мимо меня на расстоянии одного метра. Руки трясутся, не слушаются, как будто в живого человека собираюсь стрелять.

— Боже мой, умоляю, помоги, церковь построю.

Крючок не спускается, еще крепче нажимаю. Удар — и все! Все пропало, вижу, на дне лежит стрела. Поднимаюсь с воды недовольным и расстроенным. И какое может быть настроение, когда удачу отпустил

— Усик, ты попал, посмотри, аккуратно к себе лить тяни, — кричит Макс с берега.

Неужели? И ныряю убедиться, что он надо мной издевается. И точно, точно, — на лине трепещет она. Через минуту я, спотыкаясь и падая на камнях, держа крепко обеими руками первую мою добычу со страхом, чтобы вдруг не потерять, торопясь выхожу на берег.

— Усик, ты герой, ты герой! — хором кричат друзья на берегу. Счастье какое! Радость какая! Обнимаю и целую рыбу и громко признаюсь.

— Рыбка моя, я тебя люблю, люблю больше, чем свою жену.

Из глубокой толщи мозгов всплывают давно забытые слова родного языка — цавт танем. Как будто этими словами передал свои любовные чувства к рыбе. Много тысяч лет назад переданным мне остатком инстинкта добытчика удовлетворен. Еще пару минут, и бывший мой уважаемый противник умер на моих руках. Чувство жалости, выработанное мною в последние годы, овладело моим сознанием.

— Молодец, Усик, это седьмая рыба сегодня, принимай наши поздравления.

Возле костра, сидя и лежа, отдыхали мои уже похорошевшие друзья. А на столе — хоть шаром покати. Сейчас это уже не страшно. Быстро разделяваю хариуса, добытого мною, делаю почуще надрезы, побольше соли, и еда готова.

— Усик, а что за дорога по вершинам гор вдаль идет?

— Это геологи с сороковых годов проложили, а сейчас оленеводам на вездеходах летом груз возят. Оленеводы отсюда, если по карте смотреть, километрах в пятидесяти стоят, в подножие горы Народа, на берегу озера Балбанты.

— Красивая дорога, завтра пойдем смотреть, — говорит Николай Трусов.

— Хорошая идея, там, на вершине, находится бывшая шахта Гранитная. В отвалах можно найти небольшие кусочки кварца — друзы называются.

— По этим дорогам можно на внедорожниках проехать?

— По этим дорогам даже на «Камазе» или «Урале» не проехать, а насчет ваших узиков не могу ска-

зять. Я на своем Треколе точно проеду. А вообще надо проверить.

— Давай, следующим летом попробуем.

— Хорошая идея. Надо эту тему дальше развивать.

День сегодня удался на славу. А вот ночь, как и предыдущая, обещала быть кошмарной. С двух сторон дружный храп уставших от дневного приключения моих соседей по палатке глушит писк комаров, усаживающихся на мое лицо. Игры участников прямого эфира с подводного мира реки Народа только усилили мое возбуждение. Переходящее с пота на дрожь тело да еще растущая губа подсказывали, что герпес будет рекордной величины. Дождаться бы утра и попросить у докторов какое-нибудь лекарство от этой ненавистной болезни. Хорошо, что двое у нас — Александр Налимов и Александр Нефедов — ведущие врачи Няганьской окружной больницы.

Утро началось запахом жареной картошки, приготовленной с помощью Александра Нефедова.

— Саша, посмотрите какое-нибудь лекарство от герпеса, пожалуйста, у меня уже губы не шевелятся.

Саша что-то тихо обсудил с Сашей Налимовым, достал из рюкзака тюбик и дал мне.

— Усик, извини, ничего не нашел, только крем от загара. Коробку с лекарством дома оставил.

— Ну, что тут скажешь, и на том спасибо.

После завтрака пятеро из числа вчерашних удачных охотников и неудачных рыбаков, как и планировали вечером, собрались и пош-

ли в горы. И правильно — быть так близко к вершинам гор и не посмотреть вниз с этих высот, как орлы, нельзя.

Те, кто остались на базе, тоже не скучали. Погода нас баловала. Солнце круглосуточно дежурило на своем посту. Андрей Мальков с Кургана ныряет, а с берега двое камни кидают в воду.

— Что вы делаете, мужики? — спрашиваю, подходя к ним.

— Андрей рыб фотографирует. А мы ему помогаем.

— Попробовали сегодня стрелять?

— Зачем, нам еды хватает, и рыба вчерашняя еще есть. Надо будет, свежей добудут, пятеро с костюмами приехали. Сейчас пару снимков сделаем, чтобы посмотреть и на память с собой взять.

Здорово, молодцы, — подумал я. Стыдно стало мне, что раньше про городских у меня было другое мнение. Молча одел костюм и полез в яму, чтобы остужать покрасневшее от стыда лицо и изучать поведение рыб. Рыба стала осторожничать и близко не подпускала. Они уже не вчерашние, они стали учеными. Стало понятно, что и охотникам в этой яме тоже нечего делать. Близко не подпускают, в случае чего, не поймешь, куда они деваются. Течение несет меня вниз, и рыба также спускается на расстояние не менее 4 метров от меня, при этом головой на мою сторону. В конце ямы, где начинается пережат, хариус исчезает из виду. Через пару минут по одному, осматриваясь по сторонам, поднимаются. И так каждый раз. Когда пробую снизу к ним подкрадываться, они сначала

поднимаются до начала переката, а потом обходят меня и спускаются вниз в яму. После вчерашнего и сегодняшнего нашего шума рыба не покидает это временное место обитания. У меня созревают первые понятия о поведении рыб. Наблюдение за рыбами настолько было увлекательно, что я незаметно провел много часов в воде. Пора честь знать и выходить на берег, тем более тепло моего тела уже исчерпано, и на берегу опять стало шумно и весело. Это наши туристы вернулись с путешествия и, перебивая друг друга, рассказывают, как там хорошо.

— Усик, сколько осталось до Саранпауля? Посмотри в свою карту, — подошли ко мне трое. У одного в руках навигатор.

— Я и без карты скажу — до поселка почти двести километров осталось. И если такими темпами спускаться будем, к ноябрю до поселка доплывем.

— Ты так не шути, у меня на девятое августа билеты в Испанию. Визу оформил, и так долго ждал, — волновался Паша.

— А я не шучу. Еще все впереди. Через 5 км начинаются камни и ямы. Там опасности, проблемы и красота. Дай Бог, в целости и сохранности проплыть тот участок. Вот посмотри карту, скала тянется на пятьдесят км. Мы сами захотим пару дней там отдохнуть. После скал, где изба балашовская стоит, еще 3–4 дня пилить до поселка.

— Предлагаю сейчас собираться.

— Верно, доедем до порогов, переночуем там.

(Продолжение цикла читайте в следующих номерах).

Анна ОТМАХОВА,
фото Валерия Заровнянных

Дорога к соседям

Северный путь от Камского к Печорскому водному бассейну

Путешествие — это познание мира и образ жизни, но не профессия. Познавательные профессии — это ученые, особенно историки, геологи, фотографы и журналисты. Сборная экспедиция, в состав которой вошли профессор ПГУ, инженеры-изобретатели, экономисты, медработники, творческая интеллигенция и представители СМИ, собралась волей случая вместе и в количестве 22 человек отправилась к реке Унья, что в Коми Республике. Основная задача — проверить, есть ли дорога через север Пермского края к Печорскому бассейну и к реке Унья. Цель — маленькая деревенька Усть-Бердыш, которая до 1932 года входила в состав Пермской области, а еще до революции там работал большой чугунолитейный завод. Транспортное средство — два автомобиля «Урал».

Начало. Бахари. Валай

«Уралы» оказались очень большими машинами. Они стояли, как корабли на рейде. Конечно, не торпедоносцы, но на выдавшие виды неторопливые буксиры вполне тянули. На крыше одного была привязана большая, пятиметровая деревянная лодка, называемая в простонародье плоскодонка или «душегубка». Наверняка оправдание такому не очень оптимистичному названию есть. Позже стало понятно, почему эта вертлявая конструкция носит такое название. Людям с проблемным вестибулярным аппаратом очень трудно даже просто зайти на нее с берега, а о переходе с носа на корму можно даже и не мечтать. Поэтому сидеть надо тихо, по возможности не делать резких движений, а лучше вообще не дышать.

Зрелище вахтовки с лодкой на крыше впечатляло. Подойдя к ма-

шине, подумалось: — «О, Боже, а как туда люди залезают...» Учитывая, мягко говоря, очень средненький рост, мне светила перспектива по несколько раз в день задира́ть ноги выше головы, чтобы попасть внутрь машины. Однако опасения были напрасны. Возможность поломать ноги исчезла, как только в руках одного мужчины появилась обыкновенная, но очень добротная табуретка. «Вот это и будет наша ступенька», — деловито произнес он и поставил на землю около двери нашего боливара.

Экспедиция к реке Унья вышла из деревни Бахари, что в Красновишерском районе на самом севере Пермского края, в день открытия Пекинской олимпиады и начала грузино-абхазской войны. Сборная команда включала себя историков, фотографов, бизнесменов. Наличие в группе опытных путешественников, географов и медработников не оставляло сомнений в том,

что наша затея обнаружить старый волок, который существовал, как говорят, до 50–60 годов прошлого века и соединял когда-то Пермский край и Коми республику, будет успешна. Моя задача как журналиста была проста – описать сие мероприятие.

Поселок Валай, последний крупный очаг жизни на нашем пути – поселение, основанное в 1940 году (лесхоз начал работу в 1957 году), производило не самое веселое впечатление. Новый, современный мост через реку Березовую, на которой стоит Валай, сильно выбивался из общей суровой стилистики населенного пункта. Здесь колония-поселение по сей день и диктует свою пунктуацию взаимоотношений. Все лаконично. Только точки. В воздухе пронеслось – «по одному не ходить». Огромная, но заброшенная на несколько гектаров лесопилка на другом берегу реки не оставляла сомнений в своей принадлежности. Пустые сторожевые будки по периметру, остатки колючей проволоки, старые, серые штабеля досок, огромные горы уже бесполезных, гнилых опилок, распахнутые ворота и... чувство тревожного восторга. Параллельность. Нереальность мира. Вглядываешься в проходящих мимо людей, пытаешься читать по лицам. Этот нормальный. И этот

вроде тоже. А вот этот? Колючий взгляд исподлобья... Хочется отвести глаза и спрятаться. Страшно и любопытно. И безумная мысль «Вот это сюр, вот бы Сашку сюда с камерой, мы бы здесь такое кино сняли! Такие планы, такие типажи, такая дурь!» Все. Скорее, скорее. Уходим. Уезжаем. Убираемся.

Километра через два после Валай песчаная укатанная дорога почти плавно перешла в лесную многомильную гать. Глядя за окно, думаешь – сколько же уложено здесь кубометров древесины? Интересно, сколько стоит погонный метр такой дороги и как часто ее надо ремонтировать? Едешь примерно как по стиральной доске, но только еще и медленно. Трясет ужасно, колени сильно стучаются о спинку соседнего сиденья. Попытки устроиться поудобнее не имеют успеха, и становится понятно, что синяков и ссадин не избежать.

Тулпан. Черепаново. Колва

Внезапно кончилась и гать. Многотонный «Урал» встал в задумчивости на краю бездорожья. И вдруг «Уууух...», и как в омут, окунулся в жирную и вязкую песочно-глинистую

смесь. Народ в кабине только охнул, припал к окнам и замер в напряжении. Чувствовалось, как водитель Анатолий переключает скорости, выбирая дорогу рядом с колеей. Совсем небольшие мужики-водители, проработавшие не один и даже не два десятка лет в этих краях на лесовозах, восхищали своим умением и спокойствием. Здоровенные машины, как дрессированные тигры, слушались хозяев. Они иногда огрызались и порывивали, но в итоге делали все, как было велено. Переваливаясь из стороны в сторону, «Уралы» пробирались по таежной дороге. Ветки елей наотмашь били по стеклам, с непривычки все пригибались и ойкали.

Николаев время от времени сверял маршрут по карте-километровке. Он громко объявлял, какую речку или ручей справа или слева мы сейчас проедем. Уже вполне расслабленный коллектив присвоил ему почетное звание «краевед» и время от времени тормозил замешкавшегося «хранителя карты» громкими возгласами: – «Что по этому поводу скажет наш краевед?» Краевед судорожно доставал карту и отсканированные страницы

«Географическо-статистического словаря Чердынского уезда», составленного Иваном Кривошековым и изданного еще в 1914 году. От многих деревень остались только красивые названия, а сейчас нет ничего — кроме бескрайних полей сиреневого иван-чая, который, как известно, заполняет собой брошенные и забытые территории.

Например, село Оралово.

«Ныне в селении находятся — православная церковь, построенная в 1896 году, земская станция и три торговых лавки, 3 кузницы... По сведению 1909 года — дворов в селении 116, в них жителей обоего пола 580 человек»

А теперь — ни-ко-го. То есть совсем, то есть абсолютно.

Одна из значительных волостей в то время носила название Тулпанская. А вот река Тулпан встретила нас не очень приветливо. Деревянный мост был полностью разрушен. Переломанные мокрые бревна хаотично валялись в реке и друг на друге. Как будто какой-

то неведомый великан наступил огромной ногой, и мост не выдержал, рухнул. На берегу стояла наспех сколоченная будка, видимо, для строителей, но самих мостоотрядовцев видно не было. Законный выходной — суббота. Чуть левее, в стороне хорошо просматривался машинный брод. Между берегами метров 20, но и их надо

как-то преодолеть. Сидя на обломках моста, основная часть путешественников сильно переживала за первый, так называемый технический «Урал», который медленно, как будто прощупывая огромными колесами дно, сползал в реку. Все даже подались вперед, когда машина не смогла с первой попытки выбраться на берег. И каждый

полушопом произнес: — «Давай, родной, давай. Ты сможешь!» И он смог. Дав задний ход, машина замерла на секунду. Со стороны было видно, как «Урал» собирается, концентрируется, набирает воздуха и, сделав резкий выдох, выбирается на берег. Железный вздох облегчения совпал с человеческим ликованием. Ну вот теперь осталось нам погрузиться во вторую вахтовку и, не зная горя, переехать на другой берег по уже проторенной дорожке. Но не тут-то было. Веселушка и поскакушка Соня оказалась на поверку барышней впечатлительной, если не сказать, боязливой. Коллективные уговоры занять свое место в машине наткнулись на отчаянное сопротивление. Попытка самостоятельно перебраться на другой берег по мокрым бревнам разрушенного моста не увенчалась успехом. На первом же спуске она поняла, что тут силы одного желания не хватит, а таланта эквилибристки у нее просто нет. Поэтому обессиленная, в основном страхом, Соня плюхнулась на зад вахтовки, зарылась в рюкзаках лицом вниз и повторяла, как в бреду: «Соня, Соня, куда ты поехала...» Остальной народ пре-

бывал в истерическом состоянии от смеха. Как оказалось, ничто так не веселит людей, как чужой страх.

Выехав на опушку леса, от увиденного простора все слегка оцепенели. Далеко, далеко за горизонт уходили разноуровневые зеленые холмы. Все с разными оттенками зеленого — от бледного до густого, почти черного. Это зеленое море рассекала серая полоска реки — даже издалека она выглядела величественно и благородно. Колва. Между рекой и лесом пристроилась деревня Черепаново. На вид достаточно большая, видимо, когда-то вполне состоятельная. Спустившись в деревню, мы остановились осмотреть окрестности. И тут же к нам потянулись люди, в основном пенсионного возраста. Они были рады видеть новые лица и поговорить за жизнь. Сейчас в деревне проживает порядка 20 человек. Так что с нашим прибытием население в одночасье увеличилось в два раза. Несколько покосившихся домов и несколько вполне добротных больших изб северной архитектуры. Учитывая здешние суровые зимы, жилая и хозяйственная части находятся под одной кровлей и поднимаются высоко над землей с устройством хо-

зяйственного подклета под жилым этажом.

Нам предстоит переправа через Колву, а это совсем не Тулпан. На берегу собрался большой совет — главные в этом деле, конечно, водители. Им решать — преодолеют их машины эту широкую реку. Водитель Сергей после небольшого совещания очень спокойно резюмировал «Если я решил дойти до Уньи, то я дойду. Такой у меня характер».

Река Унья — левый приток Печоры, на самом деле, и есть конечная цель нашего путешествия. Для того, чтобы посмотреть на эту «быструю реку», именно так переводится ее название с мансийского, мы и собрались в одну группу. Даже очень разные люди, объединенные одним желанием, как выяснилось, способны практически на все.

Откуда-то появилась плоскодонка с мотором. Первым, как обычно, пошел технический «Урал». Черепановский мужик — Валентин — стал показывать место брода, измеряя глубину реки шестом. Машина еще более медленно и осторожно сползла в реку, следуя за лодкой. Колеса все больше и больше скрывала вода. Вот она уже и у кромки борта. С шумом, слышимым

даже нам, стоящим на берегу, струя воды метнулась из-под капота. Хотелось крикнуть, но все замерли и молча следили взглядом. Вот он пытается выйти на берег. Нет. Не получилось. Дальше. Другое место — нет. И там никак. Общий адреналин вырвался наружу массовым скандированием: «Да-вай, да-вай!» Это, конечно, никак не помогло «Уралу», но освободило души болельщиков от тяжести беспомощного наблюдения.

«Все. Хватит смотреть. Грузитесь. Поедем», — скомандовал водитель Женя. Через эту реку нас повезет он. Лично я, пользуясь привилегией хроникера, заняла лучшее место — в кабине, которая быстро превратилась в капитанский мостик. Капот Урала мгновенно стал похож на нос корабля, рассекающего воду. Состояние крайнего возбуждения, чувства радости, страха, щенячьего восторга — все смешалось. От избытка эмоций, от ощущения опасности хотелось громко выругаться... Приходилось сдерживаться — все-таки барышень это не красит. Однако от легкого повизгивания мне все-таки удержаться не удалось. Но когда Женя спокойно заметил, что вода уже в кабине и я обнаружила себя по щиколотку в воде, ненормативная лексика все-таки вырвалась наружу. И мне не было стыдно. Потому как воображение мгновенно красочно, живо и подробно нарисовало неприглядную картину тонущего «Урала» со всеми побочными действиями и криками. Поэтому перспектива утонуть в северной реке в речевом варианте была выражена одним емким, звучным и единственно возможным в той ситуации словом. Водители только хихикнули и совершенно спокойно продолжали то ли ехать, то ли плыть по реке вдоль берега. Уже несколько попыток вырваться из водной стихии были безуспешны. Этим мощным машинам не хватало сил вытащить свои пятнадцатитонные тела на берег.

Но все-таки нет непреодолимых препятствий для людей и машин. К деревне Паршаково, что виднелась на берегу, через пару-тройку минут

мы уже ехали уверенно и спокойно. Собственно, это уже не деревня, а единственный домик на берегу. Скорее всего, он используется для отдыха охотниками и рыбаками. Нас, всех мокрых и усталых, особенно порадовало наличие печки, дров и сухое помещение. Ужин, ночевка в теплой избе — вот оно, редкое походное счастье.

Последний рывок

Утром уже не моросил дождь, и это добавляло оптимизма. И опять лесная колея — то вверх, то вниз. От постоянных дождей ее растащило, но все-таки колеса цеплялись, и машины ползли вверх. На старой лесовозной дороге уже вырос молодой лиственный лес. Тонкие и хрупкие березы и осины крепко переплелись между собой и очень мешали нашему продвижению. Давненько не заходили сюда машины, наверное, лет 8–10. Не стало леспромхозов, не стало и дороги. Сергей, вооружившись бензопилой, уселся на капот и орудовал ей как саблей, прямо на ходу — убирая с пути вахтовки тонкие стволы. Иногда заросли становились такими густыми, что машины останавливались и все мужчины, взяв в руки бензопилы и топоры — расчищали дорогу двум «Уралам»-вездеходам. Все-таки человеческий фактор имеет большое значение...

И снова чаща, и снова колея. Теперь в основном наши «Уралы» стояли и ждали, когда в ямы навалит деревьев, чтобы не увязнуть в этой жиже навсегда. Кто-то рубил, кто-то пилил, кто-то оттаскивал. Все как-то самостоятельно разделились по «производственным» группам. Тяжелый физический труд беспощадно изматывал, проверяя людей. Два раза звать к обеду обессиленных дровосеков не пришлось. Затих рев мощных моторов, визг бензопил и стук топоров, без металлического лязганья лес преобразился. 22 человека — шестнадцать мужчин и шесть женщин — расположились на уже прилично укатанной лесной дороге. Как пояснил профессор Чагин,

все мы, собственно, находимся на старом Лукояновском волоке, который более 100 лет назад связывал деревню Усть-Бердыш и деревню Паршаково. Далее уже можно было добираться и до Ныроба, и до Чердыни, и далее везде. Когда-то оба населенных пункта входили в состав Пермской губернии. В 1949 году деревни по Унье переподчинили Республике Коми. И старая 30-километровая дорога Усть-Бердыш — Паршаково перестала использоваться. И местное население утверждает, что добраться до Уньи и деревни Усть-Бердыш со стороны Пермского края в наши дни вообще невозможно.

Любопытство — одно из лучших человеческих качеств, именно оно двигало и двигает неугомонных людей вперед, познавать новые миры и открывать континенты. Жажда знаний — присуща только человеку. Коллективное любопытство группы уже довело нас до водораздельной части Камского и Печорского бассейна, что на границе Пермского края и Коми Республики. Границу точно определил Павел Бахарев — геолог и директор Красновишерского заповедника. Помогал ему в этом нелегком деле прибор GPS, который долго пикал, делая вид, что напряженно ищет спутник, и, наконец, показал наши координаты. Мы находились на широте 61 градус 30 минут... а это, собственно, и есть граница двух субъектов федерации.

Пока мужчины продолжали с послеобеденным энтузиазмом валить тайгу, женщины столпились у внушительного следа представителя местной фауны, поочередно прикладывая свои ладони к отпечаткам медвежьей лапы. Сравнение было явно не в пользу женских рук. Как утверждали присутствующие знатоки природы, этот экземпляр дикого леса был не очень крупный, тянул килограмм эдак на 500–600, не более. Так что опасаться нам нечего... Тем более что Сергей только что видел, как тот мирно переходил дорогу, никого не покусал и, видимо, даже не собирался. Вспомнилось об

этом ночью, когда мне почудился хруст веток рядом с палаткой. Наш капроновый домик, стоящий «на выселках», в стороне от основного лагеря, совсем не похож на неприступный «Форд Нокс». Конечно, рядом трое сильных и умных мужчин — два кандидата и один доктор наук, хотя их ученые степени в беседе с бурым медведем нам вряд ли понабились бы. Но все обошлось.

В итоге после тяжелейших четырех дней похода выяснилось, что на флагманском «Урале» не работает стартер и практически отсутствуют тормоза. Факты малоприятные, но не смертельные...

Следующий день начался тем, чем закончился и предыдущий — рубкой леса. Километра 2–3 удалось пройти за пару часов и мы вышли к удивительной красоты большой березовой роще. Высокая трава, кругом статные, чернобелье березы и совсем небольшая речушка с названием Бердыш. Она показалась нам тихим ручьем. И мы, полные наглой уверенности и энтузиазма, с криками «Сейчас мы это «на раз» переедем!», поспешили занять места в машинах. Не переехали. Не на раз, не на пять и даже не на десять... Мы теряли время, уже часа три топтались на одном месте. Это раздражало. Маленькая, извилистая речушка никак не поддавалась. Пришлось строить мост. Березовая роща была в одночасье скошена под корень. Из великолепных, ровных белоствольных деревьев был сложен мост, который получил название «Профессорский», в честь двух профессоров-историков — членов группы, которые на время экспедиции очень быстро перекалифицировались в мостостроителей.

Вечерело. Но никто не хотел останавливаться. Но через 300 метров от «Профессорского» моста и за 12 км до реки Уньи нас остановило болото. Остановило навсегда. Водители прошли вперед, разведав дорогу, вернувшись, трагично сообщили, что дальше при всем нашем и их желании машины пройти не смогут. Это был шок, но никак не приговор.

Базовый лагерь был разбит тут же на полянке у извилистой речки. Пока готовился ужин, заядлые рыбаки, которым не терпелось закинуть свои снасти, ушли на рыбный промысел. Через час у нас был свежий хариус, рыбок 6–8. За ужином же и определилась группа желающих утром следующего дня все-таки дойти до Уньи-реки, ради которой все это и было затеяно.

Усть-Бердыш

12 километров до Уньи, 12 человек, но 13 числа вышли из стационарного лагеря... Игра цифр... Оставшиеся десять остались ждать, устроили банный день и отдохали в удовольствие.

Свой спальник мне удалось пристроить в рюкзак к профессору, и я приготовилась идти налегке, по-свистывая и получая удовольствие от созерцания нетронутой природы. Все бы ничего, но случайно в руках у меня оказался хрупкий спиннинг, который стоил, как крыло от самолета, и если я его сломаю, мне пообещали отвернуть голову... Перспектива остаться без головы вдохновляла на подвиг. Поэтому я была похожа на знаменосца, который гордо несет флаг на вытянутой руке и лучше сам погибнет, но древко не выпустит, потому как без него он все равно не жилец.

Дорога оказалась очень коварной. Целый день моросил дождь. Первые километров семь до речки Восточной казались ужасными, потому как через каждые 10–15 шагов приходилось переступать через поваленные деревья. Но все познается в сравнении. Потом стало понятно, что этот участок можно смело считать скоростным автобаном с идеально гладкой поверхностью. Последующие пять километров покрывал сплошной бурелом, который не удавалась просто перешагнуть. Нагромождение поваленных деревьев было практически сплошным препятствием. Приходилось либо всем телом переваливаться через них, либо проползать под ним. Эта часть пути вымотала всю душу и утомило тела. Все шли молча, сосредоточившись на до-

роге, лишние разговоры забирают остатки сил, а нам еще завтра назад...

Преодолев 12 километров за шесть часов, мы вышли на Унью. Река с быстрым течением, метров 80 в ширину. На противоположном берегу, слева по диагонали, километров в двух виднелась деревня — Усть-Бердыш. Почти перед нами высокая скала «Камень Первокаменный», и все. Как перебраться на другой берег, мы себе не представляли.

Случайный турист из Нижнего Новгорода как раз в это время привез своих друзей на моторке-платформе, взятой напрокат, к камню и услышал наши отчаянные крики. Двумя партиями наша группа была переправлена на другой берег. Спасибо ему, доброму человеку.

Деревня Усть-Бердыш находится на левом берегу реки Унья, метрах в 500 от берега. Профессор Чагин — большой ученый-историк, исследователь, а в походных условиях и просветитель группы — рассказывал нам потрясающие истории о жизни деревень и людей севера. Оказывается, в последней четверти позапрошлого века нижегородским заводчиком Лукояновым здесь был построен чугунолитейный завод. На нем работала тысяча человек, жили они в большом поселке на противоположном берегу, который соединялся с деревней мостом. Домна к 1901 году выплавляла более 110 000 пудов чугуна. Однако вскорости Лукоянов разорился, а по другой версии, его состояние «промотали» сыновья. Теперь остатки этой самой домны огромными железными полукольцами торчат из берега, напоминая о тщете всего сущего... и об экономическом кризисе, который был свойственен не только нашему веку.

Сама деревня никогда не была большим населенным пунктом. Численность населения не доходило до сотни. Основной деятельностью была охота и рыболовство. В лесах водились соболь, куница, медведь, волк, лиса, река давала хариуса и семгу.

Так, подкованные знаниями о деревне, мы вступили на ее территорию. В первой же избе, куда мы зашли, две пожилые женщины пряли на старинных деревянных прялках. Они и посоветовали нам расположиться в доме напротив. Это была большая русская изба. Вымокшие до нитки, мы не заставили себя долго уговаривать. Вскоре пришел и хозяин — Леонид Собянин. Для своих семидесяти лет он хорошо выглядел, такой добротный северный мужик. Он показал, где лежат сухие дрова, и разрешил пользоваться всей посудой в доме. Счастью не было предела. Но все оказалось не так-то просто. Оказывается, в русскую печь дрова закладываются особым способом, называемым «колодец». Нам, городским жителям, теоретические знания никак не помогали. Как на практике растопить русскую печь, мы представляли плохо. Однако профессор Чагин, выросший в глубинке Ныробского района, очень ловко соорудил этот самый «колодец» внутри печи. Печь мгновенно распалилась и стала отдавать весь

свой жар для согрева промокших путников, сушки одежды и приготовления еды. После успешного выполнения общественной нагрузки профессор Чагин пошел общаться с местными жителями, записывать воспоминания, как и положено ученому-этнографу. Сейчас в деревне проживают 11 человек, из них три монаха Русской православной зарубежной церкви. В 1999 году обосновалась здесь монашеская община — Андрониковая пустынь. Почему они избрали для поселения эту старобрядческую деревню, не совсем понятно. Местные жители — Леонид Собянин, его жена Галина и ее сестра Анна — рассказывали профессору о своей жизни. Их родная тетка Галина провела в лагерях 8,5 лет, но от веры не отказалась и, возвратясь в 50-х годах в родные места, возглавила на Колве и Унье странническое (бегунское) согласие. Во многих деревнях возродила кельи, пригласила грамотных старцев, завела библиотеки. До сих пор у сестер хранятся церковные книги.

Видимо, в план ГОЭЛРО и все последующие планы электрификации страны, заканчивая РАО ЕС, деревня Усть-Бердыш не попала. Здесь никогда не было электричества, и что-то мне подсказывает, что уже и не будет.

Пока сушились вещи и готовилась еда, неутомимые любители лова рыбы, вооружившись всеми видами удочек, прихватив с собой всевозможные мыслимые и немыслимые крючки, насадки, лески, кораблики и другие цапки — мальчишеские игрушки, помчались ловить хариуса. За пару-тройку часов совместный улов был даже очень приличный. В ухе стояла ложка. Крупного хариуса решили послать и донести до базового лагеря, чтобы побаловать оставшихся членов экспедиции.

А еще к вечеру нам затопили баню. От такой роскоши в походе никогда и никто не отказывается. Две представительницы слабого пола, как и положено, пошли последними, после 10 мужчин. Но баня была еще настолько жаркая, что нам пришлось открыть все двери, чтобы не

угореть. Две распаренные барышни мирно сидели на приступочке у бани. Вокруг август, темная ночь, звездное небо и тишина. Не хотелось говорить и даже думать. Простое и тягучее умиротворение растекалось по телам. А где-то гремят города... Где.. Зачем... Как... Как это все далеко и чуждо. Удивительное дело, но на каменке вместо обычных булыжников мы обнаружили железную руду! Огромные куски искореженной породы держали жар до утра. Такое лично я видела первый раз в жизни.

Утром безудержные рыбаки опять собрались на рыбалку, но быстро вернулись ни с чем. Река заметно поднялась и взбаламутилась от постоянных дождей. Клева не было совсем. Леонид Собянин перевез нас к тому же месту, откуда мы вышли. Было немного грустно прощаться, но надо было торопиться. Нас ждали в лагере, а дорога не самая легкая. Опять все тот же бурелом. У профессора Кирьянова заболела нога, и чтобы отвлечься от боли, он считал препятствия, которые мы преодолевали.

В понятие препятствий, которым мог быть присвоен порядковый номер, попадали только достойные. А это значит, только особо большие, сложные, высокие – то есть почти непроходимые. Всего на 12 км их оказалось 969, причем на первые пять километров их пришлось 709. Это те самые огромные завалы, через которые мы перелезали, пытались обойти по болотам или пролезть на карачках, цепляясь за сучки одеждой. Как бы там ни было, но обратно было идти веселее и получилось быстрее. Мы пришли на час раньше обещанного срока, о чем уведомили мирно отдыхающий лагерь винтовочными выстрелами. Радости воссоединения не было предела. Праздничный ужин, стихи в честь победы, горячая вода – барышням, зеленка, йод, бинты и дополнительный спирт раненым и больным. Вечер удался.

Унья сопротивлялась, как могла. Сопrotивлялась долго, боролась и никак не хотела нас пускать и покоряться. А покорившись – успокоилась. Отпустила до-

мой с миром. Всего пару дней мы потратили на обратную дорогу, ту, на которой шесть дней рубили тайгу, переходили реки вброд, сами надрывались и надсаживали мощные машины.

Без нас закончились военные действия на Южном Кавказе, без нас прошла большая часть Олимпиады, мы выпали из одной реальности и попали совсем в другую. Она не хуже и не лучше, она просто другая. Но это тоже чья-то жизнь, и мы счастливы тем, что прикоснулись к ней. И еще мы можем сказать, что покорили реку, дошли до пункта назначения, до деревни Усть-Бердыш, что на реке Унья, что в Коми Республике. Действительно, автомобильной дороги со стороны Пермского края нет. Хотя после наших «Уралов» можно сказать, что уже есть. Только 12 км все равно придется идти пешком. Но думаю, что для тех, кто ходит или ездит по таким глухим местам, это совсем не много. Тем более, возможность многое увидеть и пообщаться с людьми, живущими в таких глухих местах, того стоит.

Михаил ЕРЕМА,
фото автора

Авто-байдарочное путешествие

Перед поездкой я сделал ТО1 чуть раньше срока, купил баночку «Burn», чтобы не спать. Помню, он очень помогал мне во время гонки на байдарках. И еще мне подарили атлас автодорог всея Руси, довольно подробный, с картами крупных городов и плоской пластиковой линзой, чтобы рассматривать мелкие детали. Стаж вождения на момент поездки был 11,5 месяцев (т.е. чайник), пробег машинки — 16 755 км.

Вечером перед поездкой я снимал очередной выпускной в детском садике, затем полночи делал монтаж видео, так что к 6 утра, когда меня разбудил будильник на телевизоре, я чувствовал себя так, как будто по мне проехал бульдозер. Следующие 3 часа ушли на упаковку вещей. Байдарка, а также рюкзаки и сумки — все уместилось в багажнике, благо, у «Фокуса» он довольно большой. Всё пришлось тщательно упаковать, чтобы не брякало. На заднем сиденье разместились кот и пакет с продуктами. В кармане сиденья — 1,5-литровая бутылка с водой и пол-литровая бутылка из-под минералки, в которую я перелил «Burn» и вставил трубочку, чтобы иногда посасывать по дороге, т.к. пить из горлышка на ходу неудобно.

Время в отчете — по Екатеринбург, если не указано местное. Часы мы не переводили.

01.06.2008

11:05, 0 км. Сестра сфотографировала наш экипаж у машины. Сбросил на компе все счетчики. Выехали из дома, бак практически пустой («до заправки 61 км»). Первые пару часов кот стоял на цыпочках на переднем сиденье и

смотрел в окно, куда его везут, а может, дорогу запоминал.

11:46, 31 км. Комп показывает до заправки 36 км. Заправились на Челябинском тракте. Кот успокоился, лег на заднем сиденье и сделал вид, что уснул.

14:19, 236 км. Проехали Карабаш. Подруга сидит с атласом автомобильных дорог России и ведет меня, отслеживая развязки и повороты. Комп показывает средний расход 5,0–5,6.

16:01, 305 км. Проехали Златоуст. Башкирская дорога оказалась полным кошмаром. Шел жуткий дождь, по дороге текли реки, фары залеплены грязью, видимость плохая, плюс к тому Златоуст — самый высокий город Урала, и, подъезжая к нему, мы заехали прямо в облака.

17:45, 418 км. Проехали Усть-Катав. Фуры на трассе двигались черепашным шагом. Некоторые останавливались передохнуть, а может, закипали. Парочка прицепов, уже полуразобранных, валялась под откосом. В горку мгновенный расход 12, под горку — 0. Итого средний расход около 6.

19:50, 550 км. Влетел у башкирских гаишников на 500 р. Злые башкиры дежурят через 3,5 км от того места, где знак 3,20 «обгон запрещен» стоит, а знак 3,21, «конец обгонзапрещен» не стоит. Естественно, после 6–8 часов по горам, когда можно-нельзя-можно-нельзя, крышняк едет, и можно не отследить. Дорога прямая, видимость в обе стороны отличная, и сплошная полоса предательски сменяется на прерывистую. Легковушки толпой рвутся обгонять надоевшие фуры. Тут их и ловят. Сторговался на 400 р.

22:33, 708 км. Проехали Кандры. Дожди постепенно остаются позади, на Урале и в Башкирии.

02.06.2008

00:45, 835 км. Суходол, Самарская область. Хотел дотянуть до Самары на одном баке, но, видимо, не удалось. Комп показывает до заправки 79 км. Выяснилось, что чем дальше от Екатеринбурга — тем бензин дешевле. Кот устроился сидеть в позе «копилки», на подлокотнике между передних сидений, и клюет носом, борясь со сном.

Периодически он залезал мне на колени и сворачивался клубочком, а я прогонял его обратно, на заднее сиденье или на подлокотник.

03:00. Остановились поспать. Выяснилось, что спать в машине очень неудобно, несмотря на усталость, прикорнули минут на 50, попили кофе из термоса, побегали вокруг машины – и в дорогу. Температура «за бортом» +7°C. Выгулял кота, побегал кругами вокруг машины, немного полегчало. Поехали дальше.

05:55, 1018 км. Въехали в Самару. Самара поразила отличными дорогами, чистотой и реверсивными светофорами. Поплутав немного по городу, я подъехал к такси, спящему на перекрестке, постучал в окно и спросил, как проехать в Волгоград. Таксист секунд на 40 «завис», потом пробормотал «вопрос, конечно, интересный...» Потом опять «завис» и начал чесать затылок. Я переформулировал вопрос, типа, «а как тогда выехать из города, покажи пальцем». Он сказал «туда», и мы поехали. Думаю, если бы меня в Екатеринбурге в 4 утра разбудили и спросили, как проехать во Владивосток, я бы тоже не сразу ответил.

06:40. Выехали из Самары.

07:15. Проехали Чапаевск.

10:41, 1234 км. Проехали Пугачев, Саратовская область. В Поволжье вдоль дорог частенько стоят фанерные муляжи ДПС-ных машин, все испуганно сбрасывают скорость и волей-неволей притормаживают у киоска с пивом-рыбой-раками, расположившимся рядом.

То ли муляжи поставили гаишники, чтобы водители слишком не разгонялись, а киоски появились позже, в том месте, где все притормаживают, то ли продавцы сами их установили, чтобы народ мимо не проезжал.

14:28, 1483 км. Энгельс. Пересекли Волгу по мосту, потом я передумал ехать по правому берегу и повернул обратно. Как выяснилось, зря. Получился крюк километров 20–30. На правом берегу перекусили, выгуляли кота и поехали через мост обратно – на левый.

16:00, 1666 км. Ровное. Заблудился в дорогах. Карта немного врала, и найденный в интернете маршрут по запросу, исключаящему паромы, тоже наврал и запутал нас. Заправки там встречаются редко, и я, не рассчитав, чуть не застрял на трассе. После того, как комп начал показывать «до заправки 0 км», я проехал еще примерно 20. Вернулся назад в Ровное, заправился.

Долго кружили и искали дорогу, обозначенную в маршруте, потом оказалось, что по территории Волгоградской области она построена, а по территории Саратовской – нет. Есть только колея в жидкой глине, где только на тракторе ездить. Ехал долго, осторожно, чтобы не сесть на брюхо и не поцарапать борта о высокие стенки колеи. На границе с Волгоградской областью глиняная няша сменилась прямо-таки взлетной полосой с идеальным покрытием. Дорогой этой, видимо, несколько лет никто не пользовался, т.к. из трещинок торчали травинки. Еще дорогу облюбовали вороны, которые никак не желали улетать, и зайцы. От зайца я увернулся, а одну из ворон сбил. К счастью (для меня), вскользь, капот не помят, лобовое стекло не разбито. Не спеша «тошил» 160 км/ч, дорога такая ровная, что «Фокус» будто стоял на месте. Неожиданно навстречу – трактор с то ли борошилкой, то ли поливалкой, это такая конструкция метров 15 шириной, полностью перекрывающая и дорогу, и обочину. Видно, легковушки здесь появляются не каждый день. К счастью, когда я уже хотел бросаться в кювет, он меня увидел и резко повернулся боком, т.е. этой своей борошилкой-поливалкой вдоль дороги. Уф, проскочил.

Пересекли Еруслан по парому. На паром, рассчитанный на «Жигули» и «Зилы», забрался с трудом, сходни были опущены слишком низко, брюхо цеплялось. Билет на паром стоил 150 р.

22:40, 1925 км. Въехали в г. Волжский. На посту ждала заезда: сразу за знаком 3.17.3 «стоп – контроль» стояла машина, гаишник рылся у нее в багажнике.

Я, получается, стоял перед знаком. Машину отпустили, мне махнули, я встал на ее место. Тут же у меня забирают права и отправляют в постовую будку, платить взятку. Там меня стали убеждать, что я нарушил знак 3.17.3, и права у меня изымаются на срок до 4 месяцев. Типа, я должен был оставаться стоять перед знаком, чтобы меня рассмотрели, и только после этого заезжать за знак. Долго торговался, с трудом убедил, что 400 р. «спасут отца русской демократии».

В Волжском мы немного заплутали. На посту вроде сказали, что сворачивать на объездную надо за итальянским трубным заводом. Поискал «языка», чтобы уточнить, где проехать, вижу, вдоль дороги идет интеллигентного вида мужчина, на вид около 50, с бородкой, в очочках, бодренький такой. Спрашиваю, как проехать на Ахтубинск, он на чистом итальянском объясняет, что затрудняется помочь, так как сам не местный и по-русски не понимает, только итальяно. Я поехал дальше, по-английски извинившись перед ним за беспокорство.

03.06.2008. Перед Ахтубинском меня начало «плющить», «Burn» кончился, начались галлюцинации от усталости, и мы остановились около придорожной кафешки, чтобы поспать. Кота толком выгулять не удалось, т.к. вокруг крутились 5–6 собак-попрошайек. Моя привычка ездить полулежа, расслабившись, когда локти лежат на подлокотниках, руки на коленях, а пальцы придерживают руль снизу, привела к тому, что за двое суток у меня на локтях образовались кровавые пузыри мозолей. С удивлением обнаружил также на правой ноге что-то вроде пролежней, там, где икра ноги касается торпеды. Решил пока ехать по-другому, т.е. держаться за руль выше центра, руки держать на весу, а ногу – так, чтобы не касалась торпеды. Поспали примерно 2,5 часа. Я скорее лежал с закрытыми глазами, чем спал. Когда немного полегчало, поехали дальше.

07:47, 2130 км. Въехали в Харабали, местное время 05:47, температура «за бортом» 13°C. В том месте, где я планировал начать водную часть похода, у паромной переправы, к реке было не подъехать из-за паводка. Чуть не уронив машину с насыпи, я вернулся и решил стартовать не на Ахтубе, а на Ашулуке. Заехал опять в Харабали, договорился в частном доме, что оставляю у них в огороде машину. Предложил 300 р за шесть дней, как у себя, на дворовой стоянке у дома, они согласились. Выгрузил байдарку и все вещи на берегу, машину загнал в огород, вернулся пешком на реку и стал собирать судно, периодически веслом отгоняя от кота местных собак.

Время для поездки было выбрано исходя из опыта прошлых лет, когда у меня в начале июня был спад заказов на свадьбы. На реке, как оказалось, в это время — сезон мошек.

Раньше я бывал в Поволжье в июле-августе, в эти месяцы там рай земной, копеечные арбузы, фрукты, мягкий климат и никаких насекомых. Я и не знал, что мошки так противны. Они лезли в глаза, в уши и жутко кусались. Я успокаивал себя мыслью, что вот сейчас поплывем и на воде их сдует. Позже оказалось, что мошек ничем не возьмешь. Никакие антикомар-

ные средства их не отпугивают и ветер не сдувает.

11:05. Отплыли. Прошло ровно двое суток после выезда из дома. Чтобы попасть в Ахтубу, пришлось примерно 6 км пройти по Ашулуку против течения. Учитывая паводок, течение было довольно сильное. С удивлением обнаружил, что, несмотря на то, что я двое суток почти не спал, был в напряжении и смертельно устал, с веслом я чудесно отдыхаю и быстро набираюсь сил. После обеда на маленьком островке я полностью вошел в норму и чувствовал себя хорошо. Мошки продолжали доставать, я соорудил подружке накомарник из

капюшона куртки, сетки от палатки и кепки, себе — из соломенной шляпы, бинта и скотча.

Все это мало помогало, т.к. мошки лезли в щели, шли «пешком» под одеждой и кусали в самых неожиданных местах. Вечером у кота из-за мошек случилась истерика, он катался по земле, орал и скреб морду лапами. Веки у него опухли от укусов, глаза — щелочки, вид помятый.

Вообще-то, Ахтуба — самая рыбная река России, сюда толпами съезжаются рыбаки, даже из-за границы приезжают. В июне, однако, рыбаков не было, видно, всех съели те же мошки. В первый день, несмотря на усталость, прошли около 40 км, что довольно много для равнинной реки. Я решил укоротить отпуск и пройти маршрут как можно быстрее, пока нас не съели окончательно.

04.06.2008

Началась жара, температура около 30°C, но загорать и купаться не получалось, т.к. мошки жрут. На всех фотографиях они также присутствовали на переднем плане.

Забегая в деревню за продуктами, купил у местной бабули накомарник за 100 р. Поразительно, но местных мошки почти не кусают. Говорят, что у местных в крови постепенно вырабатывается какое-то вещество, действующее на мошек угнетающе, и мошки их уже

не жрут. Разговаривал с местными, они были без накомарников, и вроде бы нормально, я же был облеплен этими насекомыми и сгребал их с себя горстями. За день мы отмахали километров 60, прошли Ахтубу, Кирпичный, Митинку и уже шлёпали по Волге. Обедать, да и просто перекусывать приходилось так: на берегу ставится палатка, потом все трое проскальзывают в нее, стараясь не впустить насекомых, и втаскивают продукты. В палатке можно ненадолго расслабиться и снять накомарник и куртку.

05.06.2008

С песчаной пустыни, на счастье, подул горячий сухой ветер, и на пару часов удалось расслабиться и позагорать.

Я жутко сгорел, даже поднялась температура. У кота сгорели надбровные дуги, где шерсть пореже. Уговорил его поплавать. Вроде полегало.

С подругой ничего не сделалось, у нее кожа легко загорает. Вечером преодолев сильную почти морскую волну около шлюзов, остановились перед городом На-

риманов. До Астрахани осталось километров 70, и я решил разбить последний участок на 2 дня.

06.06.2008

Плыли весь день. По вечерам становилось тепло, погода отличная, днем солнечно, ночью видно звезды. Температура днем около 30, но на воде не жарко. Ночью — 20–25. Паводковая вода спала, подсохли пляжи, растянутые на десятки километров. Мошки достали.

Остановились поздно вечером, шатаюсь от усталости, выбрались на северной оконечности острова Городского. Волга в этом месте делит Астрахань на две половины, старый и новый город, соединенные мостом, а посередине реки — остров Городской с отличными песчаными пляжами, на которых, естественно, сейчас не было ни одного человека. Всего по реке за 4 дня было пройдено около 200 км.

07.06.2008

С утра, пока кидали в байдарку вещи, местные островные вороны

заманили кота в кусты, он сдуру поверил, что они хромые и раненные, и побежал на них охотиться. Едва успел отбить, а то бы заклевали. Пройти оставалось километра 2, до речного порта, в устье Кутумки, где я планировал разобрать байдарку. Еще не доплыв до набережной, увидел, что на берегу стоит газель, спросил, не подбросят ли до вокзала, вроде договорились.

Наскоряк, часа за полтора собрались, погрузили все вещи в газель. Газелист, по дороге проникнувшись нашим рассказом о походе, деньги брать отказался. На вокзале мы купили билет до г. Харабали на 11:41 местного и 0,5 баночку «Burn», чтобы не спать в дороге.

Часам к 15 благополучно доехали до автостанции Харабали. За билеты, вместе с багажом, вышло примерно 450 р. На автостанции я оставил кота и подругу сторожить вещи и побежал за машиной. Оказалось, что от автостанции до огорода с машиной далеко, километров шесть. Ничего, полезно размять ноги трусцой. Машина поразила меня толстым слоем грязи

и мошек. Эх, надо было все же отмыть ее перед тем, как плыть, а то за четыре дня на жаре мошки прикипели намертво.

19:08, 2229 км. Стартовали из г. Харабали. Температура «за бортом» +26°C, в машине +30°C. Когда сворачивал налево к заправке, заметил, что руль вдруг потяжелел и наступила тишина, т.е. даже вентилятор салона замер. Кое-как выкрутил, завел движок, вписался в поворот. На заправке не оказалось 95-го бензина, мы вышли из машины сфотографироваться у знака «Харабали», — видим, на этом же повороте авария, столкнулась «Жига» и «Узик», оба — в хлам. Местные авторитетно заявили, что перекресток этот пользуется дурной славой, и то, что у меня на ходу вдруг вырубилось зажигание — это всё из-за несчастливого места. Позже выяснилось, что это косячил базовый блок сигналки «Pandora», он потом еще несколько раз вырубал мне зажигание в жару. Просто на том перекрестке это случилось с ним в первый раз. Потом, дома, мне заменили его по гарантии.

На обратном пути решили заехать на соленое озеро Баскунчак, однако немного заблудились и добрались до него уже на закате, в 21:00 по местному времени. Удалось сделать несколько снимков. Мы набрали на память соли (напополам с мошками, естественно) и поехали обратно к трассе на Волжский.

08.06.2008

07:55, 2585 км. Въехали в Волжский. На посту ГАИ наблюдал картину: местные дрессированные водители подъезжают к знаку 3.17.3 «стоп — контроль», останавливаются, считают до десяти, потом жалобно смотрят в сторону будки, в которой у окна дремлет гаишник (шестой час утра по местному), и проезжают дальше. Пришлось сделать так же. С плотины Волжской ГЭС, между Волжским и Волгоградом, открывается потрясающий вид на Волгу внизу. Перепад уровня как будто метров 150–200, может, и меньше, но на глаз он кажется огромной пропастью. В Волгограде, естественно, заехали на Мамаев

курган. Нашли его легко, по карте в атласе. Я раз 10 проезжал под ним на поезде и вот впервые увидел все с близкого расстояния. С котом на плече, штативом и фотиком мы пошли по бесконечной лестнице наверх.

Родина-мать оказалась потрясающим сооружением. Нарочито-грубая и в то же время невесомо-воздушная. Зал воинской славы, да и вообще весь комплекс сделан по принципу античных храмов Зевса и т.п. Колонны, арки, бассейны, огромные скульптуры, рядом с которыми чувствуешь себя муравьем. Рядом с Родиной-матерью — красивый храм из светлого кирпича, который издали смотрится как чешуйки. Поскольку кот терпел уже сутки, мы сходили с ним в рощу недалеко от мемориала, где он выкопал ямку, нагадил, а затем тщательно закопал, воздвигнув сверху еще один курган. Да простит меня мой покойный дед, воевавший там в 43-м.

11:55. Выехали из Волгограда. На этот раз решено было ехать по правому берегу, чтобы без паромов.

19:04. На развилке между городами, у таблички с указателями Маркс — налево и Энгельс — направо, проехали юбилейные 3000 км пути.

21:46. Проехали Пугачев.

09.06.2008

Перед Самарой в полутьме видели молодого лося, переходившего дорогу. Если бы я видел его один, подумал бы, что у меня галлюцинации с недосыпа. Местность там степная, и что там делал этот лесной зверь — не понятно.

06:00, 3479 км. Температура «за бортом» +7°C. Умылись из пластиковой бутылки и погнали дальше.

09:06, 3863 км. Проехали своротку с уфимской трассы к Челябинску.

19:30 4481 км. Въехали в Екатеринбург, бак пустой, «топлива на 0 км».

На ехидный вопрос, типа, и как тебе первый отпуск на машине? Отвечаю, что надо же было хоть раз попробовать, а то все поезд, да поезд.

Итак, заправки:

01.06.2008 11:46 49.90*23.90=1192.61

01.06.2008 22:45 46.69*23.30=1087.88

02.06.2008 16:00 30*23.50=705.00

02.06.2008 20:36 40*23.60=944.00

08.06.2008 11:01 45.28*23.60=1068.61

09.06.2008 01:20 15.00*22.00=330.00

09.06.2008 05:16 43.68*24.00=1048.32

Расход:

49.90+46.69+30+40+45+15+43=269.59 л.

269.59/4481*100=6.01 л/100 км.

Средняя скорость по показаниям бортового компьютера была около 70 км.ч.

На башкирских перевалах — чуть меньше, на прямых участках — чуть больше.

По деньгам вышло:

1192.61+1087.88+705.00+944.00+1068.61+330.00+1048.32=6376.42 р.

К этой сумме можно прибавить 900 рублей на взятки гаишникам.

Т.е. примерно сравнимо с ценой билетов в плацкарте на двоих, в Астрахань и обратно.

Уровень масла за поездку не изменился, «Фокус» вел себя хорошо, никаких проблем не возникло.

Леонид ВОЛКОВ,
фото автора

СПЕЛЕСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЮЖНОГО УРАЛА

На современной территории Челябинской области широкое распространение получили карстовые процессы, обеспечившие наличие на относительно небольшой территории большого количества пещер.

В течение последних двух лет проводилась активная работа по исследованию и документированию пещер незначительных размеров (менее 20 метров), которые остались в стороне при работах спелеологов в 60-х — начале 90-х годов.

Пещера — полость в литосфере, доступная для посещения человеком, обладающая естественным статическим равновесием с геологической средой и протяженностью, превышающей наибольшее линейное измерение входного отверстия.

Однако в результате детального исследования известных карстовых районов и работы по опросу местного населения стало накапливаться большое количество материалов об искусственных полостях, иногда не менее интересных, чем пещеры, и требующих порой достаточно высокой технической и физической подготовки для их

прохождения — узости, наличие обводненных и вертикальных участков, требующих квалифицированной организации навески. Как следствие возникла идея о создании кадастра искусственных подземных полостей.

Спелестология — наука об искусственных полостях и подземных архитектурных сооружениях, находящихся вне стадии их сооружения и эксплуатации по прямому назначению.

Архитектурное сооружение — полость, созданная человеком с целью получения свободного объема для временного или постоянного пребывания в нем, имеющая сплошную отделку и обладающая искусственным равновесием с геологической средой, в которой она находится.

Горная выработка — полость, полученная как побочный эффект при добыче полезных ископаемых.

Спелестология как наука находится в стадии накопления фактических данных. Многие регионы до сих пор не обследованы даже поверхностно.

Мне захотелось реабилитировать свой любимый Южный Урал, который не нашел никакого отра-

жения в приведенном районировании, оказавшись в вилке между Каргалинскими рудниками севера Оренбургской области и подземной системой города Невьянск на Среднем Урале.

В данной статье я предпринял попытку показать разнообразие искусственных подземных сооружений на территории Челябинской области и отчасти Башкортостана, сделать первые шаги к созданию их кадастра, попытаться начать закрашивать одно из «белых пятен» на карте нашей страны — Уральскую спелестологическую провинцию.

Интерес у спелеологов к этим объектам был всегда. Материалы об их исследованиях постоянно печатались в журнале «Свет», а в последние годы стали проникать на страницы даже такого серьезного издания, как сборник «Пещеры». Все-таки мир подземный един, полости любого типа являются объектом Природы и становятся её неотъемлемой частью, несущей информацию об истории окружающей местности, геологической и антропогенной; потенциальным туристским ресурсом, практически не используемым, возможно, просто из-за отсутствия информации.

За основу взята Классификация искусственных полостей, при-

веденная в Ежегоднике РОСИ №3, 2001 год.

Подземные горные выработки

За 250 лет, прошедших после колонизации русскими территории Южного Урала, в связи с интенсивным освоением территорий Горнозаводской зоны Челябинской области не могло не образоваться огромного количества полостей, выработанных человеком в различных горных породах с целью извлечения полезных ископаемых. Большинство из них после завершения работ довольно-таки быстро закрываются в результате затопления, обрушений и других тому подобных процессов, становятся недоступными, чаще всего навсегда. Все известные автору полости этого типа пройдены минным способом, то есть методом горной проходки. Делятся они на 4 вида: шахты, рудники, каменоломни и разведочные выработки.

Шахты по добыче бокситовых руд находятся в среднем течении реки Ай в Саткинском районе, в окрестностях поселка Межевой. Остановленные в 2002 году, после установления гидростатического уровня, они оставляют теоретическую возможность проникнуть в эти выработки на глубину до 100 метров.

В том же районе, на территории деревни Новая Пристань, имеется вертикальный вентиляционный колодец Ивановского рудника глубиной 26 метров, зафиксированный спелеологами как пещера Творожная яма, который подсекает горизонтальный ход с гнилыми крепями и полуразрушенным неустойчивым сводом, идущий от реки в глубь горы.

Шахты по добыче титаномагнетитовых руд в поселке Магнитка Кусинского района заброшены в конце 1960-х годов. Сейчас они представляют из себя систему выработок, включающих в себя го-

ризонтальный тоннель с многолетним ледником, по которому когда-то производилась откатка руды вагонетками; подсеченный вертикальным колодцем глубиной 80 метров до современного уровня воды, по которому руда поднималась с глубины 400 метров, и серией поверхностных провалов, идущих параллельно друг другу, самый большой из которых при ширине 5–10 и длине 700 достигает глубины 140 метров.

В городе Карабаш на Золотой горе была шахта по добыче жильного золота, заброшенная в конце 1940-х годов. Вдоль предвершинного гребня идет выработка длиной около 400 метров, в которую можно спуститься в некоторых местах на глубину 15 метров и более. Здесь же много мелких полуобвалившихся штолен с остатками крепей.

Глубокие разветвленные шахты по добыче вольфрама законсервированы в 1958 году, в связи с аварией на химкомбинате Маяк в

окрестностях деревни Юго-Конёво в Каслинском районе.

Проблематично также будет попасть в медные шахты рудника Кузьмы-Демьяна в Учалинском районе Республики Башкортостан.

Рудники представлены более обширно, хотя и менее масштабно.

В окрестностях д. Куватал в Нязепетровском районе сохранились остатки вентиляционных шахт с деревянной облицовкой в виде срубов глубиной до 8 метров.

В поселке Слюдорудник, расположенном неподалеку, в сентябре 2005 года автором была задокументирована штольня длиной более 600 и глубиной 14 метров на месторождении гранулированного кварца. Здесь же осмотрен ряд более мелких, в том числе с многолетним ледником.

Неподалеку, на Кыштымском месторождении мусковита на одной из двух наклонных штолен, начинающихся на дне глубокого карьера, удалось спуститься по

деревянному трапу на глубину 30 метров, до уровня грунтовых вод.

В окрестностях п. Вишневогорск есть несколько штолен длиной более 100 м на месторождении редкоземельных металлов.

Штольни и колодцы есть на Мурашиной горе в окрестностях села Архангельское, к югу от г. Миасс.

Золото – самый распространенный вид полезных ископаемых, добывавшийся на всей территории области. Подземные выработки сохранились на Золотой горе в городе Челябинск, в окрестностях села Баландино, в долине реки Бишкиль, на восточном склоне хребта Бол. Таловский к северу от г. Миасс в районе деревень Михеевка и Наилы.

Каменоломнями являются штольни в г. Уфа, полученные в результате разработки месторождения гипса. Работы велись буровзрывным способом с последующей откаткой по рельсам. В связи с несчастным случаем, когда из-за задымления в штольне Дудкинская погибло несколько человек, входы

в некоторые из них были взорваны. Имеются топосъемки пяти полостей длиной от 500 до 2100 метров в различных частях города.

Разведочные выработки также встречаются повсеместно, но они, как правило, не имеют значительных параметров, и квалифицировать их однозначно бывает сложно.

В районе п. Тюлюк есть поисковая штольня на медь, начинающаяся вертикальным колодцем, требующим навески.

Около г. Куса осмотрена разведочная штольня на золото.

Скорее всего, то же назначение имеют две небольших выработки (5 и 12 м) в стене гранитного карьера в лесопарковой зоне г. Челябинск.

Автор не располагает достоверными данными о юге области, где в степях более 150 лет велась разработка жильного золота, а также о районе г. Пласт – «Русской Бразилии», где вообще все изрыто.

Как правило, большинство горных выработок имеет неустойчивые стены и своды и представляет

реальную угрозу при их посещении в связи с опасностью обвалов.

Подземные архитектурные сооружения

Жилища

Погребально-культурные

На острове Веры озера Тургояк имеются искусственные пещеры длиной до 20 метров, идентифицированные археологами в 2003 году как мегалитические родовые гробницы каменного века (3 тыс. лет до н.э.). В XIX веке они использовались староверами как жилые помещения.

Гидротехнические

Тоннель, пробитый в 1970 году в недрах Ваньковой горы для отвода вод реки Каменка из зоны работы Блиновской бокситовой шахты, представляет собой систему водопропускного канала и ряда вертикальных вентиляционных колодцев общей длиной 3500 и глубиной около 70 метров.

В октябре 2005 года автору удалось пройти около километра по железной трубе в системе со-

оружений Зюраткульской ГЭС, демонтированной в начале 1970-х годов.

В центре г. Челябинск существует система первого городского водопровода длиной несколько сотен метров, сооруженная в начале XX века.

Ряд акведуков длиной до 100 метров есть в г. Уфа.

Хранилища. Две цилиндрические емкости диаметром 8 и глубиной 6 метров находятся на склоне горы, в лесу, около шахты титаномагнетитовых руд в поселке Магнитка.

Транспортные. Система ходов длиной несколько сотен метров, созданная еще в 18 веке, существует на территории Верхне-Кыштымского завода.

Подземным ходом были соединены здания военной радиостанции, построенной в 1912 году на склоне Александровской сопки на окраине г. Златоуст.

Фортификационные. Есть сведения о подземном ходе в Николаевской крепости (1835 г.) на границе с Казахстаном, в который

несколько лет назад попали местные пионеры. Подобный же ход должен быть в ее ровеснице – Наследницкой, на самом юге области.

Существуют подземелья и на заброшенных ракетных комплексах в районе г. Карталы, п. Тюлюк, д. Катавка, оз. Сугояк и других.

Пеницитарные. Подземная тюрьма, сооруженная еще в 18 веке, имеется в исторической застройке г. Кыштым.

Даже такая беглая и краткая справка дает понятие о разнообразии искусственных полостей на территории Челябинской области. В большинстве своем они являются очень интересными объектами, для исследования которых необходима порой серьезная спелеологическая подготовка. Я попытался обратить внимание общественности на эту сферу жизнедеятельности человека, чтобы спелеологи Урала не оставляли в стороне от сферы своих интересов такой пласт истории освоения нашего края.

Борис ПОПОВ,
фото А. Курочкина

Записки факторщика

Лосиный край

В делах и заботах быстро текло время. Постепенно налаживался быт, появлялся опыт ведения дел и общения с людьми. Торговлю в магазине полностью взяла в свои руки жена. Имея цепкую память, она быстро запомнила весь ассортимент товара и всех «своих» покупателей-ненцев. Торговала она с каждым долго, обстоятельно и уважительно. Стараясь полностью обеспечить их потребности, она не ленилась заказывать и привозить отсутствующий у нас товар даже по их незначительным заявкам. После торговли зачастую приглашала их к себе в гости на чай. Естественно, особенно близко она сошлась с женами и детьми тундровиков, которым искренне сочувствовала в их тяжелой жизни на природе и всячески им способствовала. Радущие и мягкость характера выгодно отличали ее от меня и быстро расположили к ней людей. Мое первоначальное беспокойство о ее способностях освоиться в кругу самобытных людей и привыкнуть к тяжелому быту и работе в условиях маленького тундрового поселка полностью прошло через пару месяцев.

Скучно никогда не было. Работать приходилось много, и редкое время досуга зачастую проходило

в общении с поселковыми жителями. Среди них выделялись совхозные заготовители — братья Ведякины, Андрей и Сергей. Им было лет по тридцать, родом они были из Твери. Оба имели высшее образование, не помню уж какое, были начитаны и предприимчивы. Смолodu они увлекались путешествиями на мотоциклах, являясь агентами чешской мотофирмы «Ява». Потребность в самореализации, тяга к самостоятельной и доходной работе привела их на север и свела в Салехарде с директором совхоза «Байдарацкий», который предложил им работу совхозных заготовителей. В те времена северным совхозам разрешалась закупать продукцию животноводства и дары природы у населения, и в этом плане они были конкурентами системе Роспотребсоюза. Больше того, братьям даже было разрешено закупать пушнину, чего не разрешалось мне, но у меня это никогда не вызывало ревнивых чувств и поэтому не было препятствием для наших отношений, которые со временем стали дружественными. Мой приоритет в заготовках всей остальной продукции обеспечивался наличием разнообразного товара, которым я мог привлечь ее сдатчиков. Зато у совхоза было

больше возможностей для обеспечения добытчиков различными снастями, а также постоянной и временной работой. Это было объективным обстоятельством и исключало жесткую конкуренцию, зато создавало возможность выбора для тундровиков, которой они умело пользовались, сдавая и «нашим и вашим» произведенную и добытую продукцию.

Братья Ведякины конечно были незаурядными людьми. Они не пили, не курили и отличались чистоплотностью и аккуратностью. Были общительны и остроумны, со свойственной московской «золотой» молодежи тонкой иронией «разводящих» доверчивого собеседника. В их доме был всегда городской порядок, всегда играла самая последняя рок-музыка и по виду крутились самые последние боевики. Похоже, их связывали больше чем братские узы, так как зачастую они прилюдно чувственно чмокались друг с другом в губы, хотя это может быть просто традиционной формой патриархального общения или задиристого эпатажа. По крайней мере, к другим мужикам не приставали, и слава Богу. Тем более что они не лишали себя и женского общения, изредка заводя с молодыми тундровичками

быстрые и иногда драматические романы. Тем не менее это были достаточно мужественные и стойкие люди. Так однажды, осваивая новый служебный карабин «Барс», Сергей случайно произвел самострел и ранил себя в правое предплечье. Может быть, это и Андрей его ранил, да они не признались, чтобы избежать привлечения его к ответственности, но факт тяжелого ранения Сергея был налицо — часть кости предплечья даже вылетела из раны. Сергея санитарным рейсом отправили в Салехард, где ему на раненую руку надели аппарат Елизарова, с тем, чтобы нарастить недостающую кость, и он сбегал обратно на фабрику. Лечение было долгим и болезненным, и выздоровление не полным. Даже после того как ему через год с лишним сняли аппарат, функции руки полностью не восстановились. Но и с аппаратом на руке Сергей отлично справлялся с любой работой и с одной рукой ездил на моторке и на «Буране» далеко по реке и в тундре. Позднее он пригнал с поселка Белоярский выделенный им старый дизельный тяжелый тягач, сам капитально отремонтировал его и использовал для поездок по стойбищам. Так что ребята это были хватистые и интересные и вполне удовлетворяли потребность в интеллектуальном общении. У них была единственная в поселке хо-

рошая рубленая баня, и по банным дням мы часто проводили у них целые вечера в неспешных беседах, слушая музыку или просматривая новые фильмы.

К июлю снег наконец-то полностью растаял, и установилась такая жара, которую трудно было ожидать на севере. Стоячие воды озер сверху быстро прогрелись, и стало можно купаться. Любимым нашим занятием с братьями стало во время полуденного зноя, спасаясь от жары, накачивать резиновую лодку, наполовину заполнять ее водой, опускать в нее несколько бутылок шампанского и, погрузившись раздетыми в лодку, медленно дрейфовать по стоячим водам поселкового озера, изредка прихлебывая охлажденное шипучее вино. Блаженство было неопишное, тем более что это занятие было все-таки редким, так как хватало малейшего движения воздуха с запада или севера, чтоб почувствовать суровое дыхание снежных гор и льдов Байдарацкой губы.

Летом началась заготовка морошки, которую собирали в основном ненецкие дети, приехавшие в родные чумы на каникулы, и женщины. К тому времени я уже завез нужное количество бочек и сахара. Поставив бочку на весы, я завешивал сдаваемые ягоды, засыпал их таким же количеством сахара и писал записку жене в магазин, по

которой она производила расчет товарами или деньгами. Это был хороший приработок для ребятни, и бочки быстро наполнялись. Поначалу иные хитрецы добавляли в ягоды воды для увеличения веса, но я быстро научился распознавать эту незатейливую хитрость и, пару раз прилюдно пристыдив обманщиков и не приняв от них ягоды, пресек жульнические попытки.

С середины августа заметно похолодало, а с начала сентября начал перепархивать снежок. Над тундрой закружились вертолеты, собиравшие школьников в интернат. Тундра расцветилась всеми оттенками красного, желтого и зеленого. Утиные стаи все чаще со свистом чертили небо. Пришла пора охоты. Осенняя охота на уток мне показалась малоинтересной. Наиболее массовой в средних широтах кряквы и другой серой утки на этой широте уже не было. Преобладали нырковые утки, гагары и чомги, которые питались рыбой, и поэтому мясо их пропиталось ее запахом и было мало пригодно в пищу. Это был незавидный трофей. Кроме того, в связи с обширностью водных площадей концентрация уток была низкой.

С конца сентября замерзли озера. Стали появляться стада оленей, пока небольшие, гонимые оленеводами на юг. Все больше оленьих упряжек толпилось у магазина, все

бойчее шла торговля. Приближалось массовое кочевье — каслание.

С установлением холодов и выпадением снега я стал выезжать на «Буране» на охоту в тундру. Сейчас охота со снегоходов в средней полосе считается браконьерством, но в те времена на севере использование снегоходов при добыче промысловых животных, по которым устанавливался план заготовки, было вполне законным делом. Наиболее массовой добычей в тундре были куропатки и зайцы. Зайцы водились в пойменных тальниках и редких лесочках в больших количествах. Прочесывая на «Буране» узкие полоски тальников, удавалось выгнать в тундру до десятка зайцев одновременно. Такая охота была напрочь лишена спортивного азарта, связанного с поиском и выслеживанием дичи, и я ей не стал заниматься. Куропаток

же ненцы помногу ловили силками, и я принимал их в счет заготовок сотнями, поэтому охотиться на них не имело смысла. Частенько

встречались лисы и песцы. Причем лисы были зачастую очень ценные, так называемые крестовки, т.е. с мехом насыщенно-красного цвета с темной полосой по хребту и плечам в виде креста. Вот это уже был ценный трофей, и я всегда старался добыть их. Однако это было далеко не так просто, как могло показаться с первого взгляда. Ведь тундра в пойме реки и предгорьях вся изрезана речками, протоками, оврагами и местами покрыта довольно густым и непроходимым для снегохода лесом и тальниками. В узких местах протоки и ручьи задувает снежными козырьками, и в них легко провалится вместе с «Бураном». Кроме того, на льду озер и рек под снегом выступает вода — наледь, в которую на снегоходе очень легко втюхаться. «Буран» начинает буксовать, ходовая часть на морозе сразу обмерзает, и есть опасность вморозить снегоход в наледь. А каково остаться одному в тундре в преддверии ночи, уставшему и без средств к ночевке? Поэтому одному гонять по тундре, не зная дороги и примет этих ловушек, надо довольно осмотрительно, чтоб не попасть в беду. Несколько раз, до изнеможения помучившись, в одиночку вызволяя из оврагов и наледей снегоход, я стал более внимательно прокладывать маршрут, ориентируясь на выявленные безопасные приметы. Например, в тундре я смело ехал

там, где из-под снега торчала сухая трава, под которой явно была земля. Длинные полосы чистого снега среди травы могли скрывать задутый ручей. На реке и озерах я остерегался прибрежных участков с высоким и рыхлым снегом, часто скрывающим наледь. Звери хорошо знают, какую угрозу представляют для них «Бураны» и как от них оторваться, используя естественные препятствия. Песцы были проще, подоверчивей, но лисы, а особенно волки, прекрасно знают укромные места в тундре и искусно их используют. Поэтому охота на них с «Бурана» очень спортивна, требует много ума, сил, знания местности и повадок зверей и совершенно не предсказуема. Мне удалось добыть несколько песцов и лис. Но вот волков я даже ни разу не видел, хотя их следы видел постоянно. Дело в том, что каждый раз волчьи следы, которые я пробовал тропить, приводили меня в предгорья к каменным осыпям, по которым невозможно было ни пройти, ни проехать. Я быстро понял волчью тактику, которая заключалась в том, что на длинную ночь волки спускались с гор в тундру, навещая оленьи стада и верша разбой, но на дневку они обязательно уходили в непроходимые отроги гор. Все мои попытки поймать их на переходах были тщетны, и я быстро бросил это бесполезное занятие. Тем более что времени на охоту становилось все меньше.

С наступлением устойчивых зимних морозов с конца октября стада оленей массово погнали на юг, и началась их забойка для сдачи на мясозаготовки. В предместьях Лаборовой не было забойного пункта, для которого необходим кораль, представляющий собой большую территорию, огороженную провололочной сеткой, с воротами, от которых в обе стороны отходят две загородки в виде воронки, широким концом направленной в тундру. В эту воронку загоняется стадо, запирается в кораль и постепенно забивается. Такие забойные пункты я увидел на других факториях, на которых мне довелось впоследствии организовывать за-

бойки. Рядом с Лаборовой оленей забивали и разделявали около припоселковых чумов, привозя мне на сдачу уже мороженные по установленному стандарту туши. Я их завешивал на складе, определял категорию упитанности, оценивал, выдавал со склада ящики с товаром в счет оплаты мяса и писал записку жене, по которой она в магазине доплачивала сдатчикам товаром или деньгами; дома позднее выписывал им квитанцию. Работать приходилось по 12–14 часов, при северном морозе на складе было также холодно, как и на улице, разве что ветром не хватало. В магазине также, сколько ни топи, тепло быстро выдувало, от постоянно хлопающих дверей гуляли холодные сквозняки, и чтобы не заморозить жену, бессменно торговавшей у прилавка, я изредка взбадривал ее принесенным из дома горячим кофе. Народу было много, торговля была крупная, товар брали ящиками. Кроме того, для поощрения сдатчиков оленины вполне официально разрешалось продавать им по две бутылки водки за каждого сданного оленя. Поэтому значительная часть сдатчиков-покупателей быстро становилась изрядно навеселе. Начинались конфликты, придирики и стычки. Торговать с пьяными была одна беда. Они забывали, какой товар купили, что еще им надо купить,

забывали, сколько получили наличных денег, требовали пересчета по несколько раз. Только жена с ее терпеливым характером смогла вынести это и успокоить придиричивого покупателя. Но и у нее иногда не выдерживали нервы от невременных дебоширов. Тогда она вызывала со склада меня, и мне приходилось принимать решительные действия по их удалению из магазина. Они начинали сопротивляться, взывать к общественному мнению и зачастую находили поддержку у таких же накаченных собутельников. Приходилось четко соблюдать меру дозволенного и не перегибать палку в применении насилия, чтобы не спровоцировать массовые беспорядки. Тут приходилось опираться на трезвую часть покупателей, которым также надоедали пьяницы и мешали торговать. Они также, по-своему, упрекали бузотеров, и постепенно, через крики и гам, спокойствие ненадолго восстанавливалось. В поселке, в окрестностях магазина, в затишке от ветра, быстро формировались кучки пирующих оленеводов. Часто они располагались прямо на льду озера, под обрывом у магазина. Прodelав лунку во льду, они садились вокруг нее, как охотники с картины Перова, и запивали водой из нее водку или разводили спирт. Когда они закусывали сырым мясом, то после

посиделок, изрядно выпившие, с перепачканными кровью лицами, они выползали оттуда, как вампиры. А после торговли глубокой ночью территория поселка иногда казалась полем боя после битвы: тут и там лежали на снегу скрючившиеся фигуры пьяных спящих людей, и там и сям стояли понурившиеся олени упряжки. Воронку было раздолбе. Поначалу я, беспокоясь за жизнь этих людей, пытался будить их, или чем-нибудь накрывать, или растаскивать по домам. Но Анна Павловна мне сказала: «Да не беспокойтесь вы за них, ничего с ними не будет, проснутся и разъедутся». И точно, оленья малица этих людей служила им прекрасным спальным мешком. Втянув внутрь нее рукава и капюшон, подвыпившие ненцы великолепно ночевали, ни разу за мою службу не обморозившись. Приходилось только беспокоиться, чтобы их заметенные снегом тела ночью не переехали машины строителей, изредка заезжавшие в поселок, поэтому я растаскивал их по укромным местам, вдоль стен

домов. И к утру все они благополучно перебирались на ночевку по домам или уезжали в тундру.

Во время каслания рабочий день начинался рано. По темну я затапливал печь, которую зимой топил два раза в день, и уходил в пекарню. Если предстояла выпечка, то помогал пекарю Сане выполнить подготовительные работы по пекарне и шел заводить бензиновый движок-электростанцию, который освещал поселок, магазин и пекарню. В сильные морозы, которые достигали пятидесяти градусов, движок надо было разогревать паяльной лампой, что представляло серьезную пожарную опасность. Однажды я чуть не спалил электростанцию и вагончик, в котором она стояла, благо успел вытащить ее, загоревшуюся, наружу и сбросить с обрыва в глубокий снег. После подачи света я шел завтракать с женой, и мы шли с ней в магазин и на склады работать. Обед был в каком-нибудь перерыве, когда не было покупателей. Дальше, до глубокой ночи, была работа и работа.

Окончив торговать, набегавшись по морозу и вьюге между складами и магазином, величайшим блаженством было доползти до своего уютного, жарко натопленного дома и, выпив стакан водки, сытно поужинать жирной и сочной отварной олениной. После позднего ужина самое бы время насладиться заслуженным отдыхом, но тут в двери или окна начинали стучаться пьяницы, у которых кончилась водка, или приезжал припозднившийся ненец, привезший оленину. Установленный официальный график работы был простой формальностью, и кто-бы, когда-либо ни приехал, тем более если это был из тундры свой оленевод, надо было вставать и идти принимать мясо и торговать. Единственной возможностью относительного отдыха были дни, когда погода была плохая и мел сильный буран. В эти дни жизнь в тундре несколько замирала, и это обеспечивало в торговле и заготовках небольшой перерыв. Однако всегда хватало внутренней работы по наведению порядка в складах и ма-

газине, составления ежемесячной обширной отчетности, да и хлеб надо было печь часто. В общем, это была настоящая страда, и служба медом не казалась.

Обычно с середины декабря устанавливалась ледовая переправа через Обь, и начиналась завозка основной массы товаров на фабрику машинами по зимнику. В райпотребсоюзе был свой парк грузовых машин — «УРАЛов» и «КАМАЗов», которые летом из-за отсутствия дорог крутились в основном между аэропортом, Салехардом и Лабытнангами, обеспечивая навигацию и отправку товаров судами на прибрежные фабрики и в поселки. Такая работа до чертиков надоедала водителям, которым хотелось настоящей работы, дальних рейсов и зимних коэффициентов. Поэтому задолго до зимы они начинали готовить машины для зимника: утеплять их, ставить дополнительные печки и обогреватели, получать новую резину. До Лаборовой путь был недалеким, около 200 километров, поэтому на нее ходили небольшим караваном, в две-три машины. «Топтать» зимник зачастую начинали до официального открытия ледовой переправы через Обь, пересекая реку по льду в другом, неподходящем месте. Ширина реки в том месте была около пяти километров. Заблаговременно кто-нибудь из шоферов проходил реку с коловоротом, замеряя толщину льда. В первый рейс машины грузили в половину или легковесным грузом и, благословясь, выезжали на лед. Я несколько раз начинал зимник с шоферами, но всегда первый в сезоне переезд реки проходил напряженно, с замиранием сердца. Стоило представить себе холодные мрачные глубины быстротекущих вод, отделенных от тебя хрупкой ледяной мембраной толщиной в два-три десятка сантиметров, и становилось жутко. Опытные речники знают коварство рек с их изменчивыми течениями, могущими подточить лед в любом месте. Ехали тихо, с большими интервалами между машинами, с приоткрытыми дверцами, чтобы при провале

машины успеть выскочить на лед. Иногда лед гулко трещал, и все в тебе напрягалось и замирало, готовое в отчаянном прыжке выбросить свое тело на лед при просадке машины. Такие чувства испытывали все, даже опытные водители, так как каждый год при ледовой переправе в течение зимы тонули машины и снегоходы, и редкий человек, живущий на реке, не видел утопленника. Когда все машины собирались на другом берегу, напряжение спадало, и особенно приятно ощущалась незыблемая твердь земли. Все сигналили и, радостно переговариваясь, и закуривая, продолжали путь.

Дальше путь пролегал по грейдеру вдоль железной дороги на Бованенково. Километров за тридцать до поселка начиналось бездорожье, и приходилось торить дорогу по целине.

Ведущим становился самый пожилой и опытный водитель Акимыч. Спокойный и мудрый, в благообразной седине, он пользовался непререкаемым авторитетом у водителей. Всю жизнь проработав на севере водителем и проехавший по зимним лесам, тундре, морским и речным льдам не одну тысячу километров, он в совершенстве знал все опасности зимней дороги и степень допустимого риска при разных обстоятельствах пути. Включив пониженную скорость, снизив до минимума давление в шинах, он не спеша пробирался по снежной целине, безошибочно находя безопасный путь по известным ему приметам рельефа. В тундре снег, весь «убитый» ветрами, лежит в виде плотных застругов, и езда по нему напоминает плавание в лодке по волнам. Если снег в низинах заглублялся настолько, что машина не могла преодолеть его с ходу, Акимыч ни в коем случае не газовал, а попеременно включая заднюю и переднюю передачи, двигаясь вперед и назад, терпеливо уплотнял колею, буквально по сантиметрам продвигаясь вперед. Так он самостоятельно преодолевал глубокие надувы, иногда двигаясь вперед себя бампером снег. Это

был высший пилотаж «полярного драйва», как сказали бы сейчас, основным принципом которого было: «Не газовать, не буксовать». Конечно, были и непреодолимые преграды, и когда передняя машина зависала, тогда задние машины брали ее на буксир и задним ходом возвращали на твердую дорогу. Потом находили объезд, и путь продолжался. Средняя скорость такого пути приближалась к скорости пешехода, но последующие рейсы по пробитой и укатанной колее были достаточно быстрые.

По приезду на фабрику машины разгружались. Мы ужинали, непременно выпив водки после тяжелой дороги, и шофера уходили ночевать в машины. Заводить машины после длительной стоянки в сильный мороз на ветру в открытой тундре было чрезвычайно тяжело, поэтому в рейсах их не глушили надолго и они «молотили» практически беспрестанно. Шофера спали только в кабинах, чутко контролируя работу двигателей сквозь сон. Чтобы не угореть от выхлопных газов, заносимых ветром в кабину, на ночь они ставили машины передом только на ветер.

Поутру мы загружали машины морожеными тушами оленей, и возвращались в Салехард, где на базе я сдавал мясо. Потом машины опять загружались товаром и отправлялись на фабрику. Так и ездили, пока была обратная загрузка. Для шоферов поездка в Лаборовую являлась своеобразной обкаткой, перед длительными рейсами в дальние полярные поселки. В тысячекилометровые рейсы по побережьям Обской, Тазовской и Гыданской губ выезжали на недели, когда повсеместно устанавливался толстый лед. Полярная ночь и свирепые бураны, поломки машин и ремонты под открытым небом были обычными условиями зимника. Это была серьезная работа, и даже немного поездив с шоферами по зимнику и отчасти поняв ее трудности и опасности, я проникся к полярным шоферам глубоким уважением.

К Новому году олени стада уходила на зимние пастбища, мас-

совая забойка оленей заканчивалась и торговля несколько затихала. Все чаще появлялась возможность съездить в тундру на охоту. Только сейчас меня интересовал другой объект охоты. С моих первых поездок в предгорья, я начал встречать следы лосей, но я считал их случайными и проходными. Поговорив с братьями Ведякиными, которые тоже занимались охотой, о возможностях лосиной охоты в наших окрестностях, я услышал от них, что лось здесь очень редок, как правило, проходной, и добыть его можно только случайно. Однако это происходило с моими наблюдениями, так как чем больше я осваивал территорию предгорий и долину реки Ходаты, впадающей в Щучью километрах в 20-ти от Лаборовой, тем больше встречал лосиных следов. Обширные тальниковые заросли, достаточно густой лиственный лес и холмистый рельеф местности создавали прекрасные условия для кормежки и укрытия лося. Было очевидно, что в этих местах лось задерживается надолго. У меня был большой опыт добычи этих зверей, и я не сомневался, что здесь вполне можно организовать промысловую охоту. Поэтому я попросил у своего непосредственного начальника, заместителя по заготовкам Ямало-Ненецкого РТП Владимира Васильевича Телушкина, оформить мне несколько заготовительных лицензий на лосей, а сам слетал домой, в Екатеринбург, и привез оттуда свой 8-миллиметровый карабин «Маузер». Заранее продумав тактику охоты, я выехал на снегоходе на Ходату. Тактика эта строилась на понимании того, что тропление зверя, т.е. прямое преследование его по следу, в ряде случаев по причинам, о которых я говорил выше, будет малоэффективна. Ведь этот крупный зверь с длинными мощными ногами может легко преодолевать и захламливаемые участки леса, и высокие обрывы, и глубокие снега, и наледи. Уходя от погони, зверь всегда идет самым трудным путем, поэтому тупо гнать его по следу будет тяжело, опасно и непрофессионально. Следуя своей тактике, я сначала проложил несколько коль-

цевых маршрутов, охватывающих наиболее посещаемые лосями территории с густыми участками леса. Затем иссек эти участки внутренними ходами снегохода и таким образом сформировал густую сеть дорог, по которым я мог безбоязненно, на большой скорости, производить оклады зверей и точно определять их нахождение. На следующий день я поехал с проверкой подхода зверей и, объезжая охотничий участок по наружной дороге, наткнулся на входные следы двух крупных лосей. Быстро объехав всю территорию, я убедился, что лоси остановились внутри нее. Проехав по своим внутренним ходам, я точно установил, в каком участке пойменного леса стоят звери. После этого я встал на лыжи и с подветренной стороны, осторожно стал прочесывать участок, зная, что сейчас увижу лосей. И точно, через некоторое время я увидел метрах в ста от себя крупную фигуру лося, который стоял ко мне боком в густом тальнике с повернутой в мою сторону головой. По настороженным ушам было понятно, что лось меня обнаружил и мог сейчас сорваться. Поэтому я решил стрелять, не пытаясь увидеть второго зверя. Стрелять приходилось через густой тальник, от которого пуля могла срикошетить и уйти в сторону, поэтому, не мудрствуя лукаво, я прицелился в середину туши и спустил курок. После выстрела по тому, как лось вздрогнул и присел, я понял, что попал, но тем не менее выстрелил второй раз уже по бегущему зверю, после чего он скрылся за кустами. Подойдя к месту, где стоял зверь, я увидел шерсть, высеченную пулей, и кровь. Пройдя небольшое расстояние по кровавому следу, я увидел лежащего зверя. Разделав его, я проехал на «Буране» по кольцу и убедился, что второй лось после выстрелов ушел недалеко и остался в круге. Так как были уже сумерки, я не стал его преследовать в этот день и, приехав на следующий день, без труда отстрелял и его. Это были крупные быки, уже сбросившие рога.

В дальнейшем лоси стали моим обычным трофеем. Это была сугубо промысловая охота,

так как мясо лосей включалось в план моих мясозаготовок, и я уже как сдатчик сам получал за него деньги. Шкуры лосей также приходоовались на склад, и я продавал их ненцам, у которых они пользовались большим спросом для изготовления оленьей упряжи. В дальнейшем я уже не вывозил мясо отстрелянных лосей с места охоты поодиночке на «Буране», а прямо на месте охоты, найдя подходящую площадку для посадки вертолета и самолета «АН-2», свозил к ней разделанные туши отстрелянных лосей, забирая их сразу, по несколько штук, попутным авиатранспортом.

Временами лося было много, но я отстреливал их строго по количеству выданных лицензий. Вспоминается случай, когда я, закончив лосиный промысел и промышляя лису, ехал в феврале месяце по реке Ходате. Повернув за крутой поворот реки, я увидел стоящую у берега лосиху, с уже крупным теленком. Увидев меня, лоси бросились по гладкому льду реки к другому берегу. Но как они бежали! Это надо было видеть! Скользя на гладком и прозрачном, как стекло, льду они падали на каждом шагу. Ноги их разъезжались, и они со всего размаху падали на лед так, что было слышно, что у них внутри что-то екало. Хотя я стоял на месте, было видно, что зверей охватил ужас. Они судорожно барахтались на льду, пытаюсь встать, и, когда им это удавалось, они тут же грохались на лед. Они были абсолютно беспомощны. Без содрогания и жалости на это невозможно было смотреть. Теперь я понял, что такое «как корова на льду», и почему волки пытаются выгнать копытных на гладкий лед. Добравшись до другого берега, изнеможденные и взъерошенные, лосиха и теленок некоторое время постояли на берегу и потом тихо ушли в чащу. Я почти физически ощущал, как им было больно, и сожалел, что был причиной этой боли. И хотя у меня с собой было ружье, у меня даже мысли не шевельнулось, чтобы выстрелить в них.

Татьяна ЧЕРЕМИСИНА,
фото Е. Савенко

Нижний Тагил

Нижнетагильский металлургический комбинат

Нижний Тагил находится в 137 километрах от Екатеринбурга. Город «широкой картиной развернулся у самого подножия Урала, как самое близкое и самое дорогое его каменному сердцу дитя». Подземные кладовые нижнетагильских земель постепенно открывали людям свои богатые залежи: железную и медную руду, мрамор, золото и платину, серебро, цинк, серу и марганец, малахит и драгоценные камни. Первой, как часто водится, показалась руда. По преданию, магнитная руда была найдена вогулом Савой, который после охоты решил передохнуть на склоне горы, и прислонил к камням тяжелые стрелы с железными наконечниками, от которых с трудом смог их оторвать. Охотник долго молчал о своей находке, во избежание разорения заводчиками вогульских юрт близ горы Высокой. Но все тайное становится явным, и через некоторое время Петру I приходит докладная от думного дьяка Виниуса: «я сыскал зело добрую руду из магнита, железную, лучше которой быть невозможно, и во всей вселенной не

бывало, чтобы из магнита железо плавить, притом же богатая и мягкая, что можно пушки и мортиры плавить...». Гора получила название Магнитная, а позже была переименована в Высокую. Первый завод — Выйский был основан в 1722 году, эта дата является официальным днем рождения города. А в 1725 году Демидовыми уже у самой горы были возведены два

Нижнетагильский завод-музей

завода по переработке железной руды, с которых и началось насыщенное индустриальное будущее города. Завод выпускал высококачества железо, и это железо склеймом «Старый Соболь» высоко ценилось не только в России, но и на Западе. Английская газета «Монинг пост» в номере от 16 июня 1851 года свидетельствовала: «Демидовское железо «старый русский соболь» играет важную роль в истории нашей промышленности; оно впервые введено было в Великобританию для передела в сталь в начале XVIII столетия, когда сталелитейное производство наше едва начало развиваться».

Тагильская земля полна талантливыми изобретателями-самородками. Кроме новшеств, необходимых для заводского производства крепостной рабочий Егор Кузнецов изобрел музыкальные дорожки, которые сейчас хранятся в Эрмитаже. А в 1775 году он изготовил астрономические часы, представляющие собой действующую модель кричного цеха. По часам можно было увидеть время суток, положение

солнца, фазу луны и святых, соответствующих каждому дню.

Сенсационной технической новинкой стал паровоз, построенный в 1834 году тагильскими механиками Ефимом Алексеевичем Черепановым и его сыном — Мироном Ефимовичем. Первый так называемый «пароходный дилижанец» из заводского деревянного сарая вышел со скоростью 15 верст в час и мог перевозить грузы в 200 пудов.

Не только техническими новшествами известна эта плодородная земля. Закрома тагильских сокровищ дополняет такое направление в искусстве, как лаковая живопись по металлу династии Худояровых. Основатели династии художников, разгадавшие тайну «хрустального лака» были старообрядцами — теми самыми людьми, которых Демидовы с радостью принимали на свои земли. Павел Петрович Бажов так писал об этом сказочном искусстве: «А лак такой, что через него все до капельки видно, и станет та рисовка либо картинка, как влитая в железо. Ни жаром, ни морозом ее не берет».

Говоря о Худояровых, как правило, вспоминают знаменитые тагильские подносы, пользовавшиеся спросом на всероссийских ярмарках. Однако вовсе не подносы интересовали Демидовых, художники расписывали для них интерьеры роскошных дворцов в Москве и Санкт-Петербурге. С 1989 года в Тагиле существует единственный в стране музей подносного промысла, расположенный в доме крепостных художников Худояровых. На первом этаже музея воссоздана подносная мастерская, в которой можно увидеть специальные инструменты и печи для обжига подносов, а этажом выше располагается историческая экспозиция, где гости могут познакомиться с историей развития подносного промысла и творчеством Худояровых.

Музей подносного промысла наряду с музеем быта и ремесел горнозаводского населения входят в комплекс историко-этнографического музея. Музей быта и ремесел знакомит посетителей с традиционными промыслами, характерными для Нижне-Тагильского горного

округа: ткацким, сундучным, берестяным. Само здание музея — уже часть истории. Так называемый «господский дом» — одно из немногих дошедших до нас частных жилых построек эпохи позднего классицизма. В здании, построенном в 30-е годы XIX века, размещались представители высшей заводской администрации и именитые гости.

Особое место в созвездии тагильских музеев занимает краеведческий музей — один из старейших на Урале. В 1837 — 1840 годах при медеплавильном заводе был создан цех для хранения образцов изделий предприятий, который и стал «заводским музеем». Первыми экспонатами «музеума», который размещался на 2-м этаже каменного флигеля заводского управления, числились: коллекция пород, гербарии, чучела птиц, старинная икона Божьей Матери, которой благословлял Никиту Демидова и его сына в первых годах XVIII века архиерей Тобольский. В 80-е годы XX столетия музей обогатился уникальным «экспонатом» и стал называться музеем-заповедником гор-

Музей культуры, быта и ремесел горнозаводского населения

Драматический театр им. Мамина-Сибиряка

нозаводского дела Среднего Урала, куда теперь входят и все перечисленные выше музеи города. Этим экспонатом является старый деми-

довский завод, который перестал действовать в 1987 году и получил статус исторического объекта индустриального наследия.

«Удивительной город! Великолепные постройки 18-19 веков, которые сделали бы честь старому Петербургу...». И правда, прогуляв-

Дворец культуры Уралвагонзавода им. И. В. Окунева

САЛЮТ

база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- Пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть

Тел.: (34374) 25-420, 25-634,

(343) 359-93-89. www.salutupz.ru

Лисья гора. Вид с набережной

шись по старым улицам Тагила, нельзя будет не согласиться с Ираклием Андронниковым. Главная улица города издавна была Нагорная, переименованная в честь приезда императора в Александровскую, а затем в улицу Ленина.

Начинается она со здания управления демидовскими заводами, откуда велся неустанный контроль за девятью заводами и многочисленными рудниками Нижнетагильского округа. Продолжают улицу невысокие дома, принадлежавшие

когда-то тагильскому купечеству. Рядом с купеческими домами, как водится, была торговая площадь, а сейчас здесь сквер, где несколько лет назад был установлен памятник Демидову. Главная улица города богата и театрами: театр

Горно-металлургический колледж

кукол, драматический театр имени Мамина-Сибиряка, на сцене которого поставлены почти все крупные произведения писателя-земляка. Старейшее на Урале и в России учебное заведение также находится на бывшей Нагорной. Это горно-металлургический техникум имени Е.А. и М.Е. Черепановых, открытый почти 300 лет назад как «цифирная школа».

Первоначальное название улица Нагорная получила потому, что начиналась она из под горки, а точнее, из-под легендарной Лисьей горы. Гора Лысья, или как ее еще называют – Лысяя, издавна является излюбленным местом отдыха и народных гуляний, по мотивам которых, кстати, Исаак Худояров в первой половине XIX века написал известную картину «Гулянье на Лисьей горе». На картине, на фоне уральской природы и заводского поселка с его деревянными улочками и церквями, гуляют нарядные девицы, о чем-то судачат кумушки, вальяжно прогуливается заводской управляющий с семьей. С Лисьей можно было заглянуть во все уголки городка, именно поэтому Демидов выбрал эту гору для устройства смотровой башни. Башня является одним из старейших архитектурных памятников Нижнего Тагила: на чугунной литой плите, укрепляющей ее угол, выбита дата – 1818. Обычно подобные сооружения принято считать сторожевыми, но эта башня выполняла функции пожарной каланчи при Демидовых, наблюдательного пункта во время гражданской войны, в 30-е годы здесь был метеорологический центр, а позже – телевизионный ретранслятор. Также существует еще версия, что башня строилась под обсерваторию. Сейчас же это просто неотъемлемый символ города, вдохновляющий путешественников.

Путешественники вдохновенными могут стать и не только в самом городе. В Нижнетагильском округе находится поселок Висим – родина певца Урала – Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. На главной улице поселка в деревянном доме священника Наркиса Мат-

Здание бывшего земского училища

веевича Мамина, где родился и провел детские и юношеские годы наш будущий известный писатель, и в примыкающей к дому церковноприходской школе, где он учился, с 1979 года располагается литературно-мемориальный музей. Личных вещей семьи осталось немного – некоторые бытовые вещи, фотографии и прижизненные издания писателя. Но воссозданные интерьеры комнат полностью передают атмосферу родительского дома, описанную самим Д. Н. Маминим-Сибиряком как «простую, трезвую, трудящуюся и честную». В музее также представлена история Висимо-Шайтанского заводского поселка, принадлежащего Демидовым, его своеобразного быта и культуры, которые тоже нашли отражение в произведениях писателя. Сотрудники музея проводят пешеходные экскурсии по поселку и окрестностям, в частности, гости музея смогут испить воды в источнике у горы Кокурниковой, который экологи называли уникальным.

Особая статья в жизни Урала – его природные богатства, о которых писатель также не забывает в своих очерках и романах. «Едва ли найдется другой такой уголок на земном шаре, где бы, на таком, сравнительно очень незначительном пространстве, природа с истинно безумной щедростью расточила свои дары». Кроме железной и медной руды, в недрах Урала таились месторождения золота, драгоценных и полудрагоценных камней.

В процессе поисков золотана Урале была открыта платина, которая «быстро завоевала права гражданства в среде благородных металлов. Кем, когда и при каких обстоятельствах найдена наша уральская платина, остается неизвестным. Но когда ее открыли, оказалось, что она встречается по всему Уралу...» Богатейшее месторождение платины открыла людям Соловьева гора, высотой в 604 метра над уровнем моря. С нее берут начало реки Мартьян, Висим, Сисимка, принадлежащие бассейну реки Чусовой, а также река Чауж. Долины этих рек и многочисленные лога на склонах горы составляли единую платиновую россыпь, самой щедрой из которых была при речке Мартьян. Тагильские россыпи славятся и обилием самородков – здесь был найден самый крупный в мире самородок платины – 9,625 кг. Места здесь были настолько плодотворными, что старики говаривали: «В шапке принесешь песку, а и то золотник намоешь...».

Неподалеку от Соловьевой горы расположен крупный горнолыжный курорт на горе Белой, куда каждый сезон съезжаются любители экстремального отдыха. Вообще, этот район всегда привлекал к себе исследователей и путешественников. Как писал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, «это был какой-то заветный уголок, побывать в котором считал священной обязанностью каждый ученый...».

Аэлита продолжается!

С 26 по 29 мая 2009 года в Екатеринбурге прошел XXVI Европейско-Азиатский фестиваль фантастики «Аэлита». Главная премия «Аэлита» за вклад в развитие русскоязычной фантастики, учрежденная при редакции журнала «Уральский следопыт», была вручена, а значит, фестиваль состоялся.

Почетные гости фестиваля – писатели Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев, а также Дмитрий Байкалов (критик, журналист, сценарист, литературовед, составитель антологий, редактор) и Андрей Сеницын (критик, книгоиздатель, редактор).

В первый день фестиваля в актовом зале УрГУ состоялось торжественное открытие мероприятия, на котором выступили группы самодеятельности университета.

27 мая программа фестиваля открылась пресс-конференцией в пресс-центре ИТАР-ТАСС-Урал, после чего прошел семинар о тенденциях в современной фантастике и издательском деле, собравший множество участников. Вели семинар Дмитрий Байкалов и Андрей Сеницын.

В этот же день в книжном супермаркете «100 000 книг» на проспекте Ленина прошла автограф-сессия Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева, в которой участвовали также уральские писатели. Здесь же состоялась презентация нового сборника фантастики «Аэлита/005», уже традиционно выпускаемого при поддержке Управления культуры Администрации Екатеринбурга.

Завершился день в кинолексе «Салют» показом кинофильма «Дневной дозор» (по совместному роману Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева).

День 28 мая открылся семинаром молодых авторов, где подводились итоги пятого конкурса короткого рассказа. Семинар вели Борис Долинго и Евгений Лотош. По условиям конкурса жюри отбиралось несколько работ, выбрать лучшую из которых должен был арбитр конкурса, которым в этом году выступал сам Сергей Лукьяненко.

Также 28 мая прошли круглый стол по актуальным вопросам развития фантастики и общества, встречи с писателями, и завершился день кульминацией фестиваля – награждением лауреатов в актовом зале УрГУ.

Главная премия «Аэлита» по итогам голосования Всероссийского жюри в 2009 году была вручена Владимиру Васильеву. Романтическая награда – орден «Рыцарь фантастики» имени И.Г. Халымбаджи – украсила грудь Сергея Лукьяненко. Сергей же объявил

победителя конкурса короткого рассказа – 2009 – им стала молодая автор из Екатеринбурга Анна Сырцова. Евгению Лотошу был вручен диплом редакции журнала «Уральский следопыт» за лучшую публикацию в 2008 году (цикл статей «Ошибки и штампы в фантастике»).

Завершался фестиваль «Аэлита» 29 мая традиционным выездом на 17 километр Московского тракта к обелиску «Европа – Азия», где состоялся «Пикник на обочине» с поеданием шашлыков и традиционными тостами во славу российской фантастики. Вечером уже в номере гостиницы «Большой Урал» самой забавной премией фестиваля – «Аэлитром» – наградили Андрея Сеницына.

И тут уже пришла пора гостям и участникам фестиваля прощаться. Как всегда, это была немного грустная процедура – ведь расставались старые и новые друзья, писатели и просто любители фантастики, люди, которым хорошо и интересно вместе.

Но все расставались с надеждой, что еще не раз встретятся вновь – здесь же, в Екатеринбурге, на фестивале фантастики «Аэлита».

Борис Долинго

Андрей СКОРОБОГАТОВ, г. Екатеринбург

Желтый Сверхстратегический

После того, как Ростислав Степанович уволился из школы и вышел на пенсию, у него появилась мечта — купить загородный участок.

Он долго копил, откладывал с пенсии, и наконец, весной 201* года его мечта сбылась — он приобрел шесть соток в коллективном саду в десяти километрах от Андреевска. Огородик был заросший, сарай почти развалился, и участок обошелся совсем дешево, даже осталось тысяч пятнадцать на черный день.

Через пару недель после покупки, в начале мая, случилось несчастье — в гараже сгорела старенькая «девятка» Ростислава Степановича, на которой он не ездил уже несколько лет. В райсуде завели дело, стали искать поджигателей. Соседи на словах сочувствовали бывшему педагогу, ведь ездить в сад ему стало не на чем, но помочь не могли и не хотели. Только Георгий Алексеевич, давний друг, живущий сверху, посоветовал:

— Надо тебе, Слава, купить какой-нибудь мотороллер с кузовом или мотоцикл с коляской хотя бы. Почитай газеты с объявлениями, такие машины стоят дешево. Или зайди в Интернет.

— Нету у меня всех этих новомодных штук, — нахмурился Ростислав Степанович, хотя на дворе стоял 201* год и подобные «новомодные штуки» были в каждой квартире. — Пожалуй, точно, куплю газету «Все-Всем», может, и найду что-нибудь дешевое.

Старик, одетый в рубаху изо льна, сидел на вершине скалы. Ветер раздувал его седые волосы, глаза слезились, он смотрел на ночное небо, на три луны. Старик знал каждую видимую звезду, номер каждой обитаемой планеты.

Перед ним была пустыня. Вспышка внизу отвлекла старика от созерцания, и он спустился со скального уступа.

— Скоро Запланированное осуществится, мой друг, я видел. Космос не будет испытывать более дурного влияния планеты номер тринадцать. Она исчезнет. Я нашел подходящего исполнителя.

Андрей Валерьевич Скоробогатов родился в г. Екатеринбурге (Свердловске) в 1987 г. В настоящее время работает инженером компьютерного центра Европееко-Азиатского института управления и предпринимательства и учится на заочном в Уральский государственном педагогическом университете. С 2007 г. — участник фестиваля «Аэлига» и различных сетевых конкурсов. Первая публикация состоялась в марте 2008 г. в журнале «Уральский следопыт».

— Я рад сему! — громогласно ответил сверкающий лик над пустыней. — Да будет так.

— Извините, это не вы продаете «транспортное средство» за шесть тысяч рублей?

— Да, — ответил бархатистый баритон. — Будете брать?

— Ну, для начала скажите, что это такое, почему так дешево? Оно хоть рабочее, это ваше средство?

Голос на том конце линии хохотнул.

— Да еще какое рабочее! На ходу, все работает, техосмотр пройден, недавно перекрасил в желтый цвет, теперь сверкает, как новенький!

— Ну вы хоть объясните, что это такое? Вы понимаете, мне нужно в сад ездить, тут неподалеку, и мне хотелось бы любую добротную машину — мопед, мотоцикл с коляской.

— А вы приходите, увидите! Для сада — самое то. Вы в каком районе живете? Я в частном секторе живу, в Заречном районе, улица Красноармейская, дом 5.

Ростислав Степанович оживился.

— О, да это близко, можно зайти сегодня вечером?

— Да пожалуйста. Я не представился, меня зовут Олег Тарасович Вобла. Приходите, может, сразу и купите.

Частный сектор встретил Ростислава Степановича лаем дворовых собак и чириканьем воробьев. Не без труда отыскав в лабиринте улочек Красноармейскую, дом пять, пенсионер позвонил в дверь. Пес за дверью тявкнул и злобно зарычал, послышались чьи-то шаги, и дверь открыл полноватый, небольшого роста мужичок с лысиной и роскошными усами.

— Приветствую! — сказал бывший учитель и пожал мужичку руку.

— Здорово, заходи, — сказал Олег Тарасович, перейдя на «ты», как это обычно делают при личной беседе деревенские жители. — Посмотришь?

— Ну, давай, показывай, что у тебя за «средство».

Пенсионер зашел во внутренний дворик и остолбенел.

За воротами, ближе к дому, между колодцем и вишнями, стоял желтый трехметровый цилиндрический объект с единственной дверью, небольшими колесиками и странной металлической перекладной на крыше. В памяти Ростислава Степановича всплыл любимый фильм юности — шедевр советского кино «Кин-дза-дза»...

— Желтый сверхстратегический пепелац вооруженных сил КНДР, — гордо проговорил Олег Тарасович, покручивая усы пальцем.

— Он что... летает? — усмехнулся Ростислав Степанович. — Откуда он у тебя?

— Да, у меня дядя в посольстве в Корее работал, они ему списанный подарили. Там как раз подписали договор о демилитаризации. А откуда корейцы его взяли, одному Богу известно.

Олег Тарасович подошел к машине и постучал его кулаком. Пепелац отозвался гулким, чугунным звуком.

— Работает на тяжелой воде, я ее беру у Андреевской АЭС. Мне знакомый место указал, где от них ручеек стекает. Ведра хватает на пару недель, я тебе дам бочку.

Пепелац имел четыре круглых иллюминатора и вертикальную дверь, обитую не то кожей, не то поролоном.

— А как она открывается? — поинтересовался Ростислав Степанович, посмеиваясь про себя. Происходящее казалось ему забавным, ведь в то, что эта железная громадина может работать, верилось с трудом.

— Сейчас, — пробормотал Олег Тарасович, роясь в шкафу, который стоял под навесом. Наконец он достал металлический поршень с шариком на конце. — Вот эту штуку я называю бандурой. Нажимаешь на кнопку, настраиваешь на свой голос, и оно откроется.

Пенсионер рассмеялся. Ну, точно, цирковое представление. Меж тем его собеседник поднес бандуру к лицу и сказал:

— Откройся!

Дверь пепелаца скрипнула и плавно опустилась, упав на подставки. Бывший учитель открыл рот от изумления.

— Пойдем, — сказал Олег Тарасович и залез внутрь. Пенсионер последовал за ним.

Внутри было три металлических сиденья по кругу и старый корейский плакат с Любимым Руководителем и детьми на стене.

— Вот здесь есть печка, — показывал хозяин пепелаца, — есть ведро для топлива...

— Луца? — переспросил, улыбаясь, Ростислав Петрович.

— Ты что, смотрел этот глупый фильм «Кин-дза-дза»? — нахмурился Олег Тарасович и присел на сиденье. — Ты это брось, там нет ни слова правды. Данелия, конечно, знал о существовании пепелацов, но воспроизводил свой макет всего лишь по фотографиям, добытым разведчиками из Кореи. Например, никаких гравипап я там не видел, в фильме у него машина

управляется при помощи рычагов на потолке. А это же так неудобно! Здесь все рычаги и переключатели внизу, на полу перед средним сиденьем. Вот этим управляет поворот налево и направо, это тумблер включения двигателей, это рычаг управления скорости. Постоянно следить за ходом не нужно, у него есть Аналоговая Вычислительная Машина встроенная, она сама следит за дорогой. Маршрут вообще можно запрограммировать. Единственный минус — не проветривается, дверь закрывается герметично. Но я сколько ездил — ни разу не задохнулся.

— А этот, синий рычаг? — спросил пенсионер. — Он чем управляет?

— Лучше его не трогай, это регулятор высоты. Пепелац у меня зарегистрирован как трактор, летных школ я не кончал, как и ты, наверное. Да и внимание привлекать не советую. Двигайся горизонтально. Вот так.

Пепелац загудел, и пассажиров слегка затрясло. Затем машина немного приподнялась над землей и совершила небольшой круг над участком Олега Тарасовича.

— Да, а что делать с гаишниками? — спросил пенсионер, когда вышел из оцепенения. — И как мы будем делать перерегистрацию?

— Не бойся, все схвачено, — сказал Олег Степанович. — Я сам в ГИБДД работал, все знакомые. Ты же далеко от города выезжать все равно не собираешься, а в случае чего просто нажми на бандуру и скажи: «Замолчи!» Только учти, радиус действия этой штуки ограничен.

Беспородный пес на цепи, продолжавший лаять, от этого слова жалобно заскулил и залез в будку.

— Ну что, берешь?

— Беру, — ответил Ростислав Степанович, удивляясь своей решительности, и спросил напоследок: — А зачем ты его продаешь? Что, надоело ездить?

— Да... жена достала, — кивнул Олег Степанович в сторону дома. — Купи, говорит, нормальное авто, а то чувствую себя как в подводной лодке. Хорошо, что при тебе он заработал, значит, хорошего человека признал. Ну, давай деньги, завтра переоформляем, и забираешь его с бочкой топлива.

* * *

Перекладина наверху медленно крутилась и поскрипывала. Ростислав Степанович ехал по широкой дороге в сторону своего сада. С управлением он уже освоился и двигался со скоростью сорок километров в час. Простые машины сигналили и проносились мимо, пешеходы останавливались и тыкали пальцем, но все же бывший учитель радовался. За неделю он уже несколько раз успел слетать на пепелаце в супермаркет, в фермерство за саженцами для сада и к ручейку за электростанцией, где текла тяжелая вода.

Сейчас он вез несколько досок и рабочий инструмент, чтобы починить сарай. Впереди был поворот на проселочную дорогу, ведущую к саду, Ростислав Степанович повернул ручку управления налево, и пепелац, дождавшись поворота, послушно направился по

указанному направлению. Слева и справа показались дворцы богачей, местных олигархов, чередовавшиеся с сараями и домиками таких же простых дачников, как Ростислав Степанович. «Вот и мой садик», — радостно подумал пенсионер, переводя тумблер включения двигателей в положение «выкл». Когда он вышел из машины, его настроение испортилось.

У своей калитки бывший учитель увидел поддоны с кирпичами и большую кучу песка и цемента, привезенные, по-видимому, соседом напротив. Он как раз строил себе коттедж. Этот сосед-бугай, вместе со своим стаффордширским терьером, сразу не понравился пенсионеру. Теперь, по-видимому, решив, что соседний участок не занят, этот предприниматель решил использовать землю как склад для строительства. В итоге войти через калитку не представлялось возможным.

Ростислав Степанович с трудом перелез через ограду и вошел в перекошенный сарай. В сарае была нарисована баллончиком перевернутая пятиконечная звезда и валялись обезглавленный труп черной курицы со шприцами. Похоже, здесь собирались какие-то сектанты. Расстроенный пенсионер вышел из сарая и собирался идти к пепелацу, чтобы перегнать его на участок, но увидел около агрегата черного соседского пса, который пометил машину и с рычанием направлялся к дырке в ограде.

Бандуру бывший учитель всегда носил с собой — ведь это были ключи от его «машины». Он нажал на кнопку, дождался писка и громко сказал в шарик:

— Замри!

Пес прекратил лаять и остановился с поднятой лапой. В это время из недостроенного коттеджа вышел сосед и крикнул через ограду:

— Ты, ... что с моей собакой сделал? И что это за ... у меня перед участком? Ты кто вообще такой, дядя?

Ростислав Степанович никогда не умел отвечать на хамство, а от мата вообще ему становилось не по себе. Он промямлил:

— Я бывший учитель, это мой участок...

— Ну и иди, учи, учитель, ...! И убери эту дуру железную.

— Замолчи!!! — крикнул пенсионер в бандуру и направил ее на соседа, но ничего не произошло. Радиус действия был меньше, чем нужно.

— Ты че мне там вякаешь, ...! — сосед разозлился и медленно, угрожающе направился через дорогу. — Я тебе морду-то сейчас начищу, учитель!

Сосед непременно бы избил несчастного Ростислава Степановича, но пепелац в этот момент включился, поднялся с места и загородил бугаю дорогу. Тот отпрянул, испугавшись, и крикнул бывшему учителю:

— Ну, я доберусь еще до тебя, животное!

Он пробовал обходить пепелац и слева, и справа, но машина сама разгадывала его намерения и каждый раз загоразивала своего хозяина. В конце концов, сосед плюнул и ушел к себе.

* * *

— Я слушал Космос, мой друг. С тринадцатой планеты приходят радостные сигналы. Скоро внутренние

противоречия приведут этот зловерный мир к разрушению.

Старик стоял и улыбался, широко разведя руки в приветственном жесте.

— То же самое ты говорил мне неделю назад, — лик над пустыней слегка нахмурился. — Ускорь процесс. Твой аппарат способен на это, он уникален, хоть и имеет недостатки. Создай кротовую нору в пространстве, чтобы твоя команда активации прошла быстрее. Я хочу видеть результаты уже завтра!

— Но мой друг, это раскачает равновесие Вселенной! — возразил старец.

— Никто так не раскачивает равновесие Вселенной, как жители планеты номер тринадцать. Не одно, так другое, — нахмурился лик. — Своими телепередачами и гармоническими аудио-колебаниями по радио они хотят подчинить наш разум и разрушить наш мозг. Поэтому ты должен нанести упреждающий удар.

Старик кивнул.

— Я создам кротовую нору сегодня же. Аппарат выполнит свою миссию.

* * *

На шоссе была пробка до самого Андреевска. Так всегда бывает вечером, но ничего поделать нельзя — дорога из сада всего одна. Ростислав Степанович нервничал, со всех сторон были одни иномарки, они сигналили, перестраивались из ярда в ряд не по правилам, водители орали друг на друга и на пенсионера... В конце концов, он не выдержал.

«Олег Тарасович что-то говорил про синий рычаг... А, плевать», — и он дернул переключатель высоты на себя.

В следующее мгновение железная машина превратилась из наземного средства в средство летающее, преодолев за пару секунд три сотни метров и резко остановившись в воздухе. Ростислав Сергеевич слетел с сиденья и ударился о потолок головой. Сознание не потерял, но ушиб был сильный, а сверху что-то отлетело. Когда он снова схватился за рычаги, пепелац начал медленное движение вниз, и остаток пути до города пенсионер преодолел над полем на низкой высоте.

На следующее утро Ростислав Степанович решил разобраться в устройстве пепелаца, ведь инструкция у него была лишь на корейском, и схем в ней было мало. Пепелац стоял во дворе пятиэтажки, и детишки уже перестали его бояться, трогали за колесики, залезали на опущенную дверь. Ростислав Степанович любил детей и разрешал им играть около своей машины, отводя в сторону за руку лишь особо безудержных.

— Дядя, а что это за ручка? — спросил маленький мальчик Максим бывшего учителя, показывая на круглый красный рычажок в углу на потолке, прямо над головой фотографии Ким-Чен-Ира.

— Где? — спросил Ростислав Степанович, только сейчас обратив внимание на рычаг. Видимо, раньше его скрывала крышка, которая отлетела при ударе. Пенсионер встал на сиденье. — Хм, интересно, надо попробовать.

Он надавил на красную рукоятку и услышал скрип и громкое шипение внизу. Дети с криками разбежались в разные стороны. Ростислав Степанович слез с сиденья, вышел из аппарата и опустился на четвереньки, посмотрев, что случилось. Надо сказать, что раньше он как-то не задумывался посмотреть на устройство пепелаца снизу — машина была настолько тяжела, что ни один из обычных домкратов не смог бы ее поднять, да и смысла в этом не было...

Снизу, между колесами пепелаца, из раскрытого днища на Ростислава Степановича смотрела черная, немного проржавевшая труба неизвестного устройства, похожего на пушку.

«Чертовщина какая-то, Олег Тарасович ничего мне не говорил об этом...» — подумал пенсионер, поднялся и решил позвонить бывшему владельцу машины.

* * *

— Приветствую, это Ростислав Степанович, — сказал бывший педагог. — Я не помешал? Просто мне хотелось бы задать пару вопросов.

— Здравствуй, Ростислав, — ответил Олег Тарасович. — Что-то случилось с аппаратом?

— Да, я нажал на красную рукоятку на потолке, и снизу выдвинулась какая-то труба.

Пауза.

— Черт, ты все же добрался до этой ерунды. Приходи, это не телефонный разговор.

Через полчаса они сидели вдвоем на кухне у бывшего милиционера. Олег Тарасович достал две бутылки пива «Андреевские ручьи», недолго спорил с женой, прося ее выйти из комнаты, а когда, наконец, уговорил, то рассказал бывшему педагогу всю правду.

— Дядя перед смертью, когда передавал пепелац, сказал, что если надоест тебе все или достанет больно кто, открой крышку на потолке и надави на красный рычаг. Первое нажатие выводит трансклюатор — так он назвал то устройство — из отсека...

Бывший владелец пепелаца многозначительно посмотрел на пенсионера. Ростислав Степанович отпил пиво и спросил:

— А второе? Что вообще делает этот трансклюатор?

Олег Тарасович тоже сделал пару глотков и сказал спокойным тоном:

— А второе нажатие закрывает отсек и выключает трансклюатор. Но когда устройство включено, главное — не трогать рычаги скорости и поворота. Это опасная штука, правда... Признаться, я пробовал испытать его на старом туалете в саду, но услышал только писк, который выдает бандура при ошибке. Отказался он работать, в общем.

— Ну так значит, сломано это устройство, что ж ты меня пугаешь! — сказал Ростислав Степанович. — Дело не стоит и выведенного яйца, а ты — «не телефонный разговор», попросил прийти. Я, конечно, не против, чтобы вот так вот посидеть, поговорить по душам, но...

— Нет, ты не понял, — прервал собеседника Олег Тарасович. — Дело опасное, ведь не зря машина состояла на вооружении у Северной Кореи. Просто так летающий

кусок железа считать Стратегическим оружием они бы не стали, понимаешь? К тому же все остальные системы работают исправно. А раз отдали его дяде, значит, у них был какой-то план.

— Так может, они и отдали его дяде, потому что устройство это сломалось? — предположил Ростислав Степанович.

Бывший владелец пепелаца пожал плечами.

— Может быть, может быть... А может, это устройство у них не работало, а у тебя заработает, он же людей различает. Будь осторожен, а на тот красный рычаг нажми снова и ни в коем случае его не поворачивай — дядя говорил, что это регулировка мощности.

* * *

— Ну что, Слава, опять в сад собираешься? — Георгий Алексеевич подошел к соседу, который складывал инструмент и посевную картошку в аппарат. — Про тебя уже тут в центральных газетах пишут, вот гляди: «Над трассой Урюпинск — Андреевск был замечен НЛО в виде цилиндра, желтого цвета». Непонятно, как твой агрегат местные газетчики до сих пор не нашли.

— А в него аналоговая вычислительная машина встроена, — объяснил бывший учитель и присел на скамейку отдохнуть. — Она мышлением окружающих управляет. И приборами вроде фотоаппаратов.

— Да не могут АВМ управлять мышлением окружающих, понимаешь, — сказал подполковник запаса и тоже присел на скамейку. — Я в ракетных войсках служил, в то время всю работу делали над системами искусственного интеллекта, пси-оружием, и то не все было гладко, а тут — на тебе, захотел, и никто о тебе не задумывается. Да и аналоговых машин уже давно в технике не используют, везде компьютеры... Может, действительно эта штука инопланетная?

— Ты знаешь, мне без разницы, — задумчиво произнес Ростислав Степанович. — Лишь бы вот — до сада исправно возил, а больше мне на старости лет-то и не нужно.

Помолчали.

— Поджигателей твоих нашли?

— А оно им надо? Я ж не депутат какой, не чиновник, — бывший учитель поднялся со скамейки. — Простой пенсионер, дела таких, как я, расследовать невыгодно. Ладно, мне пора, хочу вот картошку посадить.

— Что-то ты поздновато ее садишь, — сказал Георгий Алексеевич, прощаясь с другом.

* * *

Сажать картошку Ростиславу Степановичу действительно было поздно. Свой огородик он обнаружил перепаханым и изъезженным как будто танками, сарай, который бывший педагог так долго восстанавливал, был разрушен.

Было ясно, кто это сделал — богатый сосед отомстил пенсионеру за нанесенное оскорбление. Самого соседа сейчас не было, его трехэтажный коттедж стоял почти полностью достроенным, а Ростислав Степанович был вне себя от негодования.

— Сволочи... — бормотал бывший учитель. — Я... всю жизнь копил на сад, получаю копейки, а этим, этим мерзавцам деньги некуда девать... Это ж надо... бульдозеры нанимать! Я ему покажу, этой скотине!

Пенсионер потянул на себя синий рычаг, а затем привстал и дотянулся до красной ручки на потолке. Пепелац поднялся на высоту в пятьдесят метров, остановился, снизу заскрипели створки отсека с трансклюкатором.

— Так как же он управляется?.. — подумал вслух Ростислав Степанович. — Попробуем рычаг поворота.

Снизу послышалось жужжание и скрежет. Похоже, это регулировка направления. Ну а если нажать на рычаг скорости?

...Сначала показалось, что ничего не произошло, но потом бывший учитель увидел, как на участке соседа, чуть дальше за коттеджем, почти беззвучно образовалась идеально круглая воронка диаметром пять метров. Ростислав Степанович злорадно усмехнулся.

— Сейчас... — пробормотал пенсионер, поднимаясь и поворачивая красный рычаг на пол-оборота. — Я им всем покажу, и мерзавцу этому, и другим богатеям покажу, и подросткам, что машины поджигают, и правительству, что о нас забыло!

Владелец пепелаца дернул за рычаг. Весь соседский сад с коттеджем перестали существовать, обратившись в ничто, а к центру стометровой воронки устремился воздух, стремясь заполнить образовавшийся вакуум. Послышались крики ужаса других дачников, увидевших, как испарился соседский дом.

Пенсионер нажал на красный рычаг, закрывая отсек с оружием и возвращая машину в режим полета. Месть Ростислава Степановича была совершена, и он уже подумывал о том, чтобы отправится домой, как внезапно в его голове возник новый план.

Он потянул на себя синий рычаг. Пепелац свечкой взмыл в небо, поднимаясь все выше и выше над дачным поселком. Когда он достиг уровня облаков, а поселок внизу превратился в небольшое зеленое пятно, пенсионер поднялся, снова нажал на красный рычаг и принялся его крутить. Ростислав Степанович поворачивал его, поворачивал так долго, что устала рука. Когда красный рычаг был повернут, наконец, до крайнего положения, пенсионер проговорил:

— Я им покажу, буржуям, понастроили тут домин, собак страшных разводят, еще и возмущаются!

Затем пенсионер сел на место пилота и со всей силы дернул на себя рычаг скорости...

В следующее мгновение в круглых окнах пепелаца пилот увидел черную пустоту с огоньками далеких звезд. Спокойствие и тишину, казалось, ничто не может прервать, и владелец пепелаца некоторое время любовался новой картиной, пока не почувствовал себя в невесомости. А потом Ростислав Степанович проговорил удивленно:

— А где же... Земля?

* * *

Старик, одетый в рубаху изо льна, сидел на скальном уступе и улыбался.

— Мы сделали это, мой друг, у нас получилось! — сказал он сверкающему лику над пустыней.

— Да? А ты уверен в этом? Ты проверил возможность коррекции реальности? Может, произойдет локальный сдвиг и Вселенная вернется к точке бифуркации?

Старик помрачнел, вскочил на ноги и принялся ходить взад-вперед по уступу.

— Но это невозможно... Как же так... Нет, это исключено! Только наш аппарат может сделать это, но... Там же не остался ни один живой землянин... Или нет...

Лик над пустыней подумал некоторое время и спросил:

— Ты не помнишь, оставлял ли ты в нашем аппарате включенной систему самосохранения? Если это так, то тот, кто уничтожил планету номер 13, мог выжить! А вдруг ему удастся поменять режим работы аппарата?

— Даже если и так. Ведь это примитивная планета... примитивный разум... Даже если исполнитель и остался в живых, он не сможет запустить коррекцию участка Вселенной!

Сверкающее лицо над пустыней замолчало, затем голос ответил:

— Смотри же! Если все так, как ты говоришь, мы вскоре не будем больше получать тех ужасных радиопульсов, уничтожающих наш мозг. Посмотрим, что будет вечером.

* * *

— Ну, давай, показывай, что у тебя за «средство».

Они зашли вдвоем во внутренний двор, Олег Тарасович закрыл калитку.

— Да трактор у меня старый, списанный, — сказал он и поправился. — Но техосмотр пройден, все рабочее, только позавчера покрасил, смотри, какой красавец!..

Ростислав Степанович смотрел на машину и думал: «Что-то подобное со мной уже происходило... А потом было что-то страшное. Только где? Когда?»

Но он не мог этого вспомнить, потому что произошедший возврат во времени был необратим. Ростислав Степанович забыл, как своими руками уничтожил все человечество, а затем восстановил его, перепробовав все комбинации рычагов аппарата и отыскав в конце концов нужную.

И он не мог предположить, что где-то очень далеко оттуда, на другой планете, на скале сидит печальный седой старик в рубахе изо льна и удрученно бормочет себе под нос:

— Нет, мы никогда не сможем этого сделать... Мой друг обречен слушать и видеть их жуткие радиосигналы, он больше не будет мне доверять. Кто знал, что землянин сможет войти в режим коррекции... Горе нам, планету номер тринадцать невозможно победить...

А в пустыне перед стариком стоял желтый сверхстратегический пепелац с портретом Ким-Чен-Ира на стене.

Пляски на гаке

Приветливое земное Солнце освещало резное крыльцо дома, пробиваясь сквозь струящиеся на летнем ветерке плети березовых веточек. Его игривые лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, заставляли блаженно щуриться тридцатилетнего космодесантника-штурмовика на пенсии Сашу Котова, или Кота — для друзей-приятелей.

Но Саша щурился скорее по привычке, чем из-за яркого света. Главная причина этого заключалась в злосчастной вспышке взрыва, случайно попавшей в поле зрения десантника Котова, не опустившего во время защитный светофильтр шлема.

На Земле, не дай бог такого, на расстоянии, на каком отряд находился от эпицентра взрыва, парень бы остался зрячим — разве что подлечиться пришлось бы. А вот в красноватой от криптона атмосфере Маркса ядерная вспышка сработала как квантовый усилитель — и сетчатку вместе со зрительным нервом выжгло, словно лазером в упор. Лишь один глаз сохранил процентов десять зрения, второй же напрочь ослеп.

Словосочетание «космодесантник-пенсионер» вместо «космодесантник-штурмовик» ранило Котову душу много сильнее, чем прямой солнечный свет — глаза. Вот и решил бывший убежденный горожанин и профессиональный военный уединиться на родной Земле — в сельской глубинке, где никому ничего надеялся не объяснять.

Сейчас рядом с Котовым на ступенях валялся сломанный подарок братьев по оружию. Вернее, меньший из подарков. Разломанная надвое титановая штанга-удлиннитель злорадно посверкивала на сколе солнечными бликами, в такт раскачиванию березовых ветвей. Погнутые штыри на рабочей части прибора зарылись от страха в грунт у ног пенсионера...

Ребята из штурмового взвода навели его здесь, в свежеприобретенном на выходное пособие деревенском доме в поселке Горки-101, перед своим возвра-

щением из отпуска в район боевых действий, на роковой для своего товарища Маркс. Парни приволокли подарки и просвечивающую зеленым стеклонитовую канистру с марксийской настойкой по прозвищу «тыкилла», рецепт которой сочинили братья-снайперы, как гласила войсковая легенда.

Время чествований и подарков настало после третьей рюмки. Почему после третьей? Да просто ничто так не сокращает жизнь космодесантника, как временной промежуток между первым и вторым наперстками, а не опрокинуть тут же третий за женщин — все равно, что подписать развод со своей второй половиной. Примета такая, верная.

Кот испытал суеверие на себе, — до войны еще, на учениях, — когда при обмывании своих сержантских погон вдруг решил, что новое звание обязывает его стать образцом трезвости среди рядовых штурмовиков. После второго наперстка поднялся он из-за походного стола и отправился звякнуть по служебному визору своей молодой жене, в которой души не чаял и потому безумно по ней скучал.

Вызов высшего приоритета прошел быстро, и на связанном экране появилась спальня, где супружница крутила пируэты с каким-то пожилым марксистом. По крайней мере, на полу валялись красные мужские трусы.

Этого было достаточно, чтобы Котов прервал связь — в обоих смыслах слова. А вскоре Земля объявила войну Марксу.

Сейчас отдохнувшие десантники, поднимая рюмки за здоровье Кота и его вступление в новое гражданское состояние «одиноким пенсионер», обидно посверкивали золотыми фалангами безымянных пальцев. Таковы уж гримасы моды в условиях действия полевого Устава — кольца нельзя носить, а экологически чистые протезы — ради бога. Комвзвода лейтенант Шутхер вытянул из-за спины два свертка, в которых угадывались продолговатые предметы: «Мы тут, Саня, привезли презенты тебе. Подарки — с наме-

Юрий Алексеевич Иванов родился в Москве в 1955 году. В 1977 г. окончил Московский энергетический институт, где был известен как автор нескольких мюзиклов и фантастических рассказов для институтской печати. По образованию физик твердого тела, по специальности работник «мягких» СМИ (телевидение). Первая гонорарная публикация состоялась в газете «Советский воин» в 1981 г. После 25-летнего перерыва вернулся к литературной деятельности, публиковался в сборниках «Отражение», «Мир городов» и других. Финалист нескольких сетевых конкурсов фантастического рассказа.

ком! Верим, что они помогут тебе вступить в тесный огневой контакт с природой и не чувствовать себя, как без напарника... Да хорош вам ржать, — осадил он смешливый рядовой состав. — Так вот, Сань, эти приспособления, можно сказать, антикварные, честно стырены из запасников Музея истории техники. Вещь незаменимая в той одинокой жизни, какую ты решил себе учинить. Этой штуковиной наши предки на Земле пользовались всякий раз. Времени свободного у тебя навалом — разберешься, не спеша, что тут во что вставляется».

И под одобрительный гул парней передал Коту два предмета, очень похожих по форме, но существенно разных по размеру...

Туманный намек, присовокупленный Шутхером к подарку, ясности не добавлял. Сейчас, когда гам мальчишника утонул где-то в глубинах памяти, Котов жалел, что не спросил вовремя, каково, вообще-то, назначение изделий — постеснялся показаться не способным к самостоятельной жизни.

Решив разобраться с презентом, Саша начал благо-разумно с меньшего образца. Разорвав почти на ощупь пластиковую вакуумную упаковку, Котов обнаружил внутри всего две детали, легко стыковавшиеся по взаимодополняемой резьбе. Нащупав без труда ответные части — «папу» на титановой штанге и «маму» на, очевидно, рабочей части, Саша ухмыльнулся. Если в этом традиционном способе соединения двух тел крылся намек Шутхера, то это даже здорово: пожелать таким способом соратнику удачи в личной жизни считалось у космодесантников хорошим тоном.

Котов свинтил две части в одно целое, но вот что дальше делать с конструкцией? Ни разъема подключения, ни выключателя нигде не обнаружилось — даже торец титановой штанги под пластиковым колпачком не содержал ничего внятного помимо отверстия диаметром всего-то с мизинец. И длина тоже не соответствовала никакому из известных Котову предназначений: устройство оканчивалось где-то чуть выше пояса, если поставить его вертикально на землю.

Пока Саша ломал голову, из-за силового забора с голографическим имитатором полупрозрачного штакетника по периметру слышались голоса — женский и детский.

— Здраствуйте, сосе-ед! — позвал от ограды детский голос.

— Спасибо, вы тоже, — буркнул в сторону голосов Саша и проворчал себе под нос: — Только гостей мне не хватало! — Прищурился не совсем слепой глаз, Кот различил за оградой два белых пятна — большое и поменьше. Должно быть, с ребенком находился кто-то из взрослых.

— Доброго дня, — прозвучало грудное сопрано, явно не принадлежавшее никому из тех жителей, кого он научился узнавать по голосу за два месяца своего проживания на новом месте, — вам помощь не требуется?

Прислонив устройство к росшей у крыльца березе, Кот как бы лениво прошествовал к калитке. На самом же деле он при каждом шаге оценивал на ощупь — где там край дорожки с травяным бортиком? Вроде прошел ровно, подумалось ему.

— О какой помощи говорите, любезная? — обратился он лицо к большему белому пятну. — Я ведь молодой и здоровый. И дееспособный вполне.

— Вдлуг вам постилать надо? Или погладить сто-то, — прозвучал детский голос — как с изумлением определил Котов, слева, со стороны большего пятна. Он мотнул недоуменно головой, сосредотачиваясь.

— У меня, милая девочка, — повернулся он всем корпусом к большему пятну, — все гладко постелено, ни морщиночки. — Кот не приврал: любой космодесантник умеет койку застелить по-гвардейски ровно хоть в полной темноте. — А погладить — есть одна вещь! — вспомнил он о парадном мундире, так и не выложенном из дембельских чемоданов. — Только не детское это занятие — гладить такой серьезный предмет. Разве мама твоя погладит мне? — он кивнул вправо, в сторону меньшего пятнышка.

— Пелепутал, пелепутал! — прозвенело слева.

— Да, это не я говорю, а дочка, — смущенно подтвердило сопрано... тоже слева, — у нее врожденная немота. Через ментофон она разговаривает, а он у меня на шее — пока купалась Надюша, я себе повесила. А вы, выходит, совсем ничего не видите?

— Чевой-то я не вижу? Все прекрасно вижу! Вот и платья ваши беленькие, и... вообще.

— Н-да? — проскользнуло лукавство в голосе женщины. — А поподробнее можете? Про «вообще» особенно интересно!

— Ну, там... все у вас как надо, чего еще?! — осерчал Котов, не ожидавший такого коварного экзамена.

— Ой, мамочка, а ты цево покраснела?

— За «как надо» спасибо, конечно, — погрустнела женщина, — но, выходит, вы мне специально скабрзости говорили?

— Сбре... чего?

— Ну, что кровать у вас застелена, что серьезный предмет ваш нуждается в поглаживании...

— Да ничего такого! — возмутился Котов с гвардейским достоинством. — Я о другом совсем! На Земле давно не был — отвык, знаете, от речей заковыристых. Мы, служивые, что видим, про то и говорим прямо...

— Тогда точно врете, что не слепой! — подвела черту женщина.

— Мы же голые совсем, сосе-ед! — пояснил детский альт... уже справа. Видимо, ментофон этот успели перевесить, догадался Котов. — Купались же!

— Да?! — Котов машинально отвернулся и покраснел, как последний марксист. Ему, как горожанину, и в голову не могло прийти, что на селе теперь такая простота нравов! — Простите. Да, плохо вижу, и... Не терплю сопливых сочувствий! — выпалил он неожиданно резко. — Ходят тут разные... — круто, по-строевому развернувшись на пятках, Кот пошел, чуть споткнувшись, к дому. — Соблазняют еще!

– Влун! – слышался в спину детский приговор.

– И горделивый индюк! – добавила женщина.

– А ты... а вы... – Котов задохнулся от возмущения. Незатейливые армейские выражения подступили к горлу, просясь на слух божий, но выдержка и самообладание штурмовика – не пустые слова! Вобрал Саша побольше воздуха в легкие, задержал дыхание на семь секунд и пошел к дому, высоко подняв голову, расправив плечи и излишне уверенно переставляя ноги.

Тут-то, у березы, и случился конфуз.

Такой подлости от подарка Котов не ожидал! Точнехонько туда, куда не надо бы, пришелся парализующий, подобно разряду марсианского пустынного скаута, хлесткий удар. Ответная реакция была отработана до автоматизма – отбить голенью, повалить коленом, добить пяткой! И... лишь потом – присесть и зашипеть от боли.

Теперь сломанный прибор побуждал к одному – выбросить его и попытаться разобраться с его большим собратом...

Решительно задушив в себе досаду, Котов прощупал пластиковую упаковку, но ничего напоминающего кристалл с «Инструкцией по применению» не нащупал. «Вот ведь, незадача какая!» – подумал он, смятая ставшую ненужной оболочку в комок минимального размера. Но тут доселе незнакомые рудименты тактильного зрения подсказали ему, что есть в пакете еще что-то плоское и мягкое. Пошарив повнимательней внутри него, он с изумлением вытащил листок... бумаги, по нынешним экологически суровым временам – сущего раритета. «Неужели это Инструкция? – ужаснулся Саша. – Сколько же тогда стоит то, что я сломал?»

Понятно, что с таким зрением и нечего было помышлять – прочесть хоть что-то! И потащился Котов в дом – искать, где там в дощатую стену кабинета вмонтирован домашний Секретарь? Потратив минут десять на поиски умного помощника и еще столько же – на его включение, подал, наконец, Саша первую команду:

– Сканировать текст!

Из стены выехал приемник сканера для вложения исходного материала. После он попросил Секретаря прочитать вслух отсканированное, что тот и проделал нудным, насморочным голосом «книжного червя»:

– Инструкция. Поздравляем, вы сделали правильный выбор, приобретя гаке в корпорации «Лефортово Лимитед». Наслаждайтесь! Наше гаке предназначено для ежедневного использования, но при этом никогда не сломается...

– Пауза! – рявкнул Котов на Секретаря, как на рядового-недоумка, не усвоившего за полгода «учебки», что не следует смотреть в оружейное дуло, чтобы выяснить, почему из него не вылетает снаряд. – Это что за гаке такое?!

– Термин неизвестен. В словарях русского языка всех времен и народов слово не содержится. Продолжить чтение?

– Продолжай, – буркнул Котов, но передумал, – Что значит, «никогда не сломается»? Я его только что пополам переломил!

– Ответ невозможен. Нельзя сломать неизвестно что. Известный предмет всегда можно сломать...

– ...особенно сдуру, – проворчал Саша.

– ...особенно – не ознакомившись с Инструкцией по применению предмета. Продолжить чтение? – м-да, Секретарь Котову достался хамоватый и явно напрашивался, чтобы разделить участь малого гаке, чтоб его!

– Валяй! – Кот откинулся в кресле, слепо уставившись в потолок.

– Наш гаке легко удовлетворит природные потребности независимо от Вашего вероисповедания и сексуальной ориентации. Если вы никогда прежде не имели гаке, прочтите раздел «Начинающему пользователю», – электронный изувер сделал паузу, давая возможность хозяину решить, новичок ли тот в обращении с «неизвестно чем» или же, чего доброго, целый суперюзер. – Раздел «Начинающему пользователю». Поздравляем, вы сделали правильный выбор, приобретя свой первый гаке в корпорации «Лефортово Лимитед». Наслаждайтесь! – Саша утробно зарычал, но Секретарь, не знакомый еще с характером Котова, продолжал нудить: – Наши гаке выпускаются в двух модификациях: «детское гаке» и «гаке для взрослых». Будьте осторожны! Детские гаке весьма опасны для взрослого мужчины ...

– Об этом, блин, предупреждать надо! – не выдержал Саша гнусавого цинизма Секретаря, и холодок воспоминания от яркого ощущения пронзил его только что отболевшее пораженное место.

– Присвоить Секретарю имя «Блин»? – невозмутимо отреагировал нахальный искусственный интеллект.

– Не-е, – Саша призадумался, – я так часто выражаюсь, когда злюсь. А тут – еще ты станешь встревать со своими комментариями! На третий раз не выдержи да и порешу тебя, изверг... О! Изверг – подходящее имя. Так и называйся, хе-хе.

– Принято. Изверг предупреждает хозяина: детские гаке весьма опасны для взрос...

– Нет, ты не изверг, ты еще хуже! – вскипел Саша. – Следующее предложение читай!

– Аналогично, гаке для взрослых, ввиду его больших размеров и веса, может травмировать психику ребенка, порождая стойкую неприязнь к возвратно-поступательным движениям, которые взрослый человек сделал бы с легкостью и наслаждением...

– Стоп! Поподробнее давай про это. Ну – про движения, – Саше не терпелось узнать, что все-таки за диковину подарили боевые товарищи.

– Принято. Раздел «Как использовать гаке». Поздравляем, вы сделали правильный выбор... – Изверг надменно проигнорировал Сашин рык, прорвавшийся горлом. – Для приведения гаке в рабочее состояние соедините собственно гаке со штангой-удлинителем. Эта несложная операция также подготовит вас психологически к началу возвратно-поступательных движений

при использовании гаке по прямому назначению, — тут Секретарь сделал настолько продолжительную паузу, что Котов не выдержал:

— Это что — ВСЕ?!!

— Еще есть два предостережения. Первое: «Внимание! Если вы раздражены, в первую очередь убедитесь, что гаке помещено в место постоянного хранения». — Изверг подождал, давая возможность Котову поскрежетать зубами по поводу трагично закончившегося разговора с недавними гостями. — И второе: «Категорически запрещается использовать гаке не по назначению».

— Это писал какой-то идиот! А ну-ка, — призрачная тень надежды посетила Сашино сознание, — что там есть для опытных пользователей?

— Раздел «Опытному пользователю». Поздравляем...

— Спасибо, блин... В смысле — Изверг. По существу там — что?! — Котов сорвался на крик.

— Если это гаке у вас не первое, то вы — опытный пользователь и знаете, как собирать гаке и обращаться с ним, а также усвоили все наши предостережения на собственном опыте. Конец текста, — после недолгого молчания, во время которого Изверг соизволил сравнить отсканированный текст с зачитанным вслух, у него нашлась для хозяина еще пара теплых фраз. — Есть сноски мелким шрифтом. «Если у вас нет сил для выполнения возвратно-поступательных движений, передайте гаке специальному роботу, которого вы можете приобрести в корпорации «Лефортово Лимитед» со скидкой». И еще: «При разработке этой Инструкции не погибло ни одно живое существо».

— Очень смешно, ха-ха! «Ни одно живое», говоришь, да?! — ярость выходила из Саши криком. Пока — криком. — А сейчас погибнет неживое существо, — его голос мрачно завибрировал, предвещая неприятности каждому, кто мог его слышать. Единственным «каждым» оказался, понятно, Секретарь. — И погибнет оно при чтении Инструкции! За того парня, который ее разработал!!

— Тут еще дата есть, — вяло отреагировал Изверг, — две тысячи сто первый год. «Тот парень» уже скончался — больше двух столетий тому назад.

— Он не скончался, Изверг, нет, — судя по тому, как медленно и мрачно отвечал Кот, он готовил себя к акту возмездия, — его зверски убили пользователи гаке. С наслаждением. Возвратно-поступательными движениями...

Секретарь-Изверг печально походил характером на вторую жену Котова — Свету, дочку Земного министра по управлению качеством. Какие мистические кнопки-рычажки нажимали в министерстве, управляя этой незримой субстанцией, Саша даже не пытался себе представить. Но совсем странным показалось ему то, что министр качества — поборник брака.

Совсем Котовым не предполагаемый как тесть, строгий папа как-то застучал их со Светой в постели. «Товарные качества дочурки крепко пострадали из-за

тебя, подрывник неприступных крепостей! — взглянув на петлицы скинутого на стул Котова мундира, пояснил министр свое требование немедленно жениться на Светлане. И добавил: — Качественно подорвал, однако. Светка даже «Здравствуй, папа» сказала! А то месяцами — ни словечка. Женись, охальник, не то засужу и засажу!» Куда засадит министр, Кот решил не уточнять и наутро плюнул в регистратор в загсе, подтверждая молекулами своей ДНК намерение сливаться со Светкиными молекулами на законных основаниях.

Созванивались молодожены часто — у супруги обнаружилась затейливая комбинация неиссякаемой потребности в общении с летаргическим темпом речи. Изливала она Саше все дневные новости по вечерам (когда совпадали времена суток на Земле и на Марксе) — одной бесконечной автоматной очередью ну очень неторопливых выстрелов. Светлана с одной и той же интонацией нудила по визору что про коварство марксиан (педантично следуя правилам русского языка и принципиально не называя их марксистами), что про свои пылкие чувства к Котову (и правда, горяча была Светка, когда любовь свою вершила — молча и размеренно, тоже из принципа).

Через полгода боевых действий, когда уж отпуск замаячил со всей непреодолимой привлекательностью, случилось страшное. Вечером — только приняли штурмовики по первому вечернему зеленому наперстку — прозвучал срочный вызов: Котова затребовали в штабной кунг. Как ни пытались парни влить в Сашу хотя бы второй наперсток, он только отмахнулся и убежал. Комвзвода Шутхер встретил Котова на подступах к штабу и по-отечески похлопал по плечу: «Крепись, сержант. Пойдем, ждут». И повел десантника внутрь. Комбат по-дедовски молча похлопал Котова по другому плечу и провел к столу комполка, склонившегося над экраном планшета. Полковник распрямился, расправил плечи и... врезал Котову совсем не прадедовский подзатыльник!

— Ты что ж это творишь, сукин кот?! — полкан так брызгал слюной, изображая праведный гнев, что Кот даже не задумался, в каком же это смысле он вдруг стал сукиным? — Так опозорить семью Земного министра! И это — в разгар священной войны за правое слово... то есть — дело.

Оговорку командиру следовало простить: официально, в основе конфликта Земли и Маркса лежало противоборство двух идеологий, принципы которых выражались, вообще-то, одними и теми же словами. Да-да! Основополагающим, высокодуховным и единственно верным лозунгом земного общественного устройства служила формула «деньги-товар-деньги». А девиз марксистов «товар-деньги-товар» — мало того, что был бездуховен и приземлен, вдобавок призывал к мещанству и стяжательству. Казалось бы, всего лишь — перестановка слов. Целая война разгорелась... в очередной раз.

— Как это — опозорил? — промямлил штурмовик.

— Будто не знаешь? Вот, читай, — открыл полковник на дисплее зашифрованное письмо Совмина. Котов

заскользил тогда еще зоркими глазами по абракадабре текста, по ходу расшифровывая его заложенным в подсознание секретным ключом для младшего состава.

«Доводим до сведения... Ваш подчиненный сержант Котов... заразил родственницу министра качества... аполитичной болезнью... автоматическое расторжение брака... несмыаемый позор... кровью, до последней капли!» Такая выжимка из объемистого текста навсегда отложилась в Котовой памяти.

— Какой такой аполитичной болезнью? Ничего не понимаю!

— Не прикидывайся, Котов! Сам знаешь, с кем мы воюем. Не дошло? Ладно, поясню. Трудно произнести это слово, но... Короче, краснухой заболела твоя Света, вот как! Как предатель земных интересов и пособница краснорожих будто. От тебя, вестимо, заразилась. Чай, муж ты ей... был.

— Так я же полгода с ней не виделся! Как это?..

— Супруги всегда в духовной связи находятся, помнишь? Подолгу вы с ней болтали по гиперсвязи — факт известный. Вот — и наваяло ей от тебя. Только не надо мне про бактерии заливать! Болезнь имеет ярко выраженную политическую окраску. Да и откуда тебе знать, как краснуха передается? Ее уж два века, как вывели под корень. В общем, иди, смывай кровью. Чтoб в автрашнем бою уже смыл! Потом доложишь.

— До последней капли? — понурил голову сержант.

— До какой же еще, сукин ты кот? — усмехнулся командир. — Образно выражаясь, любая капля может стать последней — что первая, что сотая. Считать не стану. Шагом — марш!

И Котов пошел. И смыл. Вместе с глазом. И поклялся век себе не прощать, что второй и третий наперстки пропустил...

Вот так жуткое неуважение к приметам обернулось для Саши трагедией: ни здоровья, ни работы, ни жены. Хорошо, жив остался! Или — плохо?

Хорошо ли, плохо ли, а жить Саше хотелось — всеми органами чувств, которые не пострадали при взрыве. Конечно, зрение бы не помешало! Ведь и любовь, по жизни дважды обманувшая ожидания Котова, оба раза начиналась с первого взгляда. «Да, мужик любит глазами — еще пращурьы заметили. А чем без них любить станешь? В смысле — влюбляться, любить-то — не проблема», — размышлял Саша, отдыхая на крыльце после колки дров.

Как может колоть дрова слепой? Да очень просто: внутренним зрением запоминаешь, куда поставил полено, заносишь топор и — бьешь по четко выверенной траектории! Ну да, и не каждый зрячий справится с такой непростой работой. Но для космодесантника, прошедшего курс бесконтактного боя, задача вполне посильная — вроде упражнения по поимке черной кошки в темной комнате, даже проще. Ведь «кошка», то есть полено — не шныряет по углам, а тихо ждет, когда «папа Карло», то есть Кот, располовинит его в

соответствии с мысленным представлением об идеальной чурке.

— Бракoньерничаете, сосед? — слава богу, не под руку донеслось от калитки знакомое сопрано. Приятное сопрано — отметил про себя Саша. А слово — неприятное, напомнившее о браколюбивом министре и молчаливо нагулявшей краснуху Свете.

Само по себе замечание справедливое: по закону об озеленении, гражданам запрещалось жечь драгоценную древесину в печах. Однако Котову, как пенсионеру, гарантировалось бесплатное отопление. Угля на планете осталось катастрофически мало, и, вдобавок, его сожжение каралось по закону об экологии. Домашнюю термоядерную установку одиноким слепым гражданам иметь запрещалось. Оставалось еще электричество, но почему-то именно в Горках-101 энергетик вредничал и не разрешал подвод дополнительных мощностей в частные дома. В результате, к Котову забору подъехал самосвал и вывалил гору ольховых кругляков: вот вам, слепой ветеран и бывший защитник отечества, от щедрот местной администрации!

— Вы чем-то другим обогреваться собираетесь?! — огрызнулся Саша, плохо представляя себе, как станет в одиночку преодолевать лютый десятиградусный мороз.

— Угадали. Изнутри греемся тоже, — игриво заметила женщина. — Не ты-киллой, конечно, как некоторые обеспеченные граждане. Подручным материалом пользуюсь.

— Откуда про ты-киллу знаете?! — изумился бывший штурмовик. — Это же очень ограниченному кругу известный рецепт.

— Вот именно — «ограниченному». Поверхностью Маркса. Мой бывший муж, снайпер, рассказал как-то. Когда жив был, — будто горечь подмешали в чистый горный поток — так внезапно исказился женский голос.

— Так что же вы раньше-то не сказали! — вскинулся Саша со ступенек и почти побежал к калитке, чудом не упав. — Заходите, прошу, — он нажал на браслете кнопку снятия силовой защиты, и голограмма калитки исчезла вместе с полем. — Почту за честь принять вдову снайпера, — внезапно припомнились ему правила армейского этикета.

Большое расплывчатое пятно голубоватого оттенка приблизилось к нему нерешительно, помедлив несколько секунд. Приятно пахло какими-то цветами. Сашины ноздри невольно разошлись, вбирая запах.

— Это гладиолусы. Срезала вот. Много их этим августом распустилось, — женщина, судя по голосу, вдруг оробела — подбирала слова.

— Гладиолухи?! — отпрянул Саша, помня по Марксу, что только олухи гладят это кактусовидное растение, на колючках которого концентрировалась столь большая доза специфического парализующего вещества, что уколотившийся боец впадал в многодневную кому.

— Не-ет, — расцвел улыбкой женский голос, — не «олухи», а «олусы». Земной цветок. Безвредный. Давайте, я их в вазу какую-нибудь поставлю? Или в кув-

шин. Будет запах во всем доме — мягкий, не докучливый. Запомнили — глади-олусы?

— От слова «гладить»? — спросил Саша и ужаснулся своей оплошности, припомнив давешний конфуз с внезапной игрой слов. — Собственно, я вчера имел в виду свою парадную форму, — смутился он, — а не то, что вы подумали.

— Слушайте, Саша, ведь вас Сашей зовут? А я Оля.

— Очень приятно.

— Ну, это мы еще посмотрим, — теперь уже буркнула Оля. — Так вот, Саша, почему-то мужчины считают, что знают, о чем думает женщина. Вранье! Даже сама женщина не всегда это знает. Если она вообще думает.

— А как же это — совсем не думать?

— Да так — чувствовать. Всеми органами, что есть. Запахи, вкусы, прикосновения. И этим жить.

— Звуки еще, — добавил Саша.

— Не надо о грустном, — помрачнел Олин голос, — я ведь глухая. Ну да, вы же не видите мой слуховой аппарат — откуда вам знать?

— Простите... — Саша замялся, — знаете что? Пойдемте в дом! Я вас чаем напою, а вы мне про мужа вашего расскажете? И глади... цветы эти пристроим заодно!

— Хорошо. Только давайте я вас под руку возьму, как будто...

— Будто я не слепой?

— Будто я не напросилась к вам в гости.

Войны в эпоху галактического гуманизма — процессы затяжные и завершались победой землян не вдвуг. Но побеждала непременно Земля! По одной простой причине: земной принцип «деньги-товар-деньги» самый верный! Даже в Библии говорится: «Сначала было слово», то есть нематериальное начало. И деньги — тоже нематериальны, чем бы они ни выражались, — купюрами, монетами или электронной комбинацией цифр банковского счета.

Ну, какое тут, к дьяволу, мирное сосуществование с материалистами краснозадыми, для которых вещи — цель, а не промежуточная форма достижения истины?! Чистой воды антагонизм и противоборство систем! Нет, смертный бой вели земные космические силы — за идею и вообще...

Насчет смертного, однако, сильно сказано. Нет, конечно, были на войне и такие случаи, но не часто: не больше гибло служивых, чем случалось за год на Земле утопленников или пьяных отморожков, пришибленных выхлопами гражданских гравипланов. За шесть лет боев погибло четверо землян, и то — по неосторожности либо по тупости составителей инструкций. Грубые нарушения Наставлений по вооружению, понятно, решительно замалчивались, и погибших посмертно возводили в Герои Нации. Вот Котов, к примеру, пострадал из-за противоборства в сержантском сознании двух руководящих документов — по подрывному делу и по бережному отношению к обмундированию. Ну да, за сгоревшие сапоги сержанту не влетело. А глаза... да что теперь говорить?..

Вот если бы война велась, как в старые добрые времена — люди против людей — тогда да, поубивали немало народу! А так — гуманный бой, в соответствии с галактической конвенцией. То бишь атакующая армия людей-землян сражалась с интеллектуальной оборонительной киберсистемой марксистов на южном полюсе Маркса. В свою очередь, земная наступательная интел-система воевала против живой армии обороняющихся марксистов — на северном. Что до места ведения баталлий, так Маркс сам напросился на конфликт. Потому-то на его полюсах и бьются армии. Объяви он войну первым, пришлось бы на земной территории сражаться. Не на самой матушке, ясный день, — Луну бы месить начали. Или Венеру. Только кому это нужно — в скафандрах годами париться?! Да и атмосфера — тоже защищает как-никак.

Не надо быть семи пядей в любой кости (хоть в тазовой, хоть, напротив, в лобной), чтоб понять, что средства защиты людей были совершенными. Иначе — не война, а массовое самоубийство получилось бы. Что в наше гуманное время — полный абсурд!

С такой вот жизненной позицией, заложенной со школьной скамьи, Котов вырос, воевал и отправился доживать свой инвалидный век. Да и могло ли быть иначе? В уверенности, что и Оля придерживается тех же убеждений, завел он за чаем тему воспоминаний о войне.

— Говорите, муж-снайпер? Расскажите о нем! Может, встречались мы с ним на южном-то полюсе?

— Нет, Саша, не встречались вы. Определенно. А рассказать — что женщина может поведать интересного? Как встретились, женились, любили? Так это чувствовать надо, словами не передашь! Да и не умею я рассказывать. Вот муж мой, Толя, умел! Заслушивалась я его речью! Женщины ведь ушами любят — знаете такое выражение? А как пел, какие стихи читал! Стихи — это такие рифмованные строчки — может, слышали?

— Да, нас в учебке познакомили с идеологическим оружием противника, — слегка напрягся Котов.

— Родилась я здесь, неподалеку, в Горках-33. Выучилась на флориста, диплом по икебанае защитила. Толя подошел к моей экспозиции на выставке — веселый, шумный. Шутил, придумал моим букетам смешные названия и — я не видела, как — записал их прямо на стенде фломастером. А на следующий день — будто вся выставка собралась вокруг моих цветов! Народ толпился, смеялся, все старались выдумать еще какие-то веселые названия, но, как у Толи, конечно, ни у кого не получалось...

А потом пришли люди в серых костюмах, разогнали толпу, закрыли мой стенд. Допытывались, кто устроил провокацию. Я не созналась, хотя какое мне было дело до случайного посетителя? Кончилось все высылкой на Маркс, где я случайно и встретила Толю вновь. Да-да, Саша, мой бывший муж — марксианин, снайпер с северного театра военных действий. Оттого-то вы с ним никак не могли встретиться на южном полюсе. И потому я засомневалась, что вам будет приятно знакомство со мной.

— М-да, — Котов помрачнел, подумывая, не выгнать ли непрошенную гостью восвояси, — и что же?

— А то, что призвали его из резерва в первый день войны, а на второй он погиб, — Оля закрыла лицо руками, но, поняв, что Котов не видит ее слез, а по всхлипам так и так поймет, что она плачет, просто замолчала и промокнула глаза платком.

— Как это произошло? — нарушил Саша молчание спустя пару минут. — Ведь смерть на войне — нечастая гостья. Единичные случаи. Вам не рассказали подробности?

— А мне и рассказывать не надо было. На моих глазах все произошло. Именно так, — Оля поняла недоуменное выражение Котова лица, — я провожала его в цирк боевых действий, у восьмидесятой параллели. Ждала уже Надюшку, на четвертом месяце ходила. Только выехал за шлагбаум его бронеджип, как садануло ракетой с... земного интел-штурмовика, — Котово подумалось, что она скажет «вашего», а Оля поймала себя на мысли, что хотела сказать «нашего».

— Как так? Интел-системы не ошибаются! — удивился отставной гвардии подрывник.

— Если б они не ошибались! В том редчайшем случае с Толей — ошибся и компьютер бронеджипа, не включивший защиту, и комп штурмовика, неверно определивший координаты цели — до «восьмидесятки» оставалось еще полкилометра. — Котов и сам помнил, что огонь ведется только внутри цирка — огромной территории, но с точно определенными границами.

— А вы? Вас не задело?

— Еще как! Сильнейшая контузия, необратимая потеря слуха. Надюшка родилась абсолютно немой, не пискнула ни разу с рождения. Думаю, из солидарности с маминной глухотой решила не разговаривать. Только ментофон и выручает. Кстати он исправен, просто у Нади так идет становление речи.

Военные дипломаты три года решали мой вопрос. И только когда Земля окончательно взяла на себя ответственность за потерю здоровья у двух мирных гражданок, нас приняли назад, на родную планету и поселили в этом лагере открытого типа.

— В каком еще лагере? — Котов просто-таки обалдел от обилия информации, не укладывающейся в его представление о мироустройстве, и заподозрил, что Оля спецгент и искусно обрабатывает его. Или шутит так.

— Горки-101. Неблагонадежных испокон веков селяли подальше от столицы, за сто первый километр. Ну да, это же «измышления коварных марксистов»! Вряд ли вы поверите этому, Саша. Хотя, постойте... вас ведь тоже сюда упрятали! За что, не знаете ли?

— Да бросьте вы! Меня — гвардейца, героя, инвалида — и упрятали?! Не смешите! — вскипел Котов, а сознание невольно начало перебирать ключевые события его жизни: измена первой жены с марксистом, надуманная «вина» за Светкину краснуху, туманные слухи о причинах гибели в цирке войны и замалчивание случаев ошибок интел-систем. Все складывалось в простой и ясный узор. Нет, не агент Оля: слишком тра-

гична ее судьба. Слишком точно ложится и биография Котова на совсем другое представление о действительности!

— Послушайте, но если все так, как вы рассказали, — потер он заломившие от умственных усилий виски, — то марксисты — такие же люди, как мы? Стихи, говорите, красивые у них в ходу. Лучшие шутки — тоже у них. За что же мы их ненавидим тогда?

— Ну, у меня-то такого чувства нет, — Оля допила свой чай, — за это сюда и выслана. А война... Знаете, когда стало ясно, что, кроме людей, в космосе нет другой разумной жизни, когда только на двух планетах в доступной части галактики есть условия для существования человечества, невольно встал вопрос: «А с кем будем воевать?» То есть когда нет даже вероятного противника, то неясно, к чему готовиться, в какую сторону развиваться.

— А это обязательно — воевать?

— Пока история отвечает на этот вопрос утвердительно. Это большая удача, что третья планета Хи Стрельца — этот Маг-Х — оказалась пригодной к заселению людьми. Тогда и возникло хоть какое-то противостояние навсегда объединившейся Земли и кого-то еще. Иначе люди бы деградировали, как бывало не раз в истории, когда империи не видели себе соперника и гнили изнутри. Те же киви, только в профиль, как говорили предки.

— И проблеме решили, придумав галактическое право и борьбу двух систем? Вам не кажется, что это слишком цинично и лицемерно?

— Когда кажется, что надо делать? Нет, не креститься, — ответила Оля, заметив, как Котов сложил пальцы в двуперстие, — надо пробовать! Вот люди и пробуют сами себя на прочность — в тех понятиях и рамках, чтобы не вымереть совсем, но не дать себе расслабиться. Если нет внешнего врага, надо выдумать его внутри системы. Не я придумала.

Осень жизни подкрадывается за делами и заботами незаметно, один только раз и, поначалу кажется, не слишком убедительно. Осень же природы замечается сразу: по приметам, неизменно повторяющимся каждый год. И роднит их одно — стаи, в которые сбиваются птицы и люди.

Оле и Саше до осени жизни было, по всему, не близко. Но в сентябре тяга к общению за чаем незаметно переросла в иную простодушную потребность, и пришла пора проверить еще кое-какие приметы. Например, что устами ребенка глаголет истина — хоть бы и через картавящий ментофон.

— Ну, сто, узе позенились? — Надюшка ворвалась в дом неожиданно, потому что Котов перестал запирает силовую калитку и вообще подумывал отключить «забор». — Или я вам помесала?

— Конечно, помесала, — шутливо возмутилась Оля, — мы только собрались жениться, а тут ты! Да, Саш?

— Ну... это... в общем — да, — Саша не решался на серьезные отношения, памятуя о двух неудачных попыт-

ках: навязчивая тень марксизма будто поджидала его на каждом жизненном повороте. И Оля, казалось ему, несла в себе ту же призрачную опасность. Но — дивный голос, чуткое внимание, неиссякаемый запах гладиолусов!

— Тогда вот что, Надь, — одержав маленькую победу над Котовой осторожностью, Оля призадумалась, оглядывая гостиную, — иди, погуляй во дворе, пока мы тут поженимся, — игривость в Олином голосе пронзила Котова сладким предчувствием от самой чакры Сахасрары, что на темечке, до кончика большого пальца левой ноги. — Саш, что там за сверток у тебя в углу?

— Подарок. Гаке для взрослых. Только не спрашивай, что это такое — даже зануда Изверг не знает, хм... то есть не знал, — Саша угловато пожал плечами, не то сожалея о погибшем Секретаре, не то в очередной раз заключая, что дурацкие инструкции чреватые самыми трагическими последствиями.

— Ну, это мы сейчас быстро выясним! Надюш, тащи-ка сюда это... как его там...

— Осторожно, у девочки может развиться неприязнь к возвратно-поступательным движениям! — серьезно предостерег Саша.

— Ничего, не разовьется. У тебя, надеюсь, этого не случилось? — продолжила Оля свое наступление на Котовы бастионы. Она легко освободила странный прибор от упаковки. — О, тут и инструкция есть. Да еще на бумаге отпечатана! Непростой гаке нам попался, однако. Так, читаем, — несколько секунд Оля не подавала ни звука, а потом начала трястись от смеха, — иди, Н-надюшка, п-поработай в-во дворе вот этим... г-гаке!

— Что? — Котов всполошился не на шутку. — Что это такое?!

— Это символ... твоей боязни ошибиться еще раз, — судя по ее жизненному опыту, Ольга понимала причину Котовой осторожности чисто по-женски, не допуская, что политика, пусть и галактического масштаба, может повлиять на чувства. — Вот ты скажи, — продолжила она, когда девочка выбежала во двор и замурлыкала какую-то песенку, — разве мы не пара?

— Мужчина, не способный любить глазами...

— И женщина, не способная любить ушами...

— Ты можешь! Не без помощи техники, но все же...

— Клянусь, я буду снимать слуховой аппарат, когда...

— Зачем?

— А чтобы наравне, без ущербности чувствовать друг друга. Я буду за тебя смотреть, ты — слышать за меня. И чтоб еще по три одинаковых чувства каждому!

— Это обоняние, осязание, вкус?

— Да. С какого начнем? — лукавство в ее голосе доводило стойкого штурмовика до иступления.

— Погоди. А гаке — что с ним? И вообще — для чего эта штуковина нужна?! — предпринял Саша последнее и решительное отступление на шаткие позиции непонимания.

— А нужна эта штука... — без труда распознав Котову уловку, Оля заговорила нараспев, будто сказку неразумному Сашке рассказывала, — чтобы про-обовать. Мно-ого раз. Пока не умрем. Это ведь наш исконный образ жизни — пляски на... гаке. И в быту, и на войне то ж. Твои сослуживцы как раз и намекали подарком: мол, про-обуй Саша, пробуй еще, не сдавайся!

Котов непонимающе помотал головой.

— А зачем две штуки? Я и с одним-то не справился.

— Так не для тебя они, нам предназначались — чтоб мы жизнь твою сделали чище и веселей. Гаке для взрослых — мне, для нашего ребенка — детский, починить бы его, кстати.

Ничего веселого в общении с гаке Саша не усматривал. Оттого мысли его совсем запутались. Допустим, рассуждал он, одна жизненная неудача — случайность, две — совпадение, три — уже диагноз. А с диагнозом неудачника жить даже страшнее, чем без зрения. Предположим, ребята были так уверены, что с третьей попытки у Котова, наконец, появится такая верная спутница жизни, которой не боязно доверить даже раритетный девайс. Но как они догадались про ребенка? Ведь при его слепоте... впрочем, производить детей можно и втемную. Но, все равно — при чем тут гаке?

— И никакое это не гаке, а английское rake, — вконец огорошила его Ольга. — Коммерсанты наши в прошлом сто раз переводили инструкцию с языка на язык, то экспортируя наш товар за границу, то импортируя обратно. Приклеился термин. Ну, догадался?

Саша не знал английского совсем. Только русский и немного знакомый по «учебке» вражеский немецкий, на котором предпочитали разговаривать самые ортодоксальные марксисты. Пришлось ему снова признаться в невежестве.

— В таком случае, призовем на помощь наши чувства. Посмотри вон, — мягко повернула Оля Сашину голову к окну, положила сзади руки на плечи, поцеловала в коротко стриженную макушку, — что твоя будущая дочь делает?

За стеклом Котову смутно привиделся расплывчатый Надюшкин силуэт, неспешно плывущий по-над газоном в звонкой истоме бабьего лета. Саша сосредоточился, призвал на помощь верное внутреннее зрение. Затем прислушался к доносившимся звукам, к песне, звучащей детским голосом сквозь картавящий аппарат:

Уз как я сплясу с тобо-ой... ой!

Так и ты спля-асы со мной-о-ой...

Мы стали, да ладненьки...

Залезались глабельки-и!

Дык давай листок лезной

Поглебею лазок-длуго-ой.

И не мог видеть Котов, а вот увиделось ему, как сгребает Надюшка шуршащую прожелть березовую, слетевшую вокруг крыльца вестником осени. Увиделось, и все тут.

Установщик дверей

Надо мной летит самолет.
И сыплются с неба замерзшие капли.
А я выхожу из парадного, полный новых надежд.
Я — установщик дверей.

Такой песни нет, но могла бы быть. Уже неделю рефрен крутится в голове, а значит, есть вероятность выплывать нечто цельное.

Сегодня счастливый день. Он похож на другие, но так же на них не похож.

Я беру чемоданчик из легкого серого пластика, спускаюсь в гараж, завожу свой служебный мобиль ЭР-35. Включил зажигание, сцепление в пол, первая, газ, я в пути.

Меня ждет заказ — девушка двадцати пяти.

По видеофону со мной говорила пухленькая блондинка с испуганным взглядом, совсем не умеющая пользоваться косметикой. Одинокая, неуверенная в себе. Симпатичная, но не знающая об этом, потому что никто никогда не говорил ей такого.

Сверяюсь с план-схемой города. Улица Красильщиков, дом восемнадцать, первый подъезд, левые лифты, третий этаж, двадцать вторая квартира. «Однушка», конечно. Ехать недалеко: мост к институту налево, потом первый дом напротив.

Она журналистка в местной газетке, не замужем, кот, окна с видом на пруд.

Ей нужна дверь.

Утром в почте лежало письмо. Неожиданное и приятное.

«Здравствуйте, Константин Матвеев!

Колледж Практической Психологии приглашает Вас на встречу выпускников, посвященную десятилетию окончания. Вечер пройдет в кафе «Ризотто», 24.05... г.

Г. Краснохолмск.

С уважением: староста потока Бабер Н.».

Я даже не помню, кто такой Бабер — он или она. И всех этих гребаных психологов не видел бы лет еще сто. Но трое из них: Юрик, Михан, Виолетта — друзья, музыканты. Вот их бы я с радостью обнял.

Мобиль, словно чуя дорогу и слившись с асфальтом, несет меня к дому печальной блондинки двадцати пяти лет. Пухленькой девушки Ксюши. Я еду придать ей уверенности. Я установщик дверей.

Психологи — странное племя. Самое беззащитное среди социально адаптированных. Самое неадаптированное из защищенных от мира.

Юрик всегда был боссом — у него это от рождения. Щуплый, с пронзительным взглядом, цепкий и умный, и обаятельный, черт. Ему подчинялись, его всегда слушали, даже когда он молот полную чушь. Нравился девушкам, но никогда не влюблялся. Чувствовал: из чего может выйти дело, а за что браться не стоит. Сейчас у него своя клиника с маленьким, но незаменимым штатом.

Михан — добродушный и честный, верный друг, замечательный парень. Ему всегда доверяли, ему открывались, перед ним выворачивали душу. Он простой аналитик в диспансере, но как же его обожают! Уверен: он всем доволен.

Виолетта, Витка наша. Красавица, классная девчонка. Горячая как огонь, но всегда рассудительная. Как будто внутри у нее — дозатор. Ничего лишнего. В меру страсти. В меру расчета. В меру безумства. Сейчас она семейный психотерапевт с неплохим доходом. Ее возят шоферы клиентов.

Подъезжаю к парадному, домофон консьержки оживает.

— Вы к кому?

— Полуэктова Ксения, вызов оформлен.

— Проходите.

Вхожу в лифт. Лифты я не люблю, мне там становится душно, пусто и дико. И даже страшно. Будто я — часть замкнутой конструкции, которой не суждено открыться.

На площадке меня ждет уже Ксения. В белой футболке ниже колен и розовых шлепанцах за сто пятьдесят рублей. И с чего я решил, что она блондинка? Русые во-

Марина Владимировна Дробкова родилась в Твери в 1975 г. Окончила Медицинскую академию. Живет в г. Зеленограде, работает внутренним рецензентом в издательстве.

Писать начала с детства, серьезно занялась литературой с 2005 года.

Активная участница сетевых конкурсов, неоднократно занимала призовые места.

Есть публикации рассказов в журналах «Безымянная звезда», «РБЖ-азимут», «Веси», «Шалтай-болтай», «Чайка» и газете «Наша Канада», в сборнике издательства «Вече».

лосы сплетены в тугую косу, она ниспадает на пышную грудь.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

— Здравствуйте, Ксения.

В прихожей горит запыленная лампочка без абажура.

— Не разувайтесь!

Киваю и спрашиваю:

— Где будем устанавливать?

— Сюда, сюда, пожалуйста, — девушка суетится, даже смущается, внезапно поняв, что оделась слишком просто. А могла бы облачиться в новый желтый костюмчик и туфли.

Прохожу за ней в комнату: столик, два кресла, диван-еврокнижка, «фанерный» шкаф-купе. И большая кладовка с обшарпанной дверью.

— Вот...

Краснеет, теряется, ждет моих действий, жадно следит за руками. Глупая девочка.

Аккуратно снимаю дверь с петель, замеряю проем. На это уходит пять минут. На саму установку уйдет еще пять, а на вызов положено тридцать.

— Может быть, кофе?

Голос срывается, но — решила, надо же. Собственно, почему бы и нет.

— У меня аллергия на кофеин.

Подхожу к ней вплотную, слегка обнимаю за талию. Это не наглость, не бесцеремонность. Простая уверенность, что она именно этого ждет. А грудь у нее упругая, словно резиновый мяч...

...Ксюша размякла и спит.

Поднимаюсь с дивана, достаю из чемоданчика пульверизатор. Провожу по периметру косяка: слева, по притолоке, справа, в пяти сантиметрах от пола. Рамка из пены стального цвета. Теперь из угла в угол, а затем вертикально сверху вниз. Жгуты натянулись, как струны. Это каркас.

Здесь будет новая дверь.

Распечатываю пакетик с пленкой. Она очень тонкая, непрозрачная и прочная. Порвать ее невозможно. Аккуратно разворачиваю полотно, начиная от верха, прилепляю к каркасу. Осталось разгладить по всей площади. Вот и все. Дверь готова.

Надо лишь научить заказчика пользоваться, и я вернусь сюда завтра.

Еду домой в обществе собственных мыслей.

Тогда, на четвертом курсе, мы были одной компанией: Юрик, Михан, Виолетка и я.

Вообще-то я — Костя, но все звали меня просто Матвеев.

Психологи. Краса факультета. Будущие властители душ.

...Семестр был не столько сложным, сколь нудным. Тягомотина в оболочке. Нам оставалось два месяца до окончания пытки, когда Юрик сказал:

«Ребята, давайте сколотим группу».

Юрик играл на гитаре, не хуже самого Хэммета.

Михан — это басист. На нем написано: «Я — басист».

Витка пела, бряцая по клавишам синтезатора.

А мне выпало быть барабанщиком.

Если бы мне кто сказал, что после метаний, после тремоло дивных звуков и отголосков пьянящего ритма я сделаюсь установщиком дверей, я бы плюнул прямо в его наглуемую рожу.

Я даже не предполагал, что со мной может такое случиться...

Мы играли на всех торжествах, на дискотеках и днях рождения, нас приглашали на студенческие свадьбы, а иногда даже в институт Права. Мы сами писали стихи, а музыку воровали у классиков, умело сдабривая ее изрядной долей импровизации. Я был тогда молод и самоуверен и мечтал о блестящей карьере. И даже не слишком удачная личная жизнь не сильно меня огорчала.

Наша группа называлась «Зеленый крокодил». Выбрали неспроста, конечно же. Зеленый — наш цвет. Цвет релакса, равновесия, надежды на решение проблем. Все студенты-психологи ходят в зеленых пиджаках, такая уж у нашего колледжа форма. А крокодил добавился сам собой. Этакий антипод пресловутой белой обезьяны.

Если бы сейчас вместо сеанса психотерапии кто-нибудь послушал наше выступление, все его траблы ушли бы в небытие, я совершенно в этом уверен. Но группы больше не существует.

Остается лишь встреча выпускников. Отголосок ушедшего мира.

Утро всегда начинается звоном. Старый будильник, еще механический, врывается в мой недосмотренный сон.

Я поднимаюсь, и новое солнце спасает меня от потемок сознания.

Ванная и кофе, форма — на выход. Ксения ждет, мы сегодня поедем кататься.

Та же квартира. Ксюша встречает меня, дрожа от волнующей неизвестности. Если бы ты знала, милая, как все обыденно...

Дверь затвердела, ею можно пользоваться. Не хватает только пространства.

Я беру с Ксюши деньги, она заполняет квитанцию, мы спускаемся вниз и садимся в мобиль. Пункт назначения — пространственный узел.

Еду по улицам города. Почему за рулем я всегда себя чувствую лучше? Спокойнее и увереннее? Должно быть наоборот...

Ксюша рядом со мной на переднем сиденье. Средоточена, прячет непрошенное смущение, пытается угадать: что думаю я о вчерашнем. О том, что меж нами было.

А я не думаю ничего.

Вот и узел, ворота открыты. Снаружи он чем-то похож на ангар. Заезжаем, я выхожу, меняю с Ксюшей местами. Дальше поедет она. Я — лишь фиксирую счетчик.

Из «ангара» выходит тракт, узкий, в одну полосу. Ксюша водит недавно, боится, но здесь безопасно.

Главное — быть за рулем. Ехать. Прокладывать линию. Чем длиннее протянется трасса, тем больше возможностей для релакса. В конце такого пути будет ждать наша дверь. Та самая, что я вчера установил. Но расстояние до нее будет зависеть от Ксюши.

Трогаемся, неуверенно рыкает двигатель. Я против воли слежу за ее лицом. Зачем тебе дверь, девочка? Это слишком дорого. Развлекаловка для богатых бездельников. Проще было бы ездить на своей фисташковой «Шкоде» или смотреть сериалы. Или чатиться с лохами, или с подружками снимать мужиков.

Дверь — почасовая оплата.

Дверь — не больше раза в неделю.

Дверь — уход от реальности. Он не хуже других, но отдаленный эффект не изучен.

Дверь — не одобряется в научных кругах, потому что она аномальна.

Ее нет и не может быть.

Но я установил их уже двадцать три штуки. А всего нас работает семьдесят.

Едем, тракт удлинняется, он похож на тоннель с прозрачными стенками. За ними — обычная жизнь. Город, люди, машины, дома. А мы движемся в подпространстве.

Все заказчики дверей — сильные личности с хорошей фантазией, но совершенно зашоренные. Поэтому первые метров семьсот путь обычно безлик. Постепенно они успокаиваются, будто собрав себя из осколков. По краям дороги расцветают фруктовые деревья, порхают птицы, им откликается ветер. Это самый распространенный релакс. Иногда картина абстрактна: мир похож на засилие ломаных линий и нагромождение фигур. Но это тоже один из стандартов. Клиенты их с радостью лепят.

Установщик всегда рядом, и это вселяет уверенность.

Ведь на мне — зеленая шляпа.

Зеленый пиджак и штаны травяного цвета.

И зеленые, в тон, ботинки. Разве можно такого бояться?

Я боюсь сам себя. Никому не доверяю, даже упругому подпространству. А вдруг его не существует?

Я хочу увидеть Виолетту. Прижаться к ее уютной груди, запустить пальцы в черные волосы. Услышать вновь ее пение.

Но рядом со мной только Ксюша. Девушка, не умеющая тратить деньги.

Она заплатила за дверь. Раз в неделю она будет ее открывать, заходить в подпространство и строить там города. Или вышивать гладью. Или просто стоять и молчать, возвращаясь в норму.

Дверь — лучше психолога. Она индивидуальна. Она — только твоя. Она тоньше чувствует. Не дает советов. Не делает ошибок. Она просто выпускает тебя из мира, дает отдышаться.

Ксюша ведет мобиль, а вокруг вырастают башни в готическом стиле. Высокие, узкие, словно стрелы. Я знаю, внутри них — ступени. Тысячи лестниц в небо. Рисуй, Ксюша. Готика — это неплохо...

Чем дальше, тем светлее становятся башни, в них золотятся цветные окошки, витражи с видами птиц и зверей, и даже иногда — Бога. Вот и площадь, выложенная мозаикой, на ней возвышается ратуша. Циферблат огромных часов начинает отзванивать Энио Морриконе. Старичок-итальяшка, как я тебе завидую! Ты пишешь хиты, и дверь тебе не нужна...

Машинка хрипит, топливо на исходе. Путь наш скоро закончится. Вот и тупик впереди — Ксюшина дверь. Сейчас она сможет открыться.

Мы подъезжаем вплотную, все еще заперто. Только не жми на тормоз, подожди, подожди хоть мгновение...

Ксюша зажмуривается, мы врезаемся в мягкую плоть межпространственной перегородки — нашей двери. Она раскрывается. Стоп. За дверью — Ксюшина комната.

Девушка открывает глаза, не в силах сдержать изумленного возгласа.

— Приехали, выходи. Пользуйся на здоровье. Оплата — дисконтной картой...

Она медлит. Я знаю, Ксюша, что ты мне хочешь сказать. Но я тебе дал все, что мог.

Может быть, позже, когда буду в норме, когда перестану бояться мира, когда смогу ощутить, что Установщик дверей — это звучит гордо, может, тогда — но точно не раньше, я тебе позвоню. Телефон остается в базе...

Ксюша уходит, не обернувшись. Обиделась. Ничего, дорогая, теперь у тебя в квартире дверь в подпространство.

Я должен включить автозапуск, и ЭР-35 отвезет меня в узел. Но я, как всегда, нарушу инструкции, сяду за руль.

Тракт поет подо мною, а я управляю кинетикой, проводя новые линии в чужом подпространстве. Проложенный мною путь сотрется сразу позади мобилы. Я не могу отказать себе в этом. Мне это нужно, чтобы жить дальше. Ведь дверь — это дорого. Дверь — это глупость. Это игрушка богатых бездельников. А я лишь пытаюсь вернуться в норму.

Я прибавляю газ и лечу в полупрозрачном тоннеле, по бокам вырастают джунгли. Лианы опутывают многолетние стволы кокосовых пальм. Обезьяны несутся по верху, радостно и бессмысленно воя...

...Я мог бы играть и дальше, после распада группы. Но я не хотел бросать специальность. Думал, смогу изменить мир.

Я был обычным психологом, каких в стране тысячи. Я сидел в кабинете с зелеными стенами, думая, что все умею. А люди шли толпами, вручая мне свою судьбу. И очень скоро я понял, что помочь им ничем не могу. Они хотят панацеи. Простых и быстрых решений. А легкой и скорой бывает лишь смерть. Либо прогулка в подпространстве. Конечно, они выбирали второе. И мне пришлось соответствовать спросу...

Я еду уже очень долго, должно быть, я сбился с курса, хотя это и невозможно.

У меня есть еще время, чтобы вернуться или чтобы остаться. Что я забыл там, за стенкой тоннеля? Разве

кто-нибудь ждет меня дома? Разве мне есть, о ком позаботиться? Разве я смог кого-то спасти? Не лучше ли остаться здесь навсегда? Поселюсь в искусственном мире, стану его компонентой, фреской в храме души...

...Мы всегда собирались вместе, когда кому-нибудь было плохо. Юрик с Миханом бренчали, Витка терзала меццо-сопрано, а я стучал по тарелкам и английскому барабану.

Почему я не стал музыкантом?

Я психолог в широком смысле, я установщик дверей...

Вокруг непролазный тропический лес, лишь узкий просвет тракта. Понимаю, что заблудился, я должен включить аварийку. Должен связаться с узлом, и за мной приедут. Другой установщик сядет рядом, и мы вернемся на базу. И может быть даже, мне сделают скидку на дверь. Но я не хочу.

Не хочу зависеть от дырки в пространстве, от сеансов в арендованной раковине. Я вовсе не ракетшительник, я музыкант.

Газ, четвертая передача. Как узнать, сколько мне осталось? Впереди стена из ползучих растений. Неужели — там моя дверь?

Влетаю на полной скорости. Нет смысла давить на тормоз.

Хлопок, зеленая вспышка, я ничего не чувствую. Стоп.

Боюсь шевельнуться, глаза закрыты. Может, меня уже нет?

Слышу смех и веселые крики.

— Матвеев! Ну наконец-то!

Это Михан, я уверен. Ты мне снишься, старый приятель?

— Матвеев, ты что, уснул?

Витка, не надо дразниться. Ты просто моя фантазия.

— Матвеев, Костик, здорово!

Энергичный удар по плечу. Открываю глаза. Это Юрик.

И вокруг еще много наших в отвратно-зеленых шляпах, и зеленых нелепых ботинках, и штанах травяного цвета.

— Ну давай же, Матвеев, сыграем!

Я в бреду или это сцена? И ударная установка, и две легких электрогитары, и раздолбанный в хлам синтезатор...

Хорошо, что у каждого чела есть свое супер-пупер пространство, где не встретишь врагов и начальство, где он может забыться в релаксе...

Только дверь — это хитрая штука, современная чудо-игрушка, установка ее не дороже Инета, а сеанс раз в пятнадцать поболее...

Я стою на сколоченной сцене, я один на один с установкой. И мои барабанные палочки шебуршатся не хуже ульриховских.

Начинаю стучать из-за такта. Откликается слева гитара, справа вторят басы четвертями, заливается меццо-сопрано.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОЛИЦЫНА Татьяна Кирилловна (урожд. Нарышкина; 1704 — 1757), авт. писем.

Жена президента Адмиралтейской коллегии, адмирала князя М.М. Голицына. Супруги воспитали пятерых сыновей и двух дочерей. В РГАДА и АВГПРИ хранятся письма Г. к старшему сыну позднее первому вице-канцлеру Екатерины 11 и обер-камергеру А.М. Голицыну. Переписка относится к 1755-56 гг. (38 писем самой Г. и ее приписок-постскриптумов к письмам мужа и сына М.М. Голицына). Письма относятся ко времени правления имп. Елизаветы Петровны и связаны с периодом, когда Александр Голицын временно оказался не у дел и искал покровительства сильных мира сего, в частности, И.И. Шувалова. Переписка прекратилась в конце 1756 г., когда у Г. обострилась болезнь (чахотка), и княгиня скоропостижно скончалась. Письма Г. к сыну опубликованы в сб. «Российский архив». М., 2007. С. 9-59. О ней: в предисловии к письмам «Из семейной хроники рода Голицыных» (с. 9-13).

«Российский архив».

ГОЛИЦЫНА Татьяна Михайловна (в замуж. Прозоровская; псевд. Кн. Т.Г.; 1769 — 1840), переводчица.

Сестра Ек. М. и Ел. М. Голицыных (см). Вместе с Ел.М. Голицыной пер. «Рудольф 1» и «Король, судящий как отец» — «Покоящийся трудолюбец». 1785. Ч. У1.

Слов. рус. писателей XVIII в.; Слов. рус. писательниц; Сводный каталог.

ГОЛИЦЫНА-ПРОЗОРОВСКАЯ Мария Александровна (урожд. Львова; 1826 — 1901), публикатор историч. документов.

Род. в СПб. Внучка архитектора Н.А. Львова. В ее некрологе П.И. Бартнев писал, что «Русский Архив» обязан княжне Марии Александровне сообщением многих исторических бумаг» (Русский архив. 1902. Кн. 1. С. 192). О ней: Львов Н.Н. Былые годы \ \ Русская мысль. Кн. 111-У. Прага-Берлин. 1923.

Род Львовых (портр).

ГОЛЛАДСКАЯ Елеонора

«Рассказы». Т.2. СПб., 1913.

ГОЛОВАЕлизавета Саввишна (урожд. Ушкова; псевд. Гадмер, Е., Ушкова, Е; 1863 — 1935), поэтесса, переводчица, дет. писательница.

Род. в стан. Лепсинской Семиреченской обл. Ее дед Климентий Ушков, крепостной гидротехник Демидовых, получил вольную за остроумный инж. проект. Второй дед — Гадмер — приехал в Россию из Швейцарии, был учителем. Г. училась в Екатеринб. гимназии. Первые стихи напеч. в «Екатеринб. Неделе» (1879). В 1884 г. в Екатеринб. вышли «Стихотв. Елизаветы Ушковой». Второй сб. стихов — уже под фамилией Голова (1887). Почти все след. сборники подписывала девичьей фам. матери — Гадмер. В Екатеринбург открыла приют для бедств. женщин (1891); библиотеку-читальню (1893). Был издан каталог «Библиотека Е.С. Головой» (1895). Уч. в орг. общ. публ. библиотеки им В.Г. Белинского. Первая «столичная» книга Г. «В светлую ночь» вышла в 1899 г. Затем книги Г. выходили в изд. М.В. Ключкина, «Вятского товарищества», О.Н. Поповой. Г. перевела и переделала в драму ром. Джованьоли «Спартак» (отд. изд. 1903, 1914 — отриц. рец. в «Современнике». 1914. № 6. С. 122), пер. и перераб. для юношества «Дона Карлоса» и «Вильгельма Телля» Шиллера; пер. «Дочь египетского царя» Уарда и др. Писала драмы; нек. были поставлены в Екатеринбургском театре. Издала сб. рассказов для детей: «Подруги» (2-е изд. 1903, 4-е 1914), «Петина просьба» (1914). Переработ. для юношества «Кудеяра» Н. Костомарова, «Князя Серебряного» А. Толстого. Участв. в «Уральском сборнике», сост. Маминым-Сибиряком (1909). Сотр. в журналах и газетах «Екатеринб. Неделя», «Урал», «Уральская Жизнь», «Слово Урала», «Слово Оренбуржья», «Сибирская Жизнь», «Северный Край» и др.. Авт. кн. «Около железа»

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 67

Михаил ДАВИДОВ,
фото автора

У Волчьей балки

Найдено точное место гибели Лермонтова?

Недалеко от Пятигорска, на северо-западном склоне подошвы Машука, возвышается обелиск на мемориальной доске, что именно здесь погиб знаменитый поэт. Однако многие исследователи сомневаются в подлинности этого официального места дуэли.

Как было найдено «место дуэли»?

Через 40 лет после гибели Лермонтова впервые прошли пышные юбилейные торжества, посвященные памяти некогда опального поэта. К этому времени произведения М. Ю. Лермонтова были переведены на многие языки мира, его литературная слава достигла невиданной высоты.

Губернатор Терской области по окончании торжеств, состоявшихся 15 июля 1881 г. в Пятигорске, одобрил намерение контрагента Кавказских Минеральных Вод А. М. Байкова соорудить памятный крест на месте гибели Лермонтова и создал комиссию по определению точного места дуэли во главе с вице-губернатором Г. Х. Якобсоном. К работе в комиссии привлекли известного биографа Лермонтова, профессора университета из Дерпта П. А. Висковатова, воспользовавшись его приездом на Кавказ в августе 1881 г.

Однако когда комиссия приступила к работе, перед ней неожиданно встали серьезные затруднения. В архиве Пятигорского комендантского управления и в Тенгинском пехотном полку никаких бумаг, относящихся к дуэли, обнаружено не было.

Не сделав запрос в центральные российские архивы, члены комиссии начали самостоятельно вести поиск лиц, знавших разыскиваемое место.

Из непосредственных участников дуэли к 1881 г. не было в живых Мартынова, Глебова, Столыпина и Трубецкого. Князь А. И. Васильчиков, находясь в преклонном возрасте, был болен. 22 сентября ему был направлен письменный запрос, но уже 2 октября 1881

г. он скончался, не ответив комиссии, а возможно, и не успев прочесть адресованного ему письма.

Рядовые жители Пятигорска, которых тоже опрашивали, давали разноречивые сведения.

В Пятигорске жил А. П. Шан-Гирей — троюродный брат М. Ю. Лермонтова. Профессор Висковатов полагал, что Аким Павлович хорошо знает место дуэли: все-таки близкий друг Лермонтова и муж Эмилии Александровны Клингенберг — участницы роковых событий лета 1841 г. Однако Аким Павлович категорически отказался ехать на склон Машука и искать место дуэли, заявив, что отыскать его невозможно. И сама Эмилия Александровна не имела представления о точном месте поединка, возможной виновницей которого являлась.

Комиссии удалось найти только двух человек, которые заявили, что знают точное место дуэли. Первым был пятигорский мещанин 72-летний Евграф Чалов. Другим — 64-летний мещанин Иван Чухнин. Оба, как оказалось, не были непосредственными свидетелями дуэли и строили свои версии на предположениях и догадках.

Из двух предполагаемых мест поединка, указанных Чаловым и Чухниным, комиссия Якобсона выбрала точку Чалова, и памятный знак, а затем и существующий доныне обелиск были установлены на этом выбранном месте.

Комиссия не в полной мере была удовлетворена своим заключением, осознавая, что выбор основан на скудных и противоречивых свидетельствах по сути всего лишь двух лиц. Поэтому было принято решение опубликовать в печати протокол о проделанной работе вместе с показаниями Чалова и Чухнина. Комиссия призвала всех, знающих что-либо о месте поединка, прислать сообщения в ее адрес до 1 апреля 1882 г. Од-

Михаил Иванович Давидов родился в Пермской области. Доцент Пермской государственной медицинской академии. Автор многих научных и научно-популярных работ, в том числе 5 книг. Без отрыва от основной профессии хирурга-уролога Михаил Иванович более 35 лет занимается вопросами истории медицины и литературы. Широко известны его работы о жизни и смерти А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. Они печатались в журналах «Москва», «Урал», «Хирургия», «Российский медицинский журнал», «Клиническая медицина», «Врачебное сословие» и многих других.

Мы публикуем журнальный вариант исследования.

нако предложений и возражений так и не поступило. И тогда члены комиссии были вынуждены утвердить свое заключение, сделав весьма важную оговорку, что предпочтение месту, указанному Чаловым, отдано всего лишь как «наиболее вероятному».

Первое указание на то, что дуэль, вероятно, состоялась в другом месте, сделал профессор Д. И. Абрамович в 1913 г. В полном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова он дал справку, что в Лермонтовском музее при Николаевском кавалерийском училище находится важный документ — протокол комиссии, осматривавшей место поединка 16 июля 1841 г. Абрамович привел краткую выдержку из этого документа, в которой были указаны три ориентира места дуэли.

Честь открытия района, где произошла дуэль, принадлежит сотруднику пятигорского музея «Домик Лермонтова» С. И. Недумову. В 1950-х годах, на основании скрупулезного изучения архивных материалов, Сергей Иванович уверенно заявил, что место поединка Лермонтова и Мартынова располагается на расстоянии более полукилометра от «официального» места дуэли. Заявление Недумова вызвало шок в среде литературоведов и стало подлинной сенсацией.

В дальнейшем поисками истинного места дуэли на основе ориентиров, указанных в протоколе следственной комиссии, активно занимались В. А. Хачиков, А. В. Очман, С. В. Чекалин, А. Коваленко, Е. Рябов, Е. Польская и другие. Но до сих пор единой точки зрения не существует, а разброс в определении конкретного места дуэли недопустимо большой — до 767 м!

В течение 35 лет занимаясь изучением обстоятельств дуэли Лермонтова и Мартынова и постоянно проводя архивные разыскания, я выехал в Пятигорск и в июне — июле 2007 г. на северном и северо-западном склонах Машука вел поиск истинного места поединка, проверяя свои предположения и гипотезы других авторов.

Ориентиры для поиска места дуэли указаны в «Заключении следственной комиссии об осмотре места дуэли М. Ю. Лермантова¹ с Н. С. Мартыновым.

Вот выписка из «Заключения»: «Это место отстоит на расстоянии от города Пятигорска верстах в четырех, на левой стороне горы Машуки, при ее подошве. Здесь пролегает дорога, ведущая в немецкую Николаевскую колонию. По правую сторону дороги образуется впадина, простирающаяся с вершины Машуки до самой ее подошвы; а по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машуки. Между ними проходит в колонию означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь к горе Машуке, округляют небольшую поляну. Тут-то поединщики избрали место для стрельяния. Привязав своих лошадей к кустарникам, где приметна истоптанная трава и следы от беговых дрожжек, они, как указали нам, следователям, г. Глебов и князь Васильчиков, отмерили вдоль дороги барьеры... Поединщики сначала

Официальное место дуэли М.Ю. Лермонтова

стали на крайних точках, то есть каждый в 10 шагах от барьера: Мартынов от севера к югу, а Лермонтов от юга к северу...» [ИРЛИ, Ф. 524. Оп.3. №16.// 31].

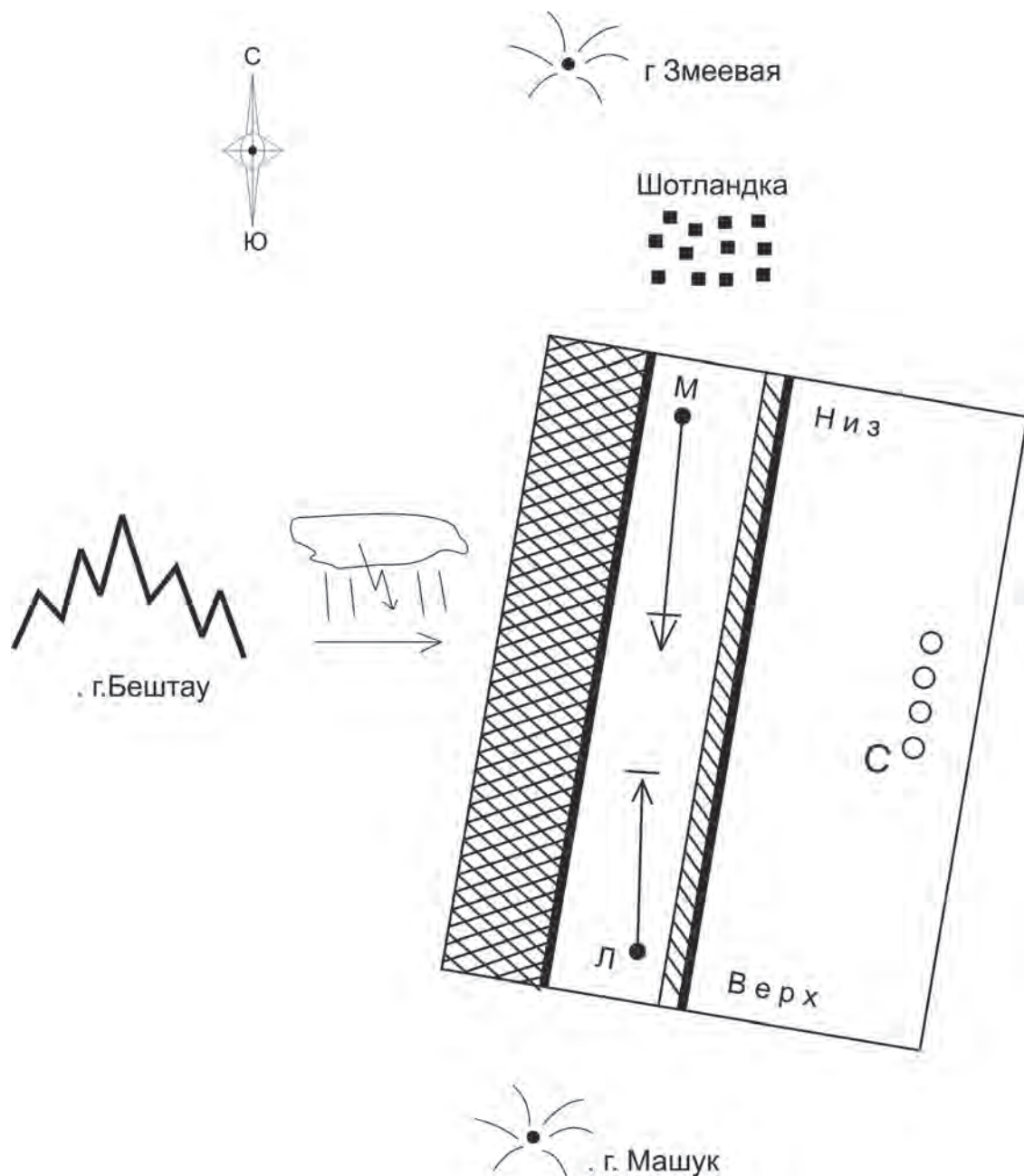
Из документа вытекает, что следователи осматривали подлинное место дуэли, так как в протоколе зафиксированы обнаруженные ими следы от беговых дрожжек, трава, примятая копытами лошадей, и была даже «приметна кровь, из него [Лермонтова] вытекавшая».

При анализе «Заключения следственной комиссии» можно выделить 7 основных ориентиров и признаков истинного места дуэли:

1. расстояние от города (в границах 1841 г., то есть от дома Уманова) до места дуэли составляет около 4 верст;
2. место дуэли находится под подошвой Машука;
3. поединок проходил на дуэльной площадке, которая включала в себя непосредственно участок дороги в Николаевскую колонию и придорожную округлую поляну справа от дороги, окаймленную кустарником;
4. справа от дороги имеется впадина, простирающаяся от самой вершины Машука;
5. по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машука;
6. участок дороги, непосредственно на котором и вдоль него проходила дуэль, имел прямолинейный участок длиной не менее 35 шагов (23 м);
7. этот участок дороги имел направление юг — север, ибо один из дуэлянтов стоял лицом на север, второй — на юг.

Где же искать историческое место дуэли?

¹ *Фамилия поэта писалась через «а» — Лермантов; Лермонтов — литературный псевдоним.*

На схеме: М — исходная позиция Мартынова; Л — исходная позиция Лермонтова; С — расположение секундентов; косая штриховка — современная дорожка терренкура; двойная штриховка — дорога; жирной линией обозначены современные каменные бордюры

Ответ на этот вопрос я нашел в «Заключении следственной комиссии». Следователи записали, что впереди и левее участка дороги, где произошел поединок, «стоит небольшая гора, отделившаяся от Машухи». Эта гора в свое время получила название Перкальской скалы — по имени ссыльного поляка Перкальского, который служил лесным объездчиком и имел недалеко от скалы сторожку. Таким образом, искать нужно на всем пространстве от официального места дуэли до района Перкальской скалы.

И я сосредоточил поиски возможного места дуэли на территории длиной 1600 м, шириной 1400 м и площадью 224 га.

Почти вся эта местность ныне полностью заросла густым труднопроходимым лиственным лесом, практически с полным отсутствием полей, то есть значительно изменилась по сравнению с лермонтовским временем. В течение нескольких недель я ежедневно приходил на эту территорию и тщательно прочесывал и изучал местность, сопоставляя увиденное с архивными данными и опубликованными материалами других авторов-лермонтоведов.

На расстоянии 1250 шагов (около 830 м) на восток от официального места дуэли шоссе и дорожку терренкура пересекает балка, заросшая деревьями и кустами. Это Волчья балка, как называют ее лесники,

Современный вид места дуэли. Фотография с позиции Мартынова

обозначенная в протоколе следователей «впадиной». Я поднялся вверх по всей длине балки и лично убедился, что она простирается до самой вершины Машука.

Изучение местности с тщательным прочесыванием ее показало, что на всей исследуемой территории северо-западного и северного склонов Машука от самого обелиска Волчья балка — единственная впадина, простирающаяся от объездного шоссе до самой вершины Машука.

Ниже объездной дороги Волчья балка значительно углубляется и расширяется, превращается в заросшую лесом ложину, проходящую рядом с Перкальской скалой в долину, на поля перед поселком Иноземцево.

Во времена Лермонтова Перкальская скала и ее окрестности были излюбленным местом прогулок и пикников «водяного общества». Старик Перкальский предлагал некоторые примитивные удобства для пикников. Рядом со скалами, окруженными лесом, сохранились уютные красивые полянки.

Есть мнение, что гора, которая называется Перкальской скалой (Малый Машук), во времена Лермонтова продолжалась дальше на северо-восток еще на 50–100 м. Дело в том, что здесь в разное время проводили выборку камня на строительные и прочие нужды, вследствие чего площадь скального возвышения уменьшилась.

Та каменная, «кремнистая», как сказал бы Лермонтов, дорога, по которой мы «поднялись» на верхнюю часть Перкальской скалы, использовалась в основном для поездок к самой скале, преимущественно на пикники. И хотя, спустившись по продолжению этой дороги, можно было попасть на поля и через них достичь колонии Каррас, но ее не надо путать, как это делают многие лермонтоведы, с той старой дорогой в Николаевскую колонию, где проходила дуэль.

Некоторые считают Каррас, Шотландку и Николаевскую одной и той же колонией с разными названиями. Действительно, сейчас все территории, которые занимали эти колонии, входят в один поселок Иноземцево. Но отождествлять колонии нельзя. Колония Шотландка располагалась на полпути в Железноводск, в семи верстах от Пятигорска.

Дорог от Пятигорска к этим двум колониям было несколько, в том числе лесных и полевых. На старинной карте местности вокруг Пятигорска от 1843 г., которую отыскивали в Российском Государственном военно-историческом архиве А.Коваленко и Е.Рябов [РГВИА, Ф.349. Оп. 34. Ед. хр. 1224], изображена вся сеть дорог вокруг Пятигорска, включая дорогу в Николаевскую колонию. Начинаясь от дома Уманова на северной окраине города, эта дорога огибала с запада гору Машук и, поднявшись постепенно на подошву северо-западной оконечности горы, раздваивалась. После развилки левая ветвь огибала скалу Перкальского с запада, а правая ветвь дороги круто поворачивала к востоку, шла в направлении запад-восток, поднималась по северной подошве Машука к седловине, соединявшей Машук со скалой Перкальского. Именно по этой правой (восточной) ветви дороги все ездили в Николаевскую колонию, а из «Заключения» следователей ясно вытекает, что дуэль произошла именно на дороге в Николаевскую колонию.

Она была глухой и безлюдной. «Тропинка», — несколько раз назвал ее секундант Васильчиков в своих воспоминаниях.

А. Коваленко и Е. Рябов сопоставили старинную карту 1843 г. с современной картой дорог в окрестностях Пятигорска и установили наиважнейший факт: современное объездное шоссе вокруг Машука на участке северо-западного и северного склонов Машука полностью совпадает со старой дорогой в Николаевскую колонию! Современное покрытие было уложено на земляное полотно старой дороги.

Таким образом, из всех дорог и тропинок исследуемого района мы знаем именно ту дорогу, на которой происходила дуэль. Это современное шоссе, идущее по северо-западному и северному склонам Машука.

На прослеженном нами участке этого шоссе (в пределах исследуемого района) длиной 1600 м оказалось, что при общем направлении дороги с запада на восток лишь единственный участок ее имеет направление с юга на север! Причем этот участок начинается непосредственно у Волчьей балки.

Вид дуэльной площадки (участок рядом с дорожкой терренкура) через 166 лет после смертельного поединка — 27 июля 2007 г.

В процессе многонедельного изучения территории на склоне Машука возникла версия предполагаемого места дуэли, которая в дальнейшем, в результате сравнений с другими гипотезами и размышлений, переросла в убеждение.

Поединок Лермонтова и Мартынова проходил на участке дороги в Николаевскую колонию (ныне — объездное шоссе по северному склону Машука), ориентированном в направлении с юга на север и расположенном сразу после пересечения с Волчьей балкой, а также на придорожной территории справа от этого отрезка дороги. Этот участок расположен на расстоянии 1250 шагов (830 м) на восток от официального места дуэли.

Предполагаемая дуэльная площадка, по которой сейчас проходят участок шоссе и дорожка терренкура, а справа располагается примыкающий участок лиственного леса, имеет длину 40 шагов (27 м) и ширину не менее 35 шагов (23 м). Поверхность площадки ровная, без ям, и представляет собой покатый склон у подошвы Машука с небольшим уклоном в 8–10°, от южной (высокой) части площадки до северной (низкой) части ее. По документальным материалам, на месте густого леса, разросшегося сейчас здесь, была тогда поляна с двумя кустами. Площадь (не менее 620 м²) свободно могла разместить 2 дуэлянтов, 4 секундантов, несколько лошадей и беговые дрожки.

Лермонтов стоял на возвышенной части дуэльной площадки, спиной к югу (Машуку), лицом к северу (горе Змеевой и Шотландке), Мартынов находился в нижней части дуэльной площадки, спиной к северу, лицом к югу (Машуку). Находясь в позиции Мартынова на данной местности, убеждаешься, что целить ему было несколько удобнее, так как вся фигура поручика в качестве отличной мишени отчетливо возвышалась перед ним. По показаниям секундантов, дуэлянты стояли очень близко к дороге, практически вплотную к ней. При современном осмотре дуэльного участка возникает мысль, что наиболее вероятной линией, по которой стояли и двигались навстречу друг другу противники, является нынешняя разделительная лесная полоса между шоссе и дорожкой терренкура, хотя это мог быть и участок леса, непосредственно примыкающий к бордюру дорожки терренкура. На найденной дуэльной площадке я впервые понял, почему Мартынов быстро подошел к барьеру: на этой местности на возвышенный участок удобнее всего было подняться именно скорыми и широкими шагами, чуть наклонив корпус, подобно лыжникам, вперед. При этом можно было и споткнуться. Наоборот, по воспоминаниям, Лермонтов сближался медленно, приостанавливаясь. И это тоже при осмотре поверхности площадки стало понятно: поэт шел вниз по склону, в условиях плохой видимости (грозовой бури), по скользкой от дождя поверхности. Чтобы смотреть на соперника, а не под ноги, и не упасть, двигаться можно было только так! Значит, такой подход Михаила Юрьевича к барьеру нужно объяснить рельефом местности, а не его нерешительностью. Сильный косой дождь, налетевший со стороны Беш-

тау, то есть с запада, в равной степени мешал обоим дуэлянтам. Секундантам, стоявшим на восточном краю дуэльной поляны, дождь должен был хлестать прямо в лицо, мешая следить за происходящим. И этот факт также подтвержден документальными материалами.

Кстати, где-то здесь в земле до сих пор покоится старинная пуля, выпущенная из пистолета системы Кухенройтера и прострелившая насквозь тело Лермонтова. Ведь следователи так и не нашли ее при осмотре места гибели поэта. А может, вовсе и не искали?

Рассмотрим научно, без эмоций, соответствует ли найденная нами площадка основным ориентирам и признакам истинного места дуэли, вытекающим из «Заключения следственной комиссии»:

1. расстояние от города (в границах 1841 г.) до площадки составляет около четырех верст;
2. место дуэли находится под подошвой Машука;
3. предполагаемая дуэльная площадка включает в себя непосредственно участок старой дороги в Николаевскую колонию и придорожную ровную территорию справа от дороги, где свободно могли разместиться противники, секунданты, лошади и беговые дрожки;
4. справа от дороги имеется впадина, простирающаяся от самой вершины Машука (Волчья балка);
5. по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машука (Перкальская скала);
6. участок дороги, непосредственно на котором и вдоль него проходила дуэль, имел прямолинейный участок длиной 40 шагов, то есть не менее необходимых 35 шагов;
7. этот участок дороги имел направление с юга на север, один из дуэлянтов (Лермонтов) стоял лицом на север, второй (Мартынов) — на юг.

Таким образом, по всем 7 ориентирам и признакам найденный нами участок полностью соответствует «Заключению следственной комиссии об осмотре места дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым» от 16 июля 1841 г. Очевидно, именно этот участок является подлинным местом дуэли Лермонтова и Мартынова.

... По этому участку дороги восточнее Волчьей балки, дорожке терренкура и прилегающему лесу в нынешнее лето я проходил уже десятки раз. Но когда, наконец, понял, что это именно то самое место, где в бурю и страшнейшую грозу сошлись два непримиримых соперника, где прозвучал беспощадный выстрел Мартынова и где лежал, брошенный друзьями, прикрытый лишь шинелью, и медленно умирал поэт, я специально пришел на это святое для всех нас, российских людей, место и долго молча сидел прямо на траве.

Сейчас ярко светило солнце, стояла пронзительная тишина, нарушаемая лишь беззаботным пением птиц в высокой траве и кустах. Веселье, спокойные и довольные, проходили отдыхающие по дорожке терренкура. Ничто не напоминало о той трагедии, которая разыгралась на этом месте. И только величавый Машук — немой свидетель той далекой дуэли — гордо возвышаясь над лесом, помнил тот страшный июльский вечер.

Владимир Копейко,
фото предоставлено автором

Братья Столетовы

Братья Столетовы родились в г. Владимире в старинной купеческой семье, переселенной туда за крамолу при Иване Грозном после падения Новгорода.

Николай, окончив владимирскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Московского госуниверситета, где впоследствии учился его младший брат Александр, ставший всемирно известным ученым-физиком. Ныне исполняется 170 лет со дня его рождения.

Александр Григорьевич Столетов по праву стоит в числе первооткрывателей двух физических процессов в науке.

Изучая намагничивание мягкого железа, А.Г. Столетов определил кривую этого процесса, которая получила его имя и была названа петлей гистерезиса.

В последующем он изучает фотоэлектрический эффект, обнаруженный немецким физиком Г. Герцем. Именно это и принесло Столетову мировую известность и славу.

Отношение науки к этим двум открытиям оказалось не равнозначным. Первое, хотя и представляло большую практическую ценность при устройстве и применении электромагнитных двигателей и магнитоэлектрических машин, дальнейшего глубокого изучения не получило. Зато фотоэлектрическим эффектом ученые продолжают заниматься и сегодня.

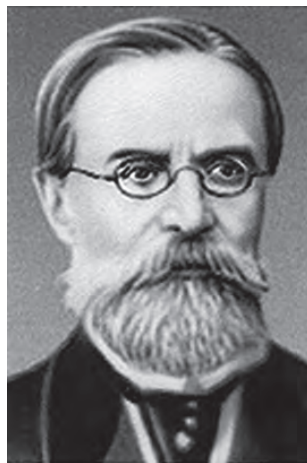
Чтобы поставить эти два открытия в один ранг по значимости и показать их тесную взаимосвязь, необходимо рассмотреть отдельные геофизические процессы, не получившие твердых объяснений до настоящего времени.

Один из таковых — постоянно раскаленное ядро внутри нашей планеты. Очевидно, что Солнце — мощный источник энергии; Земля, преимущественно состоящая из железа, имеет магнитные свойства и большую разность потенциалов между поверхностью и верхними слоями атмосферы. Это представляет аналогию с индукционной плавильной печью, работающей на основе петли гистерезиса.

Нагреванию верхних слоев нашей планеты от ядра препятствует вода, покрывающая 70% земной поверх-

Н.Г. Столетов

А.Г. Столетов

ности. Она же влияет и на климат Земли (испарения, осадки, теплые и холодные течения, формирование ветров), за счет полученной от ядра тепловой энергии.

В связи с тем, что температура ядра зависит от поступающей солнечной энергии, получают объяснения вулканические и

сейсмические процессы земной коры. Так, при сильных магнитных бурях температура и объем ядра значительно возрастают, что вызывает активизацию вулканов, которые предотвращают разрушение нашей планеты, аналогично клапану в скороварке. Средняя и малая активность бурь приводит к соответствующему разогреву ядра и смещениям земной коры. Это становится причиной землетрясений или цунами. Доказательством может служить сопоставление данных о солнечной активности и сейсмических процессов. Такая взаимосвязь позволяет прогнозировать эти явления и принимать меры по предупреждению возможных нежелательных последствий.

Таким образом, петля гистерезиса и фотоэлектрический эффект могут быть рассмотрены наукой с новых позиций, и имя русского ученого-физика А.Г. Столетова поднимется на более высокую ступень.

Другая судьба выпала на долю старшего брата ученого. Последний год обучения Николая в университете совпал с началом Крымской войны. Он идет добровольцем в армию. За отличие в боевых действиях в Крыму Столетов награждают знаком отличия Военного ордена и производят в офицеры. Затем Николай Григорьевич служил на Кавказе и в Туркестане. Он возглавлял отряд, завоевавший восточный берег Каспийского моря, где был основан г. Красноводск. В сентябре 1872 года Столетова назначают на должность командира 112-го пехотного Уральского полка, дислоцирующегося в г. Оренбурге.

Во время русско-турецкой войны, в чине генерал-майора, Николай Григорьевич возглавляет болгарское ополчение, участвует в обороне Шипки, командует авангардом при переходе через Балканы.

Одна из вершин Шипкинского перевала названа его именем.

Наталья ПОЗДНЯКОВА,
фото предоставлено автором

Прототипы «Девушки с веслом»

В центре Нижнего Тагила, напротив гостиницы «Северный Урал», есть сквер, названный еще в советские времена Комсомольским. До революции на этом месте была базарная площадь с многочисленными лавками, палатками и складами. В 1837 году Нижнетагильский завод посетил молодой цесаревич, будущий император Александр II. Много позже в честь такого знаменательного события на этой площади был заложен памятник, открытый в 1895 году. Он имел вид пирамидальной часовни из серого мрамора.

В советские времена все монументы Нижнего Тагила, в том числе и памятник царю-освободителю, были снесены. На месте пирамиды позже был установлен бетонный монумент советского вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Мощная фигура на высоком постаменте глядела вдаль и, наверное, видела на горизонте очертания светлого будущего. Рынок тоже снесли и на его месте разбили два сквера — Пионерский и Комсомольский.

Заслуга в создании этих красивых скверов принадлежит незаслуженно забытому пионеру уральского садоводства Кузьме Осиповичу Рудому. Он служил тогда в Горзеленстрое, и все работы по озеленению города велись при его участии, а саженцы, высаженные в городе, были выращены в питомнике его сада. Судьба Кузьмы Осиповича трагична. Несмотря на то, что в 1937 году он был награжден грамотой и денежной премией от наркома земледелия за выдающиеся заслуги в садоводстве, в декабре этого же страшного года он вместе со своим старшим сыном Сергеем был арестован по вздорному обвинению и через несколько дней расстрелян.

Новые скверы стали лучшим украшением центра города, расточая по весне аромат цветущих яблонь и сирени. Вокруг скульптуры вождя с весны до осени пестрели цветы на клумбах, и жители с благоговением взирали на лик великого человека.

Соня Тимофеева, фото 30-х годов

В центре Комсомольского сквера был сооружен фонтан, рядом с которым установили статную нимфу эпохи тоталитаризма — «девушку с веслом». В те времена подобные скульптуры ставились в парках, скверах и стадионах по всей стране, тысячекратно тиражируя известное творение гениального Ивана Шадра. Они воплощали собой идею здоровья, силы и энтузиазма молодых строительниц коммунизма, в скорое наступление которого тогда очень многие искренне верили.

В начале 50-х годов я была маленькой девочкой и жила с родителями на Вые, рабочей окраине Нижнего Тагила. Телевизоров тогда не было, и мы почти каждое воскресенье всей семьей ходили в кино. Кинотеатров было всего два — «Искра» и «Горн». Оба располагались почти рядом в самом центре города. Несмотря на то, что для «важнейшего из искусств» приспособили лучшие здания, некогда принадлежащие богатым купцам, залы для просмотра были тесными и неудобными. Хорошо видно экран было только с места у прохода, который располагался почему-то в самом центре зала.

Транспорт в те годы почти не ходил, и мы довольно долго шагали пешком. Наш путь пролегал через Комсомольский сквер, мимо изваяния великого вождя и обезвоженного еще с военных времен облупленного фонтана. Как-то раз мама, глядя на стоящую рядом скульптуру «девушки с веслом», вдруг обмолвилась, что она «списана» с нее и ее подруги Лоры. Я стала расспрашивать, и она поведала, как это было.

В мае 1934-го года мама окончила Свердловский химико-технологический техникум, который потом стал именоваться техникумом Советской торговли. Маме было в ту пору 18 лет. По направлению она приехала в Нижний Тагил и поступила на работу в недавно созданный трест столовых. Ей поручили организовать химическую лабораторию для анализа качества пищевых продуктов, что вскоре она успешно осуществила.

Свердловск.
Набережная Максима Горького

В бухгалтерии треста она познакомилась с Лорой Кулагиной, красивой девушкой-тагильчанкой, которая была немного старше ее. Как-то летом Лора уговорила Соню, мою будущую маму, зайти в мастерскую знакомого ей скульптора. Имя и фамилию ваятеля мама за давностью лет забыла. Мастерская находилась на улице Первомайской, на том самом месте, где сейчас книжный магазин, рядом с только что засаженными скверами. Скульптор был молод и улыбчив. Он напоил девушек чаем с сухарями и после оживленного разговора на злободневные темы предложил Соне помочь ему в выполнении срочного заказа для города — послужить моделью для новой парковой скульптуры.

Накануне он уже начал было ваять эту статую с красавицы Лоры, и голова изделия была уже почти готова, но натурщица оказалась слишком худенькой, что не соответствовало идеалу красоты тех лет. Тогда он попросил Лору поискать девушку с более пышными формами. Фигура Сони была идеальной для его замысла — стройная, длинноногая, с очень женственными рельефами, она вполне соответствовала тагильскому варианту символа эпохи. Вскоре скульптура спортсменки украсила Комсомольский сквер. Лицо «девушки с веслом» было Лорино, а фигура и прическа — Сонины.

Гипсовое изваяние долго красовалось в тени окружающих его густых зарослей сирени, но, простояв более 20 лет, обветшало под колючими уральскими ветрами. Когда вместо старого фонтана стали устанавливать мраморный «Каменный цветок», заодно снесли и «девушку с веслом». Это случилось в середине 50-х годов. Фотоаппарата тогда в нашей семье не было, и, к великому сожалению, не сохранилось ни одного изображения этого зримого воспоминания о маминой юности. Да и другие «девушки с веслом» стремительно исчезали с городских пейзажей. Тагильская физкультурница не была, конечно, нетленным шедевром, но не являлась и безликим произведением массовой культуры.

В наше время, когда так резко сменились идеологические и нравственные ориентиры, появились совсем другие герои. В Комсомольском сквере Нижнего Тагила на месте, где некогда возвышался монумент Иосифу Сталину, сейчас красуется бюст Николая Никитича Демидова, памятник которому был бы совершенно немислим в советский период. Внук легендарного Акинфия, талантливого и жестокого создателя уральской металлургической империи, Николай Демидов был богатейшим человеком России, умудрившимся, живя в Италии, приумножить огромное состояние, унаследованное им от предков. Этот человек поистине достоин быть увековеченным в наше время возродившегося капитализма. Такие понятия, как безработица, эксплуатация, забота о трудовом народе, сейчас не копируются и никого не волнуют.

Памятник торжественно открыли в октябре 2007 года. Интересно, что при его сооружении были найдены осколки серого мрамора, от часовни в честь царя-освободителя.

и золота. Очерки из жизни уральских рабочих», «Птицы небесные» (рец. в «Рус. Мысли», 1905, № 1). В 1908 г. переехала в Липецк. Здесь вышел ее стихотв. сб. «Вечный звон». Последняя книга Г. «Уральские легенды» издана в 1915 г. В конце жизни много скиталась и бедствовала. По просьбе краеведа А.А. Черданцева напис. «Автобиографию». Последние годы жила на Кавказе. О ней: Курочкин Ю. Реконструкция одной судьбы. — В кн. Ю. Курочкина «Уральские находки». Св., 1982; «Поэты Урала» Т.1. Св., 1976; Богословский П.С. Из материалов по истории лит. и печати в Пермском крае. — «Пермский краеведческий сб.» вып. 11. Пермь, 1926, с. 100. В 2006 г. в Екатеринбурге вышла кн. «Елизавета Гадмер: материалы к биографии: Сборник документов» (сост. Э.А. Калистратова) — портр. Впервые полностью опубликованы письма Гадмер к краеведу А.А. Черданцеву.

Русские писатели; Шмаков; Масанов (у него ошибочно: Гардмер, Ушакова); Голдин; Сто одна поэтесса серебр. века (Гадмер); Розанов.

ГОЛОВА Лариса Георгиевна (1887 — 1967), авт. воспоминаний.

Театральный художник. «О художниках театра: Воспоминания». Л., 1972. В этой же кн. — ее воспомин. о художнике К.А. Коровине. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

ГОЛОВАЦКАЯ О.Я., авт. воспоминаний.

Вместе с братом В.Я. Головацким напис. воспоминания об отце — Я.Ф. Головацком, филологе, историке, поэте. — В кн. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Т.1. М., 1916, с. 109-112. ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5811.

ГОЛОВАЧЕВА Е.

Авт. «Практич. курса немецкого языка» (М., 1899). Венгеров. Источ.

ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА Авдотья Яковлевна

(См. Панаева А.Я.)

ГОЛОВИНА (ВОРОНИНА) В.З., писательница.

В «Ист. Вестн.» (1910, № 4) напеч. ее «Семейная хроника», а в № 6 1912 г. — «Несчастье от архиерея». Венгеров. Источ.

ГОЛОВИНА Варвара Николаевна (урожд. Голицына; 1766 — 1821), авт. воспоминаний.

Дочь генерал-лейтенанта Н.Ф. Голицына, жена гофмейстера, а затем члена Государственного совета графа Н.Н. Головина, племянница И.И. Шувалова, первого куратора Московского ун-та. Фрейлина имп. Екатерины 11. Хозяйка известного в СПб салона. Знавшие ее отмечали присущий ей артистизм: она пела, знала литературу и музыку, сочиняла романсы, рисовала. Ее зарисовка имп. Екатерины вошла в «Словарь русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского; известен также написанный ею портрет Потемкина. После смерти Екатерины жизнь Г. круто изменилась. Нарушились семейные и дружеские связи. Она сблизилась с кружком франц. эмигрантов. Ее дом в СПб. стал центром иезуитской католической пропаганды. Католичество приняла не только сама Г., но и многие из ее окружения. Умерла она во Франции от рака, похоронена на кладбище Пер-Лашез. Свои «Мемуары» Г. начала писать по настоянию имп. Елизаветы, супруги Александра 1 и писала около 10 лет. Писала по-французски, в этой работе ей помогли дочери. Публикация состоялась через много лет после смерти Г. Но воспоминания ходили по рукам в списках, ими пользовались историки и романисты. Впервые в рус. пер. напеч. в «Ист. вестн.» (1899, № 1-12); отд. изд.: Записки. Под ред. и с прим. Е.С. Шумигорского. СПб., 1900. Второй пер. М., 1911. «Мемуары» Г. вошли в сб. «История жизни благородной женщины», вышедшей в серии «Россия в мемуарах» (М., 1996). Наконец, «Мемуары» Г. вышли в московском изд. «Захаров» в 2006 г. (с приложением нескольких писем Г. к имп. Елизавете Алексеевне и статьи К. Валишевского). Оригинальность характера мемуаристики состояла в том, что, будучи преданной и восторженной поклонницей царствующих особ, она не испытала влияния обаятельной и развращающей среды и «ни на одну минуту не потеряла чистоту своей совести и независимость суждений» (К. Валишевский). О ней: Бокова В.М. Три женщины — вступ. ст. в указ. сборнике. С. 8-11 (здесь г.с. 1819).

ИДРДВ. Т. 1. Ук. им.; Венгеров. Источ.

Продолжение в следующем номере

Виктор ПЛЕХАНОВ,
фото предоставлено автором

«Спрямление Карла Либкнехта»

В первой половине XIX века Большая Вознесенская улица стала частью Московско-Сибирского тракта, который вел в Невьянск, Верхотурье и далее в Сибирь. Таким образом, она приобрела характер одной из главных городских магистралей, встав в один ряд с такими значимыми проспектами, как Главный (ныне пр. Ленина), Покровский (ныне ул. Малышева) и Александровский (ныне ул. Декабристов).

Первые каменные дома по Большой Вознесенской появились в начале XIX столетия

А массовое каменное строительство началось с конца 1880-х годов, и тогда же улица была переименована в Вознесенский проспект, начинавшийся от польского костела на Покровском проспекте (ныне здесь находится вторая очередь Антея), а в конце упирившийся в золотоносную речку Мельковку.

Постепенно на Вознесенском стали появляться гражданские и общественные сооружения: пожарная часть с каланчой (в несколько измененном виде ее здание дожило до наших дней и продолжает функционировать по первоначальному назначению), 1-я женская гимназия (ныне один из учебных корпусов Уральской государственной педагогической академии), усадьба И.Д. Баландина, где впоследствии разместилось городское общественное собрание (ныне учебный корпус Екатеринбургского театрального института). Было начато строительство здания Делового клуба (ныне Филармония), построено здание Екатеринбургской художественно-промышленной школы (ныне Сельскохозяйственная академия), а на пересечении Вознесенского и Главного проспектов появился кинотеатр «Лоранж» (ныне Екатеринбургский государственный академический театр музыкальной комедии — внешний облик занимаемого им здания значительно отличается от принадлежавшего кинотеатру изначально).

Таким образом, в течение всего XIX века статус этой улицы неизменно возрастал, а на рубеже XIX и XX сто-

летий она стала своеобразным интеллектуальным центром города, где находились здания и постройки самого различного назначения: культурно-просветительские, культовые и т.п.

Эта тенденция сохранилась и до наших дней: сейчас на бывшем Вознесенском проспекте находятся два института, два кинотеатра, дом детского творчества, два театра, филармония, центральный магазин технической книги, школа детского рисунка, областная детская библиотека, две гостиницы и целый ряд магазинов, различных офисов и учреждений. По своей градостроительной и общественной значимости ул. К. Либкнехта стоит на третьем месте после пр. Ленина и ул. Малышева.

Однако приходится констатировать, что в результате интенсивного строительства многие архитектурные и исторические памятники были утрачены, и сохранились лишь фрагменты исторической застройки.

В 1975 году было принято решение о сносе особняка Ипатьева, располагавшегося на улице Карла Либкнехта напротив Вознесенской церкви, так как со-

ветскую власть настораживало большое внимание иностранных туристов к этой достопримечательности, хотя официально причина звучала так: «учитывая острую потребность в реконструкции улиц Якова Свердлова и спрямлении Карла Либкнехта...»

В 1983 году по ул. Карла Либкнехта напротив бывшей усадьбы Расторгуева-Харитонова была выпрямлена и пробита проезжая часть — для машин. Новая улица Карла Либкнехта энергично спрямила прежний путь, снесла старинную екатеринбургскую застройку и, словно гигантская пила, под самый корень подрезала Вознесенский холм. Да так, что образовалась вертикальная стенка едва ли не пятиметровой высоты. Был срезан уклон холма, в результате чего и появилось так называемое «ущелье» между подпорной стеной и местом расстрела царской семьи — местом, где в наше время возведен Храм на Крови.

Наталья ШАРНИНА,
снимок из архива автора

Шевелевка — Лесная школа

Сысерть — моя малая Родина. Пережив войну, потеряв родителей, волей судьбы в послевоенном сорок шестом я оказалась в первом классе Лесной школы № 1, что располагалась близ Сысерти, только что названной городом. Еще это место называлось Шевелевской заимкой — по имени сысертского кожевника Шевелева, которого советская власть лишила имущества в годы раскулачивания.

Перед войной в Шевелевке был организован дом отдыха уральских учителей. В годы войны сюда привозили детей из блокадного Ленинграда. В конце войны не все вернулись домой. У кого не нашлось родственников, доучивались в Лесной школе, назывались детдомовцами, их было человек тридцать. Лесная школа стала областной оздоровительной для детей с ослабленными легкими, с трехнедельным пребыванием на оздоровлении. Мы с братом стали детдомовцами.

В пересменки, перед новым заездом, воспитатели и учителя разъезжались по домам, а мы оставались при минимальном надзоре, можно сказать, на свободе. И в эти три дня успевали побродить по лесу, купаться в Ильинском пруду и даже сходить на Тальков камень, попросив на кухне у доброй тети Даши сухарей.

А учителя в Лесной школе были особенные — добрые, интеллигентные, красивые. Некоторые из них, как я узнала позже, имели право жить только в сельской местности, то есть были репрессированными.

Моей первой учительницей была Клара Алексеевна Рейжевская. Мы смотрели на нее, как на добрую фею из сказки. Говорила она так, что мы слушали с раскрытым ртом, не пропуская ни слова, любясь ее манерами, одеждой, мягким улыбчивым голосом. Она открыла мне Пушкина. Удивительная природа сысертских мест располагала заучивать наизусть все пейзажные строфы «Евгения Онегина». (В старших классах я знала наизусть весь роман в стихах.)

В школе была развита самодеятельность. Приезжих детей и их родителей мы, детдомовцы, удивляли настоящими музыкальными спектаклями с костюмами, декорациями. К примеру, цирк «Цани-Бони». На сцену выходили клоуны, борцы-силачи, дрессиро-

Коллектив детского дома в Лесной школе

ванные звери: гордый страусенок, малютка-обезьяна; «по проволоке дама шла как телеграмма».

Были слышаны мы и о Бажове, читали его сказки из «Малахитовой шкатулки». В Сысерть ходили на экскурсии. Любовались поселком, прудами, лесными полями с Бессоновой горы. Слушали о пугачевских событиях — жители в огородах находили пушечные ядра. Все свободное время мы проводили в лесу. Таких мощных сосен я не видела нигде в будущей жизни. Ручьи по весне звенели, журчали, можно было ими любоваться часами. А подснежники! Крупные, целыми букетами светелись они на солнце. Удивительной раскраски и аромата цветов — венерин башмачок, таких я тоже не встречала в других местах. Сосновый лес горел в лучах заходящего солнца. Мы собирали с сосны смолу и жевали ее, ели пестики, щавель, луковицы саранок, да много чего мы ели в лесу. Чарующая природа, живительный сосновый воздух, доброта и требовательность учителей потихоньку затягивали душевные раны, поправляли здоровье подранков войны. Сиротским воспоминаниям мало оставалось времени и места, слезы по родителям высыхали.

В 1948 году расформировался отряд детдомовцев. Тех, кто не окончил школу, развезли по детдомам Свердловска. Начиналась самостоятельная жизнь. Не все выдерживали последующие удары судьбы. Светлым лучом в моей жизни осталась Лесная школа, Шевелевская заимка, благодатный Сысертский край...

Павел СЕВЕРНЫЙ,
фото предоставлено сыном писателя

ТОПТЫГИН С КОСЬВЫ

Рассказ «Топтыгин с Косьвы» нашего замечательного земляка, писателя П. А. Северного, появился на свет в 1956 году в Оренбурге (тогда г. Чкалов) и сразу покорило сердца юных читателей.

Это первое произведение автора, написанное на его родине — Урале, сразу по возвращении из Китая после долгой эмиграции.

Павел Северный — человек неординарной, яркой и удивительной судьбы. Ровесник мятежного XX века, он родился в семье барона фон Ольбриха, управляющего Верхне-Уфалейскими заводами.

Обладая тонкой духовной организацией от природы и благородной натурой от воспитания, он жадно впитывал симфонию суровой природы и тяжелой горнозаводской жизни Урала. Вспоминая свое детство, писатель непременно возвращался к мудрому старику Потапу Корамнелову, по прозвищу «пчелиный дедушка», который «душу немецкого мальчика осторожно покрывал позолотой русского духа» да еще и приговаривал: «Не бойся, паренек, читай «Отче наш» и подымай нос кверху». В минуты отчаяния последняя фраза вспоминалась особенно часто, а таких минут на его долю выпало с лихвой.

Высшее Провидение, Господь либо некая Верховная сила во все времена отмечала особых людей, ведя их через горнило немыслимых испытаний, видимо, для того, чтобы закалить дух и отточить их божественный дар.

Так в душу еще неокрепшего семнадцатилетнего паренька, полного радостных, дерзновенных планов, неожиданно ворвалась, обжигая своим кровавым пламенем, февральская, а затем октябрьская революции. Гражданская война, последовавшая за ними, унесла жизнь его отца с женой и дочерьми. Несмотря на лояльность к новому режиму, семья барона фон Ольбриха была расстреляна большевиками.

Сам Павел оказался в армии Колчака. Чудом оставшись живым, он тут же попадает в плен к большевикам, но вновь вмешивается провидение, и ему удается бежать. Однако его поджидает другое тяжелое испытание — скошенный тифом, Павел едва вырвался из цепких лап смерти.

Измощенный холодом, голодом и болезнью, молодой дворянин, тогда еще по фамилии Ольбрих, все дальше уходил на Восток. Сначала он оказался в Харбине, а конечным пунктом его бегства из пылающей России на долгие тридцать пять лет стал Шанхай.

По иронии судьбы Павел Александрович стал послом русской культуры и сеятелем русской духовной

традиции за рубежом и блистательно справился со своей миссией.

Как отмечали современные исследователи, он стал «самым популярным автором в Китае». Наивысшей же оценкой его писательской деятельности стала письменная благодарность от великого художника Н.К. Рериха.

Писатель П.А. Северный — один из немногих эмигрантов, представителей русской культуры, который сумел вернуться на Родину и нашел в себе силы творить и писать. После выхода в свет романа «Сказание о старом Урале» он стал членом Союза писателей. Подробно о его жизни и творчестве мне довелось рассказать на страницах журнала «Уральский следопыт» (2007, № 2).

Сын писателя Арсений Павлович Северный составил список из 128 произведений своего отца разного жанра. В этом списке — рассказы, повести, романы, пьесы, драмы и статьи. Назову лишь некоторые произведения писателя, посвященные Уралу: «Ветер с Урала», «Следы лаптей», дилогия «Золото на грязи», «Каменный пояс», «Медвежьи тропы», «Пчелиный дедушка», «Искры над Камой», «Чусовая стонет», «Синий пояс», «Связанный гнев», трилогия «Сказание о старом Урале»...

Еще вчера писатель Северный казался «среди толпы затерянным певцом», сегодня какая-то невидимая духовная сила подняла почти из небытия его творения и дала им толчок к новой жизни. Произведения Павла Александровича вновь стали востребованными и стали переиздаваться.

Раиса Скоробогатова,
региональный представитель журнала
«Дельфис»

Сыну Арсению посвящаю

1.

Леса реки Косьвы, пожалуй, были самыми глухими из всех лесов Северного Урала. Дремучи, мало исхожены людьми, они зато вдоль и поперек исчерчены звериными тропами. Всякому зверю жилось в косьвинских лесах вольготно и привольно, а особенно хорошо было медведям.

Косьва — река извилистая. Струит она быстрые воды между скалистых и лесистых берегов, по временам вспенивая их на поворотах о выступы скал или же отстаивая до кристальной прозрачности в заводях. Красивы заболоченные заводы Косьвы. Растут в них шелестящие камыши, бирюзовые незабудки и, будто выточенные из мрамора, кувшинки, придавая реке особую дикую прелесть заповедности.

Леса к реке подступают вплотную, а лесины, как паутиной, опутанные разноцветными мхами, смотрятся в заводи, и, отражаясь в них, как в зеркалах, не могут собой налюбоваться.

В косьвинских лесах темно даже при ярких лучах солнца, и мягко в них людским ногам и звериным лапам на настилах мхов и опавшей хвои.

Косьвинские леса певучи. Неумолчно шумят они под ветром тем особенным шумом, в котором слышатся могучие мелодии, рожденные суровой и девственной природой Северного Урала...

Макар Тимофеевич Свечкин, охотник на векшу (*Векша — белка. — Ред.*), жил на Косьве верстах в двадцати от впадения ее в Каму, совсем под боком у деревни Останкиной.

Сруб его серовато-сизой добротной избы в два окна под омшелей крышей стоял на просеке, выжженной давним лесным пожаром. Просека поросла молодыми пушистыми елочками. Они, как шаловливые ребятишки, разбежались по всему пространству просеки, а приблизившись к избе и как бы испугавшись, сгрудились вокруг нее тесным кольцом. Среди них то тут, то там высятся уцелевшие от пожара великаны — кедры и сосны, залитые слезами смолы.

Около избы на берегу реки громоздились кварцевые скалы. Между скал от избы, окруженной огородом с черемухами и тоненькими березками, к реке протянулся цветистый луг, похожий на коврик, сшитый из разноцветных ситцевых лоскутов. И видны среди луга бугорки серых и синеватых валунов.

Макар Свечкин слыл в округе за знатного охотника, зоркого объездчика и опытного пчеловода, сумевшего заставить работать на себя диких пчел.

Макар годами был стар, но здоровьем крепок. Ростом он был не высок, но широкоплеч.

В Соликамском уезде знали о нем как о знатоке старинных народных сказов о Каме и Косьве. Сказы старик говорил умело и по-старинному, а потому по прадникам его звали к себе погостить приятели из деревни, и он охотно рассказывал им об уральской старине. Старину Косьвы Свечкин запомнил со слов деда да и сам прожил возле нее свои семьдесят с лишним лет.

По фамилии Свечкина в округе звали редко, но зато всякий от мала до велика знал его по прозвищу Морозко, а дали ему люди это прозвище за осанистую походку и серебристую бороду.

2.

На закате погожего летнего дня перед избой курился костер, и над огнем висел чугунок с душистой ухой.

Макар сидел на завалинке и, дымя трубкой, плел корзинку. Наступала пора сбора малины, и девушки из Останкиной заказали ему сплести несколько корзиночек.

В час заката косьвинские леса обычно наполнены разноголосым щебетаньем птиц, и временами вплещается в него убаюкивающая переключка кукушек.

Возле ног Макара лежал его верный друг — пес по кличке Пономарь. Он с нескрываемым удовольствием внюхивался в запахи варева. Пес был кривой. Когда он был еще щенком, правый глаз ему выклевал филин.

Любовь и привязанность Макара к собаке были трогательны. Он высоко ценил охотничьи способности Пономаря и считал, что в округе нет другой такой собаки, которая могла бы так хорошо гнать лису или так ловко ловить живьем на болотах быстроногих диких утят...

Работая, Макар и сам принюхивался к запаху ухи и ждал, пока она уварится...

Солнце медленно спускалось за лесные частокоты и, отражаясь в струях Косьвы, покрывало их золотистыми бликами, похожими на рыбью чешую.

Неожиданно предвечернюю тишину нарушил истошный визг. Он донесся оттуда, где у Макара на снах висели колоды с пчелами. Визг не прекращался минуты две-три, и скоро мимо избы, кувыркаясь, вертясь, прокатился и бултыхнулся в воду бурый шерстяной комок.

Улыбнувшись, Макар отложил работу, встал и пошел к реке, но, не дойдя нескольких шагов до воды, засмеялся, увидел, как, мутя воду, у берега барахтался медвежонок. Фыркая, он старался удалить со сво-

ей мордочки налипших жалающих пчел. На секунды, медвежонок, пуская пузыри, окунался в воду. Потом, высунув из нее только голову, он прислушивался к жужжанию пчел и вновь, фыркая, погружался в воду. Так продолжалось до тех пор, пока он, наконец, не слыша пчелиного жужжания, не успокоился и, выйдя из воды, с тяжелым вздохом не лег на узкой полоске мокрого песка с бусинами мелкой гальки.

Макар сказал подбежавшему Пономарю:

— Погляди на него — махонький, а уже ворюга.

Собака слушала хозяина, позевывая и прищуриваясь, и ждала приказания, как ей поступить.

Тем временем медвежонок, отлежавшись, поднялся на ноги, отряхнулся от воды, сделал несколько шагов, сильно хромя, сел и стал лизать левую переднюю лапу. Пономарь прыгнул к нему и сделал стойку. Медвежонок, сжавшись от испуга, оскалил зубы и сердито оцетинил шерсть на загривке.

— Не трожь его, Пономарь. Видишь, поди, что ко-солапый увечный. Лежащего, брат, не бьют.

Пес сконфуженно завилал хвостом и уселся напротив медвежонок, не спуская с него настороженного взгляда.

Макар тоже подошел вплотную и присел на корточки, но зверек опять заворчал.

— Эх ты, дурашка, меня своим урчанием не испугаешь. Видать, искалечил ты себе лапку всурьез.

Старик протянул к нему руку, медвежонок ее куснул, а затем вдруг перевернулся на спину и замурлыкал, как котенок.

— Давно бы так. Понял, что тебя не боятся. Мы тебе зла не сделаем. Эх ты, совсем еще неразумное дитяtko. Ну ладно, зачнем тебя лечить.

Макар, распоясав свою рубаху, не торопясь сделал из плетеного пояска петлю и ловко накиннул ее на мордочку медвежонок. Затянув петлю, он тем же пояском связал задние лапы зверька и, взяв его на руки, понес к избе.

Положив медвежонок на завалинку, Макар внимательно осмотрел лапу и понял, что она сломана. Старик покачал головой.

— Экая незадача. Вперед тебе наука. Не станешь на сосны к колодам лазить и мед воровать. Пчелы ворюг не любят. На землю-то, чую, ты с высока шмякнулся.

Медвежонок жалобно скулил и терся головой о сломанную лапу.

— Понимаю, что больно, но ты не тужи, беда твоя поправима. На то ты и медведь, чтобы на тебе все заживало.

Макар принес из сеней лубок и мочало. Шорным ножом, которым мастерил корзинку, отрезал от лубка четыре пластинки. Не обращая внимания на взвизгивания медвежонок, Макар вправил сломанную лапу, обложил ее лубочками и натуго перевязал их мочалом.

— Вот и готово. Теперь лежи и гляди на нас с Пономарем, как станем уху хлебать. Морденку я, пожалуй, тебе развяжу, а вот задние лапы, обижайся на меня не обижайся, развязывать не стану.

Когда Макар развязал медвежонок мордочку, тот несколько раз чихнул, сладко зевнул и положил голову на сломанную лапу, все еще испуганно и недоверчиво тараща на Макара и на собаку свои синие, удивленно-грустные глазенки.

Подойдя к костру, Макар зачерпнул ложкой варево, подул на него и попробовал. Уха показалась ему недосоленной.

Старик ушел в избу. Собака, воспользовавшись его отсутствием, стала обнюхивать медвежонок, а тот опять сердито заворчал. Из открытого окна донесся голос Макара:

— Да не лезь ты к нему, Пономарь, со своим знакомством. Чего ты на зверька страх нагоняешь?

Выйдя из избы, Макар вернулся к костру и посолил уху, затем снял чугунок с огня, а на освободившееся место повесил чайник.

В это время с реки послышался крик:

— Дедушка, ты дома?

Макар улыбнулся и ответил:

— А ты, родимый, леса криком не буди. Милости прошу к нашему шалашу.

С берега на полянку из-за скалы вышел русоволо-сый босой паренек лет одиннадцати — Мишутка Думкин, сын покойного рыбака из деревни Останкиной, с которым Макар водил дружбу.

Еще издали он спросил:

— Кажись, уху варишь?

— Чуешь, рыбак, рыбное варево? Сварил как раз к твоему приезду.

Лицо у Мишутки было в рыжих веснушках, и особенно много их на щеках и на носу. Через плечо у него на канифасовом ремне висела саратовская гармонь, а в руках он нес две корзинки. Поставив на крыльцо корзинки и гармонь, он стер со лба рукавом пот и почтительно поклонился.

— Как здравствуешь, дедушка?

— Да слава богу, помаленьку. Жаловаться на здоровье не могу.

Старик подошел Мишутке и ласково погладил его по голове.

— Мамаля гостинцы тебе прислала, тут молоко со сметаной и маслице.

— Вот за это ей спасибо. А перцу не послала?

— Про перец ничего не поминала.

— Жаль. В перце у меня большая нужда.

— А ты не печалься, я его тебе завтра же привезу.

Мишутка увидел на завалинке медвежонок, от удивления даже захлопал в ладоши.

— Батюшки мои, косолапый! Когда ты его изловил, дедушка?

— А я его не ловил. Сам ко мне в гости пожаловал на уху.

— Скажешь тоже! Ты правду говори, где его изловил? Не шути.

— Я и не шучу, а говорю правду. Мне не веришь, Пономаря спроси. С сосны он грохнулся.

— А на сосну зачем лазил?

— Какой ты недогадливый. Лазил на нее к улью мед воровать. Сам знаешь, лесные пчелы на ворюг злые. Стали они его жалить, а он в реку кинулся.

— Ишь ты, какой догадливый, шельмец.

— На то он, Мишутка, и зверь, чтобы защиту от врагов себе чутьем находить.

Мальчик, рассматривая медвежонка, встал около завалинки на колени.

— Совсем еще маленький. Погляди, дедушка, глазенки у него какие ясные. А уж злой, наверно?

— С характером, видать. Попервоначалу меня даже за руку укусил легонько, но потом увидел, что я его ростом больше, и лег лапками кверху. Мало еще прожил на свете.

Мишутка вдруг ударил себя по лбу ладонью и, вскочив, быстро побежал на берег.

— Куда ты? — спросил старик. — Неужли зверька перепугался.

— Да нет, дедушка. Калачи в лодке позабыл.

Через минуту Мишутка вернулся с калачами, низанными на руку.

— Я в избу их занесу.

— Тащи. Ты в ней равный мне хозяин.

Отнеся в избу, Мишутка вышел и сел на завалинку рядом с медвежонком. Мальчик хотел его погладить, но медвежонок оскалил зубы.

— Какой пугливый.

— Махонький, вот и пугливый. Сам-то ты, чать, тоже не всегда храбрый. Кой-чего тоже побаиваешься.

— Бывает, что и боюсь. Ночевать у тебя буду. А на зорьке на Каму спущусь да переметы на стерлядь поставлю.

— Мамаля, видать, по стерлядке соскучилась?

— Да нет. Сосед дочку свою замуж выдает, так мамаля хочет на свадьбе молодых и гостей паровой стерлядью угостить.

— Неплохое она им угощение придумала. Стерлядку на пару по-хорошему она готовит. Не один раз я у вас это кушанье едал... Темнеть начинает. Давай, паренек, уху хлебать, а за едой да чайком и поговорим обо всем.

* * *

Когда Макар и Мишутка после сытной ухи напились чаю, леса окутала ночная темнота. На синем бархатистом небе мерцали звезды и блестел молодой рогатый месяц.

Медвежонок, накормленный хлебом с молоком, спал, посапывая, на завалинке, в костре тлели угли, поблескивая сквозь пух золы. Возле костра, привольно раскинувшись, лежал Пономарь, прислушиваясь к лесным шорохам и пошевеливая наостренными ушами.

В тишине ночи были хорошо слышны всплески речных струй, и где-то далеко в лугах кричали коростели, а на реке надрывно плакали гагары.

Макар, покуривая трубку, сидел на ступеньке крыльца, а неподалеку на душистой траве, подло-

жив под голову руки, лежал Мишутка и смотрел на звезды.

— Дедушка!

— Ась?

— Ты любишь на звезды глядеть?

— В твои годы немало ими любовался.

— А теперь?

— Да как тебе сказать. Бывает, что иной раз на них поглядываю, когда надо погоду определить.

— А я вот готов всю ночь смотреть на них. Уж только больно их много над нами. Гляжу, а сам иной раз думаю, что ежели они вдруг падут на землю, то всю землю засыпят.

— Чудной ты. Пошто же им всем сразу на землю падать? Они, милоч, по одиночке на нее падают. Видал, поди?

— Видал. Мне кажется, что всякая звезда — из разного самоцветного камня.

— Не знаю. Сам понимаешь — звезды ведь высоко. Слезить к ним по лесенке да поглядеть ладом, из чего сложены, человеку не дано. Доводилось и мне слышать о звездах разное, я как-то по молодости в чердынских лесах след падучей звезды своими глазами видел.

От удивления Мишутка даже сел.

— А куда она упала?

— В лес.

— Из чего она оказалась?

— Да ты правильно понимаешь, паренек. Я только след ее падения видел. Пала звезда на землю, леса не на один десяток верст начисто выжгла, а сама под землю ушла.

— Это как же?

— А вот так. Глубоко зарылась. Откопать ее у людей силушки не хватит. Упала вот звезда, а людям поглядеть на нее нельзя.

Мишутка задумался и в ответ на свои мысли сокрушенно покачал головой. В лесу совсем близко захохотала сова, а через минуту ей таким же хохотом ответила другая за рекой. Мишутка, встав, подошел к Макару и сел с ним рядом на ступеньку.

— Люблю я, дедушка, в лесах ночную тишину. Сказки в такой тишине вспоминаются.

Макар медленно набил трубку махоркой, чиркнул спичку и закурил.

— Дедушка, хочу спросить у тебя, с какой поры твои родичи в наших краях объявились?

— Давно, паренек. Дедушка мой еще молодым был, когда убежал из Орловской губернии и в лесах здешних схоронился.

— От кого убежал?

— От помещика. Крепостным был. Не вынес барской лютой. Времена были тогда для простого народа крутые. Людей господа на собак выменивали. — Старик помолчал и добавил: — Оно и теперь не сладко нам живется. Куда ни повернешься, везде на кулак урядника наткнешься.

— Искали, наверно, его?

— Конечно искали, да только разве в таких лесах найдешь. Дед мудрый был.

— Сам вот я теперь стариком стал, а все еще хорошо помню, как он наставлял меня, учил, не спотыкаясь, по жизненной тропе шагать. Твой покойный батюшка, когда пареньком был, знал моего деда. Дед его рыбацкому ремеслу и обучил.

Мишутка вздохнул и, взглянув на Макара, тихо сказал:

— Нет у меня батюшки. А ведь какой он хороший был. И тоже про все в жизни знал... Ты, наверное, дедушка, спать хочешь?

— Ты что, паренек. Про сон рано думать. Ночь только началась. Сперва меня музыкой побалуй.

— Сейчас.

Мишутка взял стоявшую на крыльце гармони, расстегнул на ней ремешки и пробежал пальцами по ладам.

— Радость для меня гармошка. От батюшки мне перешла. С малых лет учил он меня на ней играть, а сам помнишь, как она в его руках пела. Теперь все, что батюшка играл, я тоже играть умею. Любишь ты гармошку?

— А как же не любить? Все отняли у народа царские начальники, вот только песню отнять не посмели.

Мишутка растянул меха гармони и заиграл вальс «На сопках Маньчжурии», заученный всей Россией после русско-японской войны.

Скоро мелодия вальса сменилась народной песней «Вот мчится тройка почтовая», а та — веселой плясовой. Но плясовая звучала недолго. За ней гармонь выпела песню «Славное море, священный Байкал», а после — «Степь да степь кругом».

Макар слушал музыку, склонив голову, и перед взором старика вставали образы всего того, о чем пела сейчас гармонь в руках мальчика. Мишутка играл мастерски. В его музыке была простота и удивительная задушевность.

Сознательная жизнь Мишутки началась с отцовской рыбацкой лодки. Отец рано начал брать его с собой на рыбную ловлю и успел неплохо обучить его рыбацкой азбуке. С отцом Мишутка узнал косвинские и камские прибрежные леса, перепевы и шепоты водяных струй обеих рек. Потом отца неожиданно взяли в солдаты и угнали воевать на Дальний Восток. Домой он уже не вернулся, уснув вечным сном где-то на не известных мальчику сопках Маньчжурии. От сельчан, возвратившихся с войны, Мишутка узнал, что его отец пал смертью героя, а также услышал много ужасного о несчастной и позорной для России войне с японцами.

Мальчик вместе с любимой матерью тяжело переживал потерю отца, а потому, когда брал на досуге гармонь в руки, то всегда, начиная играть вальс «На сопках Маньчжурии», вспоминал об отце.

Мишутка перестал играть. Не торопясь, он выпустил воздух из гармони и застегнул на ней ремешки.

— Спасибо, паренек.

— Взгляни, дедушка, медведко не спит. Может, тоже музыку слушал... А хорошо ты придумал, когда медом его после угостил.

— А как иначе? Если хочешь со зверем дружбу водить, должен уважать его заветные желания. Этот медведко до меда охотник. Сам увидишь, как через медок я с ним накрепко подружусь.

— Решил его приручить?

— Испробую. Неволить зверька, конечно, не стану. У наших медведей ум хороший. Коли поймет мою доброту своим чутьем, пусть возле меня живет, а если в лес его потянет, пускай топает, потому сотворен он для лесной жизни.

Макар, позевывая, встал.

— А теперь, Мишутка, пойдем спать. Медвежонка я в избу перенесу. Коли медведица жива, она станет его искать и до росы по следу до моей избы добредет. Нюх у зверя очень хороший.

* * *

Едва брезжил рассвет, когда тишину леса нарушил зычный медвежий рев. Макар и Мишутка проснулись одновременно. Приподнявшись на локте, Макар посмотрел на медвежонка, лежавшего на полу возле почки. Тот мирно спал.

На открытое окно, оцетинив шерсть, вскочил Пономарь, спавший на завалинке. Скуля и наострив уши, пес сел около хозяина.

— Что, братец, незваная гостья тебе не больно понутри?

Медвежий рев повторился, и разбуженный им медвежонок заскулил.

— Дедушка, медведица, сюда идет, — сказал Мишутка.

— Я тебе говорил, что обязательно должна прийти.

Слова Макара прервал хруст жердей в изгороди.

— Ох ты! Никак, дедушка, она огородные прясла рушит?

— Ну и пусть позабавится. Все одно только раскидает жерди, а наломать много не наломает, потому у меня они больше березовые. Вот медвежонку надо, пожалуй, морденку завязать, чтобы свой голос не подал.

— Помочь тебе?

— Один управлюсь.

Встав с лавки, Макар подошел к медвежонку и, взяв его рукой за мордочку, натуго перевязал ее тряпичей.

— Потерпи малость.

Макар подошел к окну. Опять раздался медвежий рев и треск ломаемой изгороди. Макар посмотрел в окно и засмеялся.

— Дуреха злобливая. Погляди, Мишутка, как ловко орудует лапами. Жерди из прясел раскидывает, будто струны на балалайке рвет.

Мишутка подбежал к окну и увидел, как в предрассветной мгле огромная медведица, стоя на задних лапах, передними раскидывала жерди.

— Ух, какая она здоровая!

— Да, силенка, видать, в ней водится богатырская. Баню бы только не вздумала завалить.

Раскидав большую часть изгороди, медведица, взревев, прошла мимо избы, но на поляне остановилась и неожиданно охватив молодую березку лапами, пригнула ее к земле, переломила и, приплюсываясь, быстро ушла к реке. Побыв недолго на берегу, вернулась к избе и, обойдя ее несколько раз, с ревом пошла через просеку в лес.

В сенях заголосил петух.

– Ушла, кажись, дедушка?

– Должно, ушла. Пойду взгляну на прясла.

– Обожди немного, дедушка, пусть подальше уйдет.

– Теперь уже не вернется, потому след дитеныша утеряла. От реки-то я его к себе на руках принес.

– Думаешь, не придет больше?

– Ежели материнское сердце не уgomонится, то придет, но только к реке, потому у воды след медвежонка потерялся. Давай, Мишутка, ложись и доспи часок до свету.

– Сон с меня как рукой сняло. Пойду с тобой.

– Пойдем, только я сперва зверьку морденку развяжу.

Макар развязал тряпицу и погладил медвежонка по голове.

– Молодец, не выдал себя. Пойдем.

Пономарь, поняв намерение хозяина, выпрыгнул в окно. Макар и Мишутка босые вышли из избы и по холодной росе прошли в огород. Увидев раскиданные жерди, Макар покачал головой и почесал затылок.

– Смотри-ка, горох мой начисто помяла. В нем, видно, перво-наперво дитеныша искала.

Пономарь, ошетилившись и обнюхивая медвежьих следы, носился по огороду, поминутно подбегая к хозяину.

– Да будет тебе, Пономарь, попусту под ногами мотаться. Небось, как взревела медведица, так ты живо в избу убрался. Чистый это для тебя конфуз.

– Напрасно ты его коришь. Он тобой на белку обучен, а не на медведя.

– Да это я так, не всерьез ему выговариваю. Он у меня не один раз косялапых при надобности со спячки подымал. Хороший пес. Только вот стариться за компанию со мной начинает.

На востоке занималась заря.

– Вот и солнышко встает. Пойдем чайник кипятить, тебе пора на Каму подаваться.

– Сейчас и подамся.

– Нет, сперва со мной чаю напейся.

– Как вернусь вечером с Камы, помогу тебе прясла починить.

– Об этом не заботься, а вот если на стерлядку удача будет, так оделить меня не позабудь.

– Стерлядей наловлю, не сомневайся. Стерляди нынче в Каме много.

Разговаривая, они вернулись к избе. Макар внимательно осмотрел переломленную березку. Сходил в огород и принес жердь.

– Принеси-ка, Мишутка, из сеней топор и мочала побольше. Надо поставить березку, может, и оживет.

Макар осторожно выпрямил березку. Топором он заострил жердь и вбил ее в землю вплотную к берез-

ке. Еще раз осмотрел деревцо и натуго в трех местах привязал его к жерди.

— А теперь, Мишутка, ступай на реку и ополоснись со сна, а я тем временем костер раздую.

— Давай помогу.

— Говорю, ступай. Будто не знаешь моих порядков. Гости у меня хозяйской работой себя не утруждают.

Мишутка, забежав в сени, вернулся с полотенцем в руке и побежал, насвистывая, к реке...

3.

На двенадцатый день Макар развязал медвежонку сломанную лапу, прощупал ее и, решив, что она срослась правильно, позволил ему побродить по избе.

Медвежонок сначала наступал на лапу с опаской и держал ее больше на весу. Через час стал ступать смелее и, прихрамывая, обошел избу, деловито обнюхивая все углы.

Часа через два Макар вновь завязал лапу в лубки. К удивлению старика, медвежонок даже не попытался укусить его, и он решил не спутывать ему задние лапы. Незаметно для себя Макар привязался к зверьку, особенно было ему приятно, когда медвежонок, получая после вечерней еды порцию меда, в благодарность лизал руку своим черным шершавым языком...

* * *

Прошла еще неделя, и Макар решил окончательно снять лубки.

Получив свободу, зверек вновь облазил в избе все лавки и сундуки. Он несколько раз вылезал в открытое окно на завалинку и залезал обратно, но старался все время быть недалеко от Макара.

С Пономарем медвежонок совсем сдружился и при всяком удобном случае старался куснуть его за хвост, поэтому пес, когда был поблизости от него, ходил с поджатым хвостом...

Однажды Макар днем кормил кур. Замесив отруби с овсом, он понес корыто в огород.

Медвежонок пошел за ним следом, и тут-то произошло событие, из-за которого он нажил себе первого страшного врага — петуха.

В тот момент, когда петух и куры клевали из корыта корм, к ним подошел любопытный медвежонок. Куры с гомоном шарахнулись в стороны, но петух, не двинувшись с места, встал перед медвежонком в воинственную позу. Оба, вытаращив глаза, долго смотрели друг на друга. Медвежонок в конце концов решил ударить петуха лапой, но едва только он пошевелился, как петух, метко нацелившись, долбанул его в нос.

От боли и неожиданности медвежонок опрокинулся на спину, но, быстро вскочив на ноги и сердито, ворча, решительно двинулся к петуху. Но тот снова опередил его и, наскочив, несколько раз клюнул в голову.

Ошеломленный атакой, медвежонок взвизгнул и, совершенно растерявшись, подбежал к Макару и испуганно прижался к его ногам.

Петух, гордый одержанной победой, раскачивая головой, важно зашагал к корыту, скликая перепуганных кур.

Постепенно куры собрались и стали клевать корм, петух, стоя на краю корыта и косо поглядывая на медвежонка, выгнул колесом грудь и торжествующе пропел кукареку.

4.

Дня через два после неудачного знакомства медвежонок с петухом Макар, ожидая, что к нему заедет с рыбалки Мишутка, решил пострелять для него рябчиков.

Закрыв окна, он запер медвежонка в избе и, взяв Пономаря, пошел на охоту.

Вернувшись домой часа через два с дичью, Макар увидел, что створка одного окна распахнута настежь. Заглянув в избу и не найдя медвежонка, Макар обыскал весь огород и послал Пономаря искать беглеца. Умный пес, деловито обнюхивая поляну, побежал к реке и по берегу скрылся в лесу.

С поисков пропавшего приятеля Пономарь вернулся почти через час и, увидев хозяина, виновато прижал уши, стал по-кошачьи тереться о его ноги.

Макар спросил:

— Не нашел?

Пес, виновато понутив голову, сел.

— Ничего не поделаешь. Ушел наш медведко. У

нас ему, конечно, было неплохо, но лес для зверя милее. Жаль. Занятный был косолапый. Уж больно мне хотелось, Пономарь, чтобы он прижился у нас. Это его петух согнал со двора. На него медведко за-таил обиду. Не мог понять дуралей, что петух в драку с ним полез из-за страха. Тебе, вижу, Пономарь, тоже его жалко? Да, братец, не вовремя мы ушли с тобой на охоту, вот и проморгали приятеля. Оно, конечно, обижаться на него не приходится — потому сам пришел, сам и ушел...

Остаток дня Макар провел в ожидании. Хмуро покуривая трубку, он несколько раз ходил к реке, все еще не теряя надежды, что найдет пропавшего медвежонка.

Пономарь, чувствуя тревогу хозяина, бросался в лес на каждый подозрительный шорох, но всякий раз, высунув язык от усталости, возвращался ни с чем.

В час заката, тяжело вздыхая, Макар разжег костер, сел на крыльцо и, задумавшись, снова раскурил погасшую трубку.

В этот печальный для Макара вечер из деревни приплыл Мишутка.

Держа в руке плетеный сачок с рыбой, он подошел к крыльцу и, увидев грустного Макара, встревоженно спросил:

- Занемог, что ли, дедушка?
- Медведко, Мишутка, потерялся.
- Не может быть?
- В лес ушел.

Не зная, что сказать Макару в утешение, мальчик молчал. Потом, видя, что старику не по себе, тихо сказал:

- Щурят вот тебе завез.
- Спасибо. У меня для твоей матушки гостинец есть. Рябков настрелял. Посиди со мной.
- Хорошо, дедушка.
- С горя вместе почаевничаем.

Мишутка взял стоявший на ступеньке чайник и пошел к реке.

* * *

Чай Макар и Мишутка пили молча. Мишутка, не смотря на то, что любил сотовый мед, пил чай сегодня без обычного удовольствия.

Темнело. Всюду лежали густые сиреневые тени.

– Да, Мишутка, прямо дивлюсь сам себе, как я крепко к зверенышу приобьк. Немало их лавливал в жизни, но отпускал на волю из жалости, а вот по

этому медведке так скучаю – места не нахожу. Особенно в нем будто и нет ничего, а как вспомню про его щенячьи повадки и проказы, то прямо сердце щемить начинает.

– А мне, думаешь, его не жалко? Молчу только. Все время думаю, куда он мог податься. Пономарю тоже его жалко. Смотри, как уши вострит, в шорохи вслушивается.

– Пономарь, Мишутка, сегодня не один десяток верст по лесу пробежал, косолапого приятеля разыскивая.

Неожиданно спокойно лежавший возле хозяина Пономарь вскочил и со всех ног кинулся к реке, а уже через минуту на берегу раздался его громкий, радостный лай.

Макар, повеселев, сказал:

- Кажись, медведко вернулся.
- Пойдем скорее, дедушка, поглядим.
- Нет. Никуда не пойдем. Здесь его будем ждать.

Потому из дому ушел без спросу, а это непорядок. Должен сам перед мои очи с повинной головой явиться.

Радостный лай Пономаря, не умолкая, приближался, и скоро с берега на луг вышел, косолапа и мотая головой, с высунутым языком медвежонок, а вокруг него прыгал Пономарь.

Подойдя к Макару, медвежонок остановился и, мигая, смотрел то на старика, то на Мишутку. Урча, он обошел кругом и, наконец, осмелившись виновато забрался к Макару на колени и, упершись передними лапами в грудь старика, стал лизать его щеку.

Улыбаясь, Макар похлопал его по спине и спросил:

- Явился, шатыга? Куда бегал?

Медвежонок таращил глаза на хозяина, поворачивал голову, внюхиваясь в воздух.

– Ишь ты. Мед учуял. Есть медок, да только не про твою медвежью честь. Что я тебе говорил, Мишутка? Сам видишь, что мед мою дружбу со зверем цепью сковал. Будь покоен. Теперь навсегда со мной останется. Эх, косолапый, косолапый, умишком ты вовсе еще дуралей, а дорогу домой все же нашел. Молодец.

И, обернувшись к Мишутке, старик распорядился:

– Давай, паренек, по такому случаю жарь яшенку-глазунью. Чего сидишь? Из десятка глазунью жарь, потому уж больно я проголодался. Шевелись, говорю. Успеешь на косолапого налюбоваться. Действуй по-солдатски. Одна нога здесь, а другая там. Сковородка и яйца в сенках, а я тем временем шатуна косолапого покормлю да медом угощу...

5.

Наступила осень. В лесах Косьвы свою парчу она ткала из двух ниток – красной и золотой.

Затяжные дожди поотмыли яркость красок на лугу и примяли траву к земле. Рыжими и желтыми пятнами покрылся луг, и тревожно перешептывалась на нем с ветром побуревшая трава.

В золотой осенний наряд вырядились березы и черемухи.

В огороде пожухла крапива и репейник. Капуста на грядках свернулась в тугие кочаны. Кусты шиповника на просеке украсились бусинами ягод. На пригорках рубиновыми огоньками горела брусника. На берегах реки гроздьями алела ягода на рябинах. Мхи на скалах прошила серебристая нитка седины, а в заводях камыши вытянули копыя с плюшевыми наконечниками...

Осенней порой у Макара работы было много.

Прежде всего развесил он в сенях свежие веники, а потом выкопал картошку. Обложил с северной стороны избу поленицами дров и побелил печку. Потом вставил вторые рамы.

В некоторых местах проконопатил стены. Насобирали шишек для самовара, а для растопки надрал бересты.

С просеки Макар, не торопясь, сносил к избе с весны нарубленные дрова, и в этом ему помогал медвежонок. За это время он подрос и возмужал.

Сила у него была завидная. Макар свяжет веревкой охапку поленьев, оденет медвежонку ляжку петлей на шею, а тот волоком и тащит дрова к огороду.

Подрастая, медвежонок с каждым днем становился более степенным и меньше проказил.

Макар звал его теперь Пекарем, и тот охотно откликался.

Назвал его Макар так после одного случая. Как-то решил старик поставить тесто для шанег. Замесив квашню по всем правилам, он поставил ее на лжанку возле истопленной печи. Под утро сквозь сон услышал какое-то кряхтенье. Открыл глаза и увидел — около квашни сидит медвежонок и тузит лапой поднявшееся тесто. Понравилось это Макару, и с тех пор он стал звать его Пекарем...

* * *

Как будто не торопясь, с грустным шуршанием опали листья с берез и черемух.

Леса нахмурились, потемнев хвоей.

Вода в Косье под лучами солнца отливала синевой стали, но чаще всего она шершавилась рябью.

Улетели в теплые страны перелетные птицы.

По утрам на просеке стали чаще стрекотать сороки, а по ночам гукали филины.

Затяжной дождь, постукивая монотонно в стекла окон, нагонял тоску.

Как всегда в последние годы, осенними ночами мучила старика бессонница, и, не желая с ней дружить, он старался позднее лечь спать.

В избе топилась печь. В трубе завывали порывы ветра. На столе, заглушая их, тянул писклявую нотку самовар.

С утра Макар перенес в избу кур и петуха и посадил их за печь. Появление петуха в избе произвело на Пекаря удручающее впечатление. Со страху медвежонок забрался под лавку и пролежал под ней до тех пор, пока Макар сел пить чай. Но из-под лавки медвежонок вылез не сразу. Сначала, высунив голову, долго вслушивался и отважился вылезти только тогда, когда не услышал за печью признаков петушиной жизни. Осторожно вытягивая шею, он два раза прошелся по избе, косо поглядывая в темноту запечья, и лег со вздохом рядом с Пономарем у печки, как бы надеясь на защиту пса, если петух вздумает его атаковать. Макар подошел к ним и, присев на корточки, погладил того и другого, а у медвежонка почесал за ушами. И разом вспомнил старик свое раннее детство. Вспомнил, как в осенние вечера его ласково гладил дедушка шершавой трудовой ладонью, когда внук, наслушавшись его сказов и побывальшин о родном крае, размечтавшись, не мог уснуть.

Как бы испугавшись этих воспоминаний, Макар торопливо полез на печку и лег, прикрывшись тулупом. Он хорошо знал, что как только даст волю памяти, то она отгонит сон, приведет докучливую бессонницу и заставит всю ночь перевертываться с боку на бок.

Но заснуть он сразу не мог и долго лежал, слушая осеннюю непогоду, перебирая в памяти пережитое. С улыбкой вспоминал о проказах Пекаря, о том, как один раз с полатей сбросил на пол все пожитки, как, нанюхавшись перцу, до крови чихал, как в другой раз распорол мешок с гороховой мукой, наелся ее до отвала и два дня пролежал, икая...

Старик был доволен. Появление медвежонка и его проказы внесли в одинокую жизнь разнообразие. Вся жизнь Макара прошла в лесу. Он имел друзей, но у всех у них была своя жизнь.

Осенью старик особенно чувствовал свое одиночество, но понимал, что любая жизнь на людях не сможет заменить ему привычной вольной лесной жизни.

И только зимой старик расставался со всеми старческими думами и бессонницей, уходя на промысел векши. Зимой в нем появлялась прежняя энергия и заставляла его забывать про годы.

Коротая эту осень, старик был рад, что Пекарь отвлекал его от тяжелых раздумий...

6.

Ледяная кольчуга сковала Косьву в тот год раньше, чем выпал снег.

Медвежонок с утра до сумерек не уходил с реки, разгуливая по полированному льду. Ходил по льду до смешного неуклюже, стучаясь о него мордой, когда лапы, скользя, расплзались в разные стороны. Вертя головой, он подолгу любовался своим отражением в зеркале льда и колотил по нему лапами, когда видел, как подо льдом около берега проплывали налимы и сомы.

Галька, случайно скатившаяся на лед с берега, привлекла внимание медвежонка, и он стал скидывать лапами на лед гальки и, взвизгивая, прыгал довольный, когда они, катясь по льду, заставляли его мелодично позванивать.

Звон и похрустывание молодого льда занимали медвежонка больше всего.

После того, как реку сковал лед, в прибрежных кустарниках и камышах появились зайцы, уже сменившие летнюю окраску шерсти на зимнюю.

Медвежонок, незаметно подкрадываясь к зайцам, распугивал их сердитым рычанием и, кувыркаясь, взвизгивал от удовольствия, когда, застигнутые врасплох, они с перепугу выскакивали на лед, вертели на нем беспомощными белыми комками, не зная куда бежать, и, с трудом справившись со страхом, наконец, скрывались в лесу.

Первый снег густо сыпал двое суток.

Снег падал сухой, хрустящий.

За ним наступила крепкая стужа с метельными ветрами.

По лесам и гористым увалам Косьвы метель переметала снега больше суток, а потом наступило тихое морозное солнечное утро.

Леса, одетые в зимние наряды, под солнечными лучами сверкали мириадами блесков. Как богатыри в серебряных кольчугах, стояли теперь лесины на берегах Косьвы.

От реки к лесу гребнями гигантских волн наполнили сугробы самых причудливых форм. В тех же местах, где лесины тесно жались одна к другой, снег застрял на гуще ветвей, и покрывавшие землю мхи и толстые кошмы хвои искрились сединой инея.

То тут, то там на реке блестили зеркала льда в замысловатых по рисунку рамах снежных сугробов. Сугробы на берегах вдоль и поперек исчерчены тропками зайцев и кружевными следами птиц и блох.

Снежные шали укрыли кварцевые скалы около избы Макара. С луга снег сдуло к изгороди огорода, и сугроб, похожий на серп, поднявшись выше избы, охватил ее снежным объятием со стороны просеки. Косматыми бородами наметов свисал снег с крыши, соединяясь с сугробами на огороде, похожими на вздыбленных коней. Перед крыльцом также поднялась стена сугроба.

Таким увидел Макар свое жилье, когда вышел из избы после бурана.

На медвежонка снег не произвел особенного впечатления, вначале он пробовал взбираться на сугробы, но несколько раз проваливался в них с головой, и, устав выкарабкиваться, он меланхолично лег на крыльцо. Пес без устали бегал по просеке и лесным опушкам, деловито обнюхивая свежие следы, и с лаем гонялся по берегу за зайцами.

Макар, разгребая снег, проработал весь день, а на закате прорубил в реке две проруби одну для себя, а другую поодаль, в том месте, куда из года в год выходили сохатые на водопой.

7.

Морозы, ударившие после первого снегопада, ослабели в первую декабрьскую ночь, когда снежинки, густо запорхав при сильном ветре, стали вновь засыпать косвинскую лесную глушь, изменяя ее снежные декорации...

В сумерки в избе Макара топилась печь. В трубе голодным волком завывал порывистый ветер. Пригоршни снега, ударяясь в промерзшие стекла, походили на стук руки, одревеневшей от холода.

Когда Макар поставил самовар, неожиданно пришел занесенный снегом Мишутка. Он привез на салазках пудовик муки. Его приходу Макар, как всегда, обрадовался.

— Ну, дедушка, вот я и явился. Стосковался по тебе. А ты мне рад?

— Эх, Мишутка, любишь ты зря языком болтать. Неужели каждый раз рассказывать тебе, что твоему приходу я всегда радешенек. Раздевайся скорей. Муку куда везешь?

— Тебе привез. Мука свежего помолу.

Мишутка, отряхнувшись от снега, разделся.

— Ох, и метет же, дедушка. Зги не видать.

— И не говори. С утра сердит я на буран, потому все мои намерения он спутал. Метельная зима выдалась. Большой от нее моему охотничьему промыслу урон будет. Валит и валит снег.

Потирая озябшие руки, мальчик подошел к печи и, увидев на самоваре трубу, засмеялся.

— Над чем смеешься?

— А над тем, дедушка, что неплохо я угадал прийти как раз к самовару.

— Точно. Скоро вскипит. С медом, поди, захочешь чай пить?

— От меду разве откажешься. С морозу-то он на пользу.

Стоя у печки, Мишутка внимательно осматривал избу, и это заметил Макар.

— Пекаря, наверно, ищешь?

— Не угляжу что-то его.

— И не углядишь.

— А где он?

— В сенях.

— Почему?

— Потому что на спячку лег.

— Да ну? Поглядеть можно?

— Погляди. Только все равно его не увидишь, потому в солому зарылся да вениками сверху себя завалил, все их со стен поскидал на пол. В сенях мастерил себе берлогу.

— Я все-таки взгляну.

Мальчик вышел в сени. Макар, сняв трубу с самовара, поставил его на стол. Смеясь, в избу вернулся Мишутка.

— А не студено ему будет, дедушка?

— Да ты что? Зверь чует, что ему надо. Давай режь хлеб, а я в голбец за медом слажу. Какого хочешь: в сотах или сахаристого?

— Сотовым побалуй, дедушка.

— Сотовым, так сотовым. У моего Пекаря шуба добрая. На тело тоже не тощий. В лапах жирку хватит. Занятно мастерил берлогу и своей возней Пономарю немало крови испортил.

Мишутка нарезал большими ломтями ржаной хлеб. Макар, побряхывая, вылез из подполья с комом сотового меда в глиняной чашке.

— Огня надо, Мишутка, вздуть.

Мишутка зажег лампу и поставил ее на стол.

— Садись, паренек, к самовару по-домашнему. Как это ты не побоялся в эту метель ко мне топать?

— Да разве страшно? Дорогу к твоей избе я с вязанными глазами найду.

Мишутка налил чай в стаканы. Макар сел за стол. Отхлебнув несколько глотков, он спросил, лукаво прищурился.

— Ты, думаю, ко мне не на одну ночку пришел.

— Угадал, дедушка, поживу у тебя всю неделю.

— Вот и хорошо. Валенки у тебя добрые.

— Да ничего будто. Нынче осенью заново подшили.

— Добро. На векшу с тобой вместе ходим.

— А разве ты еще не ходил нынче?

— А как пойдешь, когда все бураны да бураны? Сам, поди, видел, до чего снегом леса завалило.

— Снегу нынче много. Только идти было легко, наст крепкий. В деревне у нас все тебя в гости ждут, стосковались по тебе.

— Да и я по людям стосковался. Забыл как-то своих дружков, а ведь такое не в моем характере. Времени у меня мало. Туда-сюда ткнешься, глядишь — день прошел...

Доливая в стакан чаю, Мишутка спросил:

— Медведко вырос, наверно. Давно я его не видел. Жаль, что на спячку улегся.

— Радоваться должен, а не жалеть. Я шибко побавился, чтобы он шатуном на первую зиму не остался. Нехорошо медведю зимой бродяжить. Разум у зверя от этого мутится, и лишняя свирепость его одолевает. Пусть спит и лапу сосет... А у меня подарок для вашей избы завелся.

— Какой?

— Шкура медвежья. С неделю, поди, прошло, как недалеко от избы шатуна порешил. Добрый зверь. Живого веса в нем пудов пятнадцать было. Толковый ковер выйдет. Домой пойдешь — захватишь с собой.

— Большое спасибо, дедушка. Только чем мы с маманей тебя отдаривать станем. Тараканами, что ли, возьмешь?

— А ты не печалься. Музыкакой отдарить. По весне опять стану ее слушать. Про тараканов ты в самый раз помянул. Пекарь любил ими забавляться. Пока на спячку не лег, все лазил по лавкам и лупил их на стенах. Иной раз до того лапы пообобьет, что ступить на них не может. Хороший зверь растет. Весной надо будет его обхождению с муравьями обучить.

— Зачем это?

— Как зачем? Не знаешь разве?

— Не знаю.

— А вот зачем. После первой спячки он шибко отощает. Кишки у него ослабнут, а поест муравьев — и от муравьиного спирта они окрепнут. Сося лапу, паренек, досыта не наешься.

— Пономарь, наверно, тоже по нему скучает.

— Первые дни страсть как скучал. Дня два из сенок не мог его в избу зазвать. Сидит возле соломенной берлоги и скулит.

— Эх и память у меня, дедушка.

— Про что забыл спросить?

— Да не спросить забыл, а совсем другое. Табачок тебе принес.

Мишутка выскочил из-за стола и достал из кармана шубейки две пачки махорки. Вернувшись, положил их около Макара.

— Вот за табачок тебе особое спасибо, потому курево у меня вовсе на исходе. Дымлю теперь от всяких раздумий многовато.

Старик стал закуривать, а Мишутке сказал:

— А ты, паренек, разговор плети, но про чай не забывай. Пей. Немного погодя закусим на ночь. Груздочки у меня ноне хорошо засолку приняли...

За печкой заскрипел сверчок, и тотчас же ему в ответ заскрипел второй в щели бревна.

— С музыкантами, слышу, зиму коротаешь?

— А как же. Прижились, видать, дельные сверчки. Играть не ленятся. Из-за сверчков я и зиму уважаю, потому с их музыкой и в избе веселее делается...

(Окончание следует)

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Царские кудри

Бывает так, что экзотические растения, «описанные» где-нибудь в тропиках, имеют дальних родственников, обитающих на наших широтах. Такова саранка, одна из лилий, лилия кудреватая, у нас прозванная царскими кудрями, а ботаникам известна как мартагон.

Если допустить, что у всех цветов «характер» женский, то в саранке я узнаю девушку на выданье. Как она ведет себя? Сначала ее свисающий на изогнутом цветоносе бутон наглухо закрыт. Вся она в себе, белый свет ей будто бы не интересен. Вскоре, однако, ее розовые лепестки начнут стеснительно распускаться, все смелее и смелее распахиваться. Потом окажется, что им мало раздвинуться на 180 градусов, они завернутся вверх, пока кончики всех шести крапчатых лепестков не сомкнутся фонариком или чалмой, стыдливо-бесстыже свесив книзу открытые всем ветрам шесть тычинок и один пестик, — в надежде на то, что какое-нибудь насекомое соблазнится сесть на коричнево-пурпурные пыльники, перенесет клейкую пыльцу на клейкое рыльце пестика, чтобы одна гамета проникла к другой, слившись в глубоко спрятанной завязи...

Теперь саранка встречается довольно редко, может быть, потому, что в былые времена на Урале и в

Сибири ее выдергивали, чтобы полакомиться черепитчатыми луковицами.

Не очень известна легенда о том, что саранка выросла из сердца казака, одного из тех, кто погиб на сибирских просторах.

На садовых участках обычна похожая на саранку лилия тигровая. Ее маркую пыльцу трудно смыть с одежды.

В родственных связях с саранкой числятся лук, чеснок, спаржа, ландыш, черемша, чемерица.

«Ли», если перевести с языка древних кельтов, — белый, а «ли-ли» означает «белый-белый».

Классическая лилия — белая-белая. Она цвела на земле за миллионы лет до человека. А появившись, люди не могли не заметить ее, не выделить. Ее изображения археологи нашли на критских вазах, относящихся к XVIII веку до нашей эры. В античные времена греки верили, что первые лилии произросли из капель молока богини Геры, упавших на землю, когда она кормила младенца Геракла.

Природа и люди расщепили белизну классической лилии, окрасив ее виды и гибриды в самые разные, правда преимущественно «теплые», цвета — красный, кремовый, карминный, розовый, пурпурный, желтый. Саранка — прекрасное тому доказательство.

Национальный парк спорта и туризма «ТУРГОЯК»

ГОРНОЛЫЖНЫЙ
ЦЕНТР
СОЛНЕЧНАЯ
ДОЛИНА

ЛЕТНИЙ СПОРТИВНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ «ШКОЛА ЮНОГО ТУРИСТА»

- Палаточный лагерь на берегу р. Сыростан
- Учебно - тренировочные занятия
(экипировка, скалолазание, ориентирование на местности и многое другое)
- Ежедневная развлекательная программа
- Экскурсионные программы
(Ахматовские копи, о. Веры, музей Ильменского заповедника)
- Вечер у костра
- Новые друзья и великолепная природа

- 1 смена - 15.06 - 24.06
- 5 смена - 25.07. - 05.08
- 2 смена - 25.06. - 04.07
- 3 смена - 05.07 - 14.07
- 4 смена - 15.07 - 24.07
- 5 смена - 25.07. - 05.08
- 6 смена - 06.08 - 15.08
- 7 смена - 16.08 - 25.08

ПУТЕВКА НА 10 ДНЕЙ
7300 руб
АГЕНТСТВАМ 10%

г. Миасс, гора Известная, dolina@miass.ru, www.dolina.su

Заявки принимаются по тел.: (3513) 284-226,590-666. Представительство в г. Челябинск: 8 (351) 247-20-05

Дорогие выпускники школ, вузов, студенты и родители!

Для вас программа «Доступное образование в Европе» Обучение в вузах Чехии

Гостеприимная Европа ждёт Вас!

Мы предлагаем:

ВУЗЫ ЧЕХИИ

- Высшая Школа Предпринимательства г. Острава
- Институт Государственной аккредитации и международных отношений г. Прага
- Банковский Институт г. Прага
- Отельный институт г. Прага
- Торговый институт г. Прага
- Институт Финансов и Управления г. Прага

GeKs Company s.r.o.

тел: (+420) 774-603-571

(+420) 775-397 400

e-mail: geksg eks@seznam.cz

В продаже словари (русско-чешский, чешско-русский), учебные пособия + аудиокурс для обучения чешскому языку
Наши специалисты предоставят Вам полную информацию, помогут подобрать вуз,
выучить чешский язык и оформить документы

У Р А Л Ь С К И Й
спецдоп

uraispalk.ru

**МАЙСКИЙ
ЭКСТРИМ
2009**

РЫЦАРЬ ФАНТАСТИКИ

У ВОЛЧЬЕЙ БАЛКИ

В ЭТОЙ ЯМЕ РЫБА ЕСТЬ

**ИЮЛЬ
2009**

Тринадцатый «Майский экстрим» собрал 31 мая на Плотинке представителей четырех направлений экстремального спорта и около 150 участников спортивной рыбалки. Спелеологи, как и в предыдущие годы, обосновались в створе Плотины, навесив там свои сложные веревочные лабиринты. Альпинисты установили два скалодрома слева от родонита, а напротив – составили дорожки из красных и синих фишек роллеры. Полноправным хозяевам фестиваля, водникам по традиции досталось водное пространство в центре города.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ

Майский экстрим – 2009

Елизавета Пахомова
фото: В. Осипова, Д. Хлопунова,
Волкова, Арефьева

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

